Моя история

Ури Геллер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В автобиографической книге знаменитого экстрасенса Ури Геллера, написанной им совместно с писателем Г.Л. Плэйфайром, рассказывается о невероятных историях, происходящих в жизни этого удивительного человека, его уникальных способностях усилием воли сгибать металлические предметы, телепатически угадывать и передавать мысли на расстоянии, воздействовать на часовые механизмы и сложнейшие компьютерные системы… Встречи с крупнейшими политическими деятелями, популярными музыкантами, актерами, спортсменами, звездами эстрады ждут читателей на страницах этой книги, рассчитанной на самую широкую массовую аудиторию.

- УРИ ГЕЛЛЕР
  - ЧАСТЬ I. Это происходит каждый день
    -
    - Глава 1. Это может случиться и с вами
    - Глава 2. Все это слишком невероятно
    - Глава 3. Известность
    - Глава 4. Эффект Геллера
    - Глава 5. Стихи
    - Глава 6. Ученые
  - ЧАСТЬ II. Как все начиналось
    -
    - Глава 7. Детство
    - Глава 8. Молодость
    - Глава 9. Война и кровь
    - Глава 10. Любовь
    - Глава 11. Парашютисты
    - Глава 12. Ранение
  - ЧАСТЬ III. Поиск значения
    -
    - Глава 13. Менеджеры
    - Глава 14. Голоса
    - Глава 15. Эксперименты
    - Глава 16. Высшие силы
    - Глава 17. Самое невероятное, но правда
  - Эпилог. БОГ
  - БЛАГОДАРНОСТИ
- notes
  - 1

УРИ ГЕЛЛЕР
МОЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ I. Это происходит каждый день

Глава 1. Это может случиться и с вами

Когда в ноябре 1973 года я зашел в крошечную комнатку радиостудии Би-би-си, чтобы принять участие в программе «Джимми Янг Шоу», я и не предполагал, что произойдет через несколько минут. Я был готов ко всему, но не к тому огромному совершенно потрясающему результату, который меня ожидал. Мне сразу понравился Джимми Янг. Прекрасный человек, очень теплый и дружелюбный. Как правило, я сразу могу определить свое отношение к новому человеку. Джимми сделал все, чтобы я чувствовал себя как дома, и это было здорово, так как я изрядно волновался, впрочем как всегда перед началом публичного выступления.

Программа «Джимми Янг Шоу» была в то время очень популярна. Ее слушали очень многие и в Англии, и в Шотландии, и даже в Ирландии. Реакция зрителей на нашу встречу еще раз подтвердила популярность передачи.

Джимми, как всегда, начал с вопросов. Он поинтересовался, когда я впервые осознал, что способен гнуть ключи, гвозди и другие металлические предметы, лишь слегка к ним прикасаясь. Потом справился о том, когда выяснилось, что я могу заводить и чинить сломанные часы.

Я ответил, что начал замечать в себе все это с самых первых лет учебы в школе. Мои необычные способности, конечно, поразили одноклассников, учителей и родителей. Ну и, естественно, немало удивили меня самого. Кстати, я до сих пор не перестаю удивляться тому, как эти вещи происходят.

Затем Янг попросил меня что-нибудь продемонстрировать. Разумеется, я согласился. У нас ведь была договоренность об этом еще до передачи. Итак, Джимми достал из кармана массивный металлический ключ и положил его передо мной. Я проделал все, как обычно: накрыл ключ ладонью и стал меч-гать о том, чтобы он согнулся. Джимми наблюдал очень внимательно, звукоинженеры пытались разглядеть, что происходит, через стекло студии. Все были возбуждены, чего-то ждали. Я тоже нервничал, потому что знал, что иногда ничего не выходит и мне, естественно, бывает очень неудобно в таких ситуациях. Конечно, в большинстве случаев все было в порядке, но тем не менее всегда есть опасность потерпеть фиаско.

Едва я занес руку над ключом, сразу же вспомнил, как все получилось несколько месяцев назад во время радиопередачи в Техасе. Я и сам с трудом поверил в то, что тогда произошло. Записал радиопередачу, и она пошла в эфир через несколько дней

после моего отъезда. В той программе я также демонстрировал, как гнутся ключи, гвозди, а комментатор в это время описывал радиослушателям происходящее. В принципе все очень просто, но тем не менее удивительно. Ключ вдруг начинает очень медленно сгибаться от едва заметного прикосновения моих пальцев или даже когда я не касаюсь предмета, просто держу над ним руку. Потом я вообще убираю руку, а он продолжает гнуться сам по себе. Иногда он лишь чуть-чуть сгибается и останавливается. А в другой раз продолжает гнуться до угла в 45°, а то и в 90°. Порой кажется, что гвоздь словно тает без воздействия какого-либо тепла и разваливается на две половинки. Поэтому я никогда толком не знаю, что произойдет именно сейчас.

После трансляции радиопередачи в Техасе я неожиданно получил письмо с показаниями, данными под присягой тремя сотрудниками Генерального офиса Техасской прокуратуры. Один из руководителей офиса предложил трем своим подчиненным прослушать передачу и любопытства ради положить перед собой на стол какие-нибудь металлические предметы. К всеобщему удивлению, ложка вдруг начала сгибаться. Ключ от двери сломался пополам, а большая канцелярская скрепка просто исчезла. Я понимаю, как странно это звучит, но их письменные показания абсолютно достоверны, и, мне кажется, у них не было причин выдумывать эту историю. Но больше всего меня поразил тот факт, что передача велась в записи и пошла в эфир в то время, когда меня уже не было в Техасе.

Итак, сидя на студии Би-би-си в Лондоне четыре месяца спустя и направляя все усилия на ключ, который дал мне Джимми Янг, я вспомнил эту историю. И быть может, именно это воспоминание натолкнуло меня на мысль предложить радиослушателям направить их собственные усилия на свои ключи, ложки или вилки и посмотреть, что произойдет. Я высказал это предложение вслух неожиданно для себя и добавил, что если у кого-нибудь в доме есть сломанные часы, то пусть они направят все свои усилия на них и попытаются сделать так, чтобы они заработали. «Возьмите часы в руку, — сказал я, — и все мысли сосредоточьте на них».

Примерно в этот момент я убрал руку от ключа, который мне дал Джимми Янг. Ключ уже немного изменил форму и теперь продолжал гнуться на наших глазах. Джимми Янг был настолько поражен, что почти закричал: «Он гнется прямо передо мной! Я не верю этому!» Ключ действительно гнулся, для меня в этом не было ничего удивительного. Его слова, полные возбуждения, передавались на всю Англию, Шотландию и Ирландию. Потом мы продолжили разговор, и тут в студию ворвался продюсер с

ворохом каких-то записок в руках. Я не сразу понял, в чем дело, и поэтому просто продолжал рассказывать о том, что меня самого каждый раз удивляет, когда я вижу, как гнется ключ или ложка. А продюсер продолжал вбегать и выбегать из студии, внося одну пачку записок за другой. И только спустя какое-то время я понял, что происходит. Телефонная сеть Би-би-си зажглась словно рождественская елка. Звонки шли из самых разных уголков страны, со всех Британских островов. Казалось, вся Англия гнулась. Радиослушатели сообщали, что происходит с ножами, ложками, вилками, ключами, гвоздями в их домах, которые находились в двух шагах и в двух тысячах миль от Лондона.

Женщина из Харроу поведала, что она мешала суп, когда ложка вдруг начала гнуться. А у девочки в Сюре то же самое случилось с золотым браслетом. Один полицейский доложил, что у него согнулись несколько ножей и ложек. Какой-то часовщик утверждал, что в его руках согнулся пинцет. Также были сообщения, что часы, не ходившие годами, снова пошли.

На Би-би-си царила полная неразбериха. После того, что произошло в Техасе, я мог предполагать, что может случится нечто подобное. Мне казалось, что если люди очень захотят, чтобы какое-то чудо произошло в их домах, и если они действительно направят все свои силы на это, то я смогу им помочь. Но тем не менее я был просто поражен количеством звонков. Телефонная служба Би-би-си была настолько перегружена, что едва не вышла из строя.

Когда я вернулся в гостиницу «Гайд-парк» после радиопередачи, меня уже ждали корреспонденты почти всех крупнейших газет и телеграфных агентств. Там были журналисты из Рейтерс, Ассошиэйтед Пресс, ЮПИА, представители большинства британских газет и даже один журналист из Японии. Меня буквально забрасывали вопросами и просили снова продемонстрировать, как я гну ключи, ложки и кольца. Пришлось снова все повторить. Всех интересовало, что произойдет на следующий день в программе Дэвида Димблэби, одной из самых популярных на телевидении Би-би-си. Мне и самому было интересно. Если столько необычного произошло во время радиопередачи, где никто не видел, что происходит, то какими же могут быть результаты после того, как это покажут по телевидению. Я чувствовал, что зрителей будет очень много.

Проснувшись на следующее утро, я увидел в газетах заголовки «Ури скрутил Британию» и «Ури согнул Британию». Мне никогда в жизни никто не уделял столько внимания. Думаю, вряд ли найдется такой человек, которому не было бы приятно увидеть свое имя на первых страницах газет, и я в общем-то не

исключение. Но тем не менее какая-то тревога все же не покидала меня, так как я прекрасно понимал, что процессы, происходящие с металлическими объектами, отнюдь не гак просты, как кажется на первый взгляд. Все эти годы я пытался разобраться, что же все-таки с ними происходит, и мне всегда не хватало времени, чтобы подумать о философии этого явления. Особенно той осенью в Англии — я готовился к турне по многим странам Европы с большой лекцией-демонстрацией. У меня практически не оставалось ни минуты, чтобы просто сесть и подумать.

Как всегда, я слегка волновался, собираясь в телестудию Би-би-си на следующий день. Был страх, что ничего не получится, когда я попытаюсь повторить перед телевизионными камерами то, что удалось накануне по радио. В телепередаче должны были принять участие еще два человека. Один из них — профессор Джон Тейлор, известный математик из Королевского колледжа Лондонского университета. Другой гость программы — доктор Лайол Ватсон, известный биолог, автор книги «Сверхъестественный».

Дэвид Димблэби был чрезвычайно предупредителен и любезен. Его помощники принесли различные предметы, необходимые для эксперимента: вилки, ложки, ключи, несколько пар сломанных часов. Перед началом программы ведущий и все приглашенные прошли в специальную комнату и заранее подготовили тщательно запечатанный в плотном конверте рисунок, который мне предстояло отгадать по ходу программы.

Быть может, если бы не те поразительные вещи, которые случились на радиопередаче в предыдущий день, я не так бы волновался. Но теперь… Мне очень не хотелось, чтобы в телепрограмме перед такой огромной аудиторией что-то вдруг сорвалось. Не давало мне покоя и присутствие такого крупного ученого, как Джон Тейлор, который, как я боялся, может отнестись ко всему скептически, даже если увидит что-то сверхъестественное собственными глазами.

Поначалу все вроде бы шло гладко. Я сосредоточил все свои усилия на запечатанном конверте, закрыл глаза и ждал, пока появится изображение на внутреннем экране, который всегда возникает, когда мои глаза закрыты. Прошло совсем немного времени, и я увидел силуэт парусника. Конверт вскрыли, и, действительно, внутри оказался рисунок парусника. Это всех поразило.

Дальше — больше. На стол были выложены разные предметы: вилки, ложки, сломанные часы и ключи. *Я* предложил телезрителям тоже попытаться направить свою энергию на подобные предметы. Димблэби зажал в руке ложку, и я легонько

прошелся по ней двумя пальцами. Она тут же согнулась пополам. И одновременно с ней согнулась уже сама по себе вилка, лежащая на столе. К ней никто не прикасался. Потом я сконцентрировал все свои усилия на сломанных часах, разложенных на столе. Они тут же пошли. А вот наручные часы Лайола Ватсона, которые до этого прекрасно работали, вдруг остановились.

Профессор Тейлор, который в начале программы отнесся ко всему весьма скептически, был явно обескуражен и шокирован происходящим. В подобном состоянии пребывали и другие. Все шло очень удачно, и те сомнения, которые возникли у меня перед программой, исчезли. Телефонная служба Би-би-си снова разрывалась от бесконечных звонков. История повторилась практически полностью. Даже на острове Гернси, в проливе Ла-Манш, три семьи наблюдали за тем, как их ложки сгибались, а испорченные часы снова заработали. 14 телезрителей сообщили, что они телепатически видели изображение парусника.

Заголовки газет в этот раз были крупнее и ярче, и снова представители прессы битком забили мой гостиничный номер, большинство из них хотели побеседовать со мной, были и такие, кто пришел обвинить меня в шарлатанстве. Я привык к подобным вызовам, потому что всю жизнь люди обвиняли меня в том, что я просто дурачу их своими фокусами. Я прекрасно понимаю, почему они так считают. Если бы я сам прочитал где-то в газете о человеке, который вытворяет такие чудеса, наверно, тоже засомневался бы и захотел бы увидеть это воочию. Ведь обязательно нужно убедиться в том, что никакого обмана нет и тебя не водят за нос.

Я искренне радовался тому, как прошли передачи по Би-би-си, потому что тысячи людей во всей Англии смогли принять в них участие и теперь не могли обвинить меня в том, что я фокусник или гипнотизер. Всем было ясно, что невозможно искусственно организовать, чтобы разные предметы и часы вели себя так, как это было в тысячах домов по всей стране. Газеты посылали своих сотрудников проверять данные, полученные от слушателей и зрителей, и все подтверждалось. Передо мной встал очень важный вопрос: многие ли люди обладают такой силой и каким образом мои выступления по телевидению и радио смогли пробудить эту дремавшую в них энергию?

Точного ответа я и сейчас не знаю. За два года до передач Би-би-си я прошел курс научных экспериментов в США, в Сганфордском исследовательском институте. Первые результаты показали новизну и необычность процессов, происходящих под воздействием моей энергии как с металлическими предметами, так и с телепатическими эффектами. Исследователи утверждали,

что если результаты экспериментов повторятся, то они могут иметь серьезное влияние на развитие современной науки. Один ученый даже высказал предположение, что если проведенные опыты найдут научное подтверждение, то, возможно, это заставит совершенно с новой точки зрения взглянуть на теорию Галилея, Ньютона и Эйнштейна. Особенно мне понравилась одна заметка в британской газете «Миррор», написанная Клиффордом Дэвисом, обозревателем телевизионных программ, известным также как фокусник и член Потайного Волшебного Круга — ведущей английской ассоциации фокусников. Он написал: «Любой фокусник может сделать то же самое, но это будет только фокусом. Ури, судя по всему, творит это в действительности» — и продолжил: «Я готов утверждать это, потому что Ури прошел через 13 лабораторных экспериментов в США, результаты которых показывают, что в данном случае лишь сила его ума заставляла объекты двигаться и даже гнуться».

Вообще-то многие фокусники не раз пытались доказать, что я всего-навсего иллюзионист. И мне было очень приятно, когда один из них написал такое, хотя я привык к тому, что мне не доверяют. Главное — я-то сам знаю, что все, что я делаю, — это правда. И то, что случилось в Англии, тоже было реальностью, а не результатом каких-то фокусов, и это очень важно. Наконец-то люди, знавшие об этих экспериментах только понаслышке, вдруг убедились в их достоверности, не выходя из собственного дома. И конечно, имело значение то, что благодаря удачным опытам можно было возбудить большой интерес к научным исследованиям в этой совершенно неизученной области. У меня есть ощущение, что эти энергии и силы идут не из меня — я как бы лишь тоннель, труба, через которую они проходят. Я уверен, что явление это уникальное, и хотел бы, чтобы как можно больше людей узнали об этом и чтобы мы изучали его вместе. Очень важно подключить к этой работе ученых. Но еще важнее, чтобы это стало достоянием миллионов людей. Примерно так я сказал Брайену Силкоку, научному редактору газеты «Санди тайме», вместе с которым ехал на такси в аэропорт Хитроу после двух передач Би-би-си. Силкок — очень известный корреспондент, и газета «Санди Тайме» — одна из лучших в Лондоне. К его мнению прислушиваются, и я надеялся, что благодаря его статье меня смогут понять многие интеллектуалы, писатели и ученые. В такси он вынул один из своих ключей. Я дотронулся до него пальцем — ключ сразу же начал сгибаться. Силкок был потрясен.

В аэропорту сотрудник компании КЛМ, который видел телевизионную передачу, попросил меня завести сломанные часы. Я взял часы, положил их на ладонь, накрыл другой рукой — и

через несколько секунд часы показывали точное время. Свою статью в «Санди Тайме» Силкок озаглавил: «Ури сгибает нож и вместе с ним мой циничный ум». В статье были такие строки: «Ури Геллер в конце концов сел на самолет, улетающий в Париж, оставив меня — некогда весьма скептического научного корреспондента — в состоянии полного шока. Я не видел его телевизионного выступления, а даже если бы и видел, то все равно, наверное, сомневался бы. Но теперь, убедившись во всем воочию, невозможно оставаться скептиком. Ури говорит, что будет продолжать свои показы до тех пор, пока большинство ученых мира не убедится в его правоте. Он готов принять участие в большом научном эксперименте».

Силкок также упомянул высказывание Джона Тейлора по поводу того, что случилось на телевизионной программе: «Теперь мы знаем, ЧТО он может, — говорил профессор Тейлор, — но мне хотелось бы узнать, КАК это ему удается. Должно же быть какое-то научное объяснение. Нужно прежде всего связаться с теми людьми, у которых во время телепередачи происходило что-то необычное, так как у них могут оказаться подобные, но более слабо выраженные возможности».

Впоследствии профессор Тейлор так и сделал, получив поистине потрясающие результаты. Но не будем сейчас на них подробно останавливаться.

Итак, в рамках большого турне я направлялся в Париж для интервью журналу «Пари матч». Потом мне предстояло вновь вернуться в Англию, а затем отправиться ненадолго в США, Швецию, Швейцарию, Норвегию, Данию, Голландию и Японию.

Но еще до вылета из Лондона представители одной из воскресных газет попросили меня сотрудничать с ними в одном, как они сказали, очень интересном деле. Мы договорились, что, находясь в Париже, я попытаюсь сконцентрировать все свои усилия в 12.30 дня по лондонскому времени и направить их на 15 миллионов читателей газеты «Санди пипл», которые должны были точно в это же время окружить себя разными металлическими предметами, взять в руки ложки, вилки и вместе со мной направить все усилия на эти объекты, не обращая внимания на то, что я в данный момент находился по другую сторону Ла-Манша, во Франции. То же самое им предстояло проделать со своими сломанными часами. Я предупредил редакторов газеты, что, возможно, ничего и не произойдет, но все равно интересно посмотреть, как будет на этот раз.

В назначенное время 25 ноября я находился в аэропорту Орли в Париже, откуда готовился вернуться в Лондон. В 12.15 я пытался сконцентрировать всю свою энергию и направить ее

через канал. Если этот эксперимент будет успешным, он докажет, что энергию можно передавать на расстоянии. И никто уже не сможет заявить, что это лишь трюк иллюзиониста. Ровно в 12.30 я закричал: «Гнись!» Люди в аэропорту, наверно, приняли меня за сумасшедшего, но зато результаты превзошли все мои ожидания. Через несколько дней газета «Санди пипл» получила больше тысячи писем: сотни сломанных, никому уже не нужных часов вдруг заработали как новые, а вилки и ложки по всей Англии снова начали гнуться. У одной женщины из Дорсета пошли часы, которые не ходили больше 40 лет. В Бирмингеме часы тоже пошли, но стрелки стали двигаться в обратную сторону. В одном доме выскочили все винтики из деревянного шкафа, в другом согнулась птичья клетка. Газета подсчитала результаты эксперимента: починенные часы — 1031; вилки, ложки, погнутые или сломанные, — 293; другие объекты, погнутые или поломанные, — 51. Итого — 1375.

Профессор Эдвард Бастин, математик из Кембриджского университета, заявил газете: «Главный вопрос в том, чья же эта работа? Сами ли читатели добились такого результата, или они сделали все благодаря Ури?» Я тоже хотел бы это знать.

Другая газета, «Санди миррор», провела экспертизу по проверке моего воздействия на один из ключей, который погнулся в результате сеанса. Ключ был отправлен Крису Амону, известному специалисту в области металлургии, занимавшемуся именно структурой металла. Спустя некоторое время он заявил: «Здесь нет никаких трюков, я не обнаружил ничего подозрительного». По его подсчетам, на ключ было оказано давление силой в 63 фунта. А ведь я к нему даже не прикасался. Я просто направил все усилия на него.

События в Англии конца 1973 года были знаменательны для меня тем, что эффект распространился на десятки тысяч людей и напрямую вошел в их жизнь. До этого многие думали, что я обыкновенный трюкач, и не пытались искать объяснения тому, что у меня получалось. Но теперь сотни звонков на Би-би-си, многочисленные интервью крупнейшим газетам, статьи специалистов, прямая демонстрация сотням тысяч телезрителей, которые не только видели эту энергию в действии, но и сами принимали участие в происходящих событиях. И тем не менее, несмотря на все это, по-прежнему находились люди, которые заявляли, что я просто очень умный иллюзионист. Были и завистники, утверждавшие, что могут сделать то же самое. Но никто из них так и не решился продемонстрировать Мои возможности в условиях лаборатории, как это сделал я, приняв участие в экспериментах научного института в Станфорде. Мои

недоброжелатели выдвигали самые невероятные гипотезы, пытаясь объяснить, как я все это делаю. То утверждали, что я пользуюсь кислотой, то — лазерным лучом. Если бы они только на минуту задумались, как смешно звучат их обвинения, то, наверно, никогда бы их не высказывали. Да воспользуйся я хоть раз чем-то вроде кислоты, мои пальцы давно уже отвалились бы, сгорели бы еще много лет назад. Что касается, скажем, портативного лазерного генератора, то, насколько я понимаю, он должен вырабатывать тысячи вольт электричества сложнейшим путем и через самую сложную электронную аппаратуру. Попробуйте представить, как тяжело и неудобно носить все это с собой. Одним словом, смех и грех.

Главным же моим аргументом против критиков были две эфирные передачи и сеанс, проведенный через Ла-Манш из Франции. Всем было ясно, что этот феномен не мог быть результатом какого-то шоу-бизнеса. Никто не пытался это оспаривать, как, впрочем, и тот факт, что десятки часов и часиков, не работавших много лет, снова заводились и шли.

Заканчивая эту тему, мне все-таки хочется сказать, что некоторые фокусники действительно могут делать какие-то вещи, похожие на те, которые я делаю. У многих из них это очень хорошо получается, но только в том случае, когда они выступают на заранее подготовленной сцене. Но в условиях научной лаборатории у них ничего не выходит. У меня, честно говоря, тоже не всегда все проходит гладко. И мне бывает очень неловко, что из-за того, что мои возможности идут от энергии, которая находится вне меня, у меня никогда нет стопроцентной уверенности, что все будет в порядке. И если бы я был профессиональным волшебником или фокусником, я бы репетировал и готовил себя до такой степени, чтобы у меня все получалось на сто процентов. Потому что у профессионального фокусника провалы недопустимы.

Сообщения в английской прессе в конце 1973 года были встречены читающей публикой с очень большим энтузиазмом. Брайен Силкок написал еще одну статью в газете «Санди тайме», в которой писал: «Если люди и в самом деле могут гнуть металл силой ума, значит, в науке, да и во всем представлении о нашем мире происходит революция. Это, пожалуй, самое значительное явление с того времени, когда три века назад Ньютон сделал свои открытия».

Глава 2. Все это слишком невероятно

Я прекрасно понимаю, что читателю нелегко поверить в то, о чем я рассказываю, до тех пор пока он не испытает все это на себе. Я просто иногда забываю, что для многих мои слова звучат странно и неправдоподобно. Сам-то я давно привык к этому и полностью принял все, что происходит в моей жизни. И если бы я мог войти в дом каждого человека, рассказать и показать ему силу своей энергии, это был бы самый простой способ добиться того, чтобы люди мне поверили. Но так как это невозможно, я пытаюсь передать свои знания через книгу или пластинку, при помощи радио и телевидения… И все-таки, к сожалению, это не так ясно доходит до людей, как бы мне хотелось. Думаю, что получается примерно то же, как если бы ко мне подошел незнакомый человек и сказал: «Послушай, я вчера видел, как собака играла на губной гармошке». Я бы, конечно, возразил: «Подожди, такого не может быть. Я не верю в это». Но если бы я своими глазами увидел такую собаку, наигрывающую на губной гармонике какую-нибудь мелодию, мне волей-неволей пришлось бы в это поверить. Для начала я бы тоже усомнился: «Одну минутку, это настоящая собака? Может быть, где-то здесь спрятана другая гармошка, и кто-то другой играет на ней эту мелодию? А может, в собаку встроен громкоговоритель? Что это за гармошка?» Если бы я все это проверил и эксперты установили бы подлинность гармошки и убедились бы в том, что в ней нет никакого усилителя или магнитофона, тогда мне пришлось бы признать, что все именно так и есть. И даже в этом случае я все равно, может быть, не был бы уверен в этом на все сто процентов. Что же говорить о том, если бы я просто прочитал об этом в газете, в журнале или в книжке — конечно, я бы засомневался. Поэтому я могу понять, как чувствует себя читатель, когда читает мою историю. Я отдаю себе отчет в том, что он просто не может мне поверить.

Речь идет о феномене, и для меня он бесспорен. Поэтому мне кажется очень важным подробно описать его с точки зрения науки, в условиях строжайшего контроля, где какие бы то ни было фокусы исключаются. Необходимо доказать, что в каждом человеке заложена сильная энергия, которая может взаимодействовать с энергией вне нас, и мы эти энергии пока еще просто не познали. Людям очень важно в этом разобраться.

В доказательство этого приведу письмо одного научного консультанта, которое я получил из Англии после моих триумфальных выступлений. Письмо начиналось довольно

спокойно, с традиционного приветствия, с упоминания о моем визите в Англию. А дальше я прочитал: «Последствия Вашего метеоритного визита в Лондон были потрясающими. Это явление психосоциологическое. До сих пор Ваше имя находится на устах у всей Британии. И то, чего Вы добились всего за 48 часов, мало кто мог предугадать или предсказать. Но меня лично больше всего интересует то влияние, которое оказал Ваш визит на научные и политические круги. На разных уровнях была, разумеется, разная реакция. Но, как всегда, существуют скептики и всякого рода мистики и шарлатаны, они как бы выстраиваются в одну линию. Я даже иногда задумываюсь о том, что, может быть, большинство скептически настроенных ученых в будущем можно будет тоже называть шарлатанами, которые просто почувствовали какую-то угрозу своему положению. Но оставим их в покое. Намного важнее для нас другие отзывы, признаюсь, тоже не всегда для Вас лестные. Дело в том, что мне довелось слышать, я даже не хочу говорить от кого, что Вам могут больше никогда не разрешить работать в прямом эфире Британии. Почему? Потому что очень странные вещи во время Вашей программы на Би-би-си происходили с очень важными устройствами, приборами и передатчиками по всей территории Британии. Создается впечатление, что все эти аппараты просто сгорели и окончательно вышли из строя, пока Вы были в эфире. Сами понимаете, меня это сообщение шокировало.

Кроме того, мне рассказали подобную историю, которая произошла с разработкой проекта по изучению особенностей воздействия на человеческий мозг стоимостью в несколько миллионов фунтов. Он выглядит настолько фантастично, что мне придется самому немножко в нем разобраться, прежде чем что-либо говорить по этому поводу. Тем не менее скажу, что люди, создавшие этот проект, безусловно, выдвинули ряд очень интересных идей. Принимая во внимание их реакцию на Ваше появление, я прихожу к выводу, что у них, вероятно, вышла из строя такая важная аппаратура, потеря которой рассматривается как потенциальная угроза для безопасности Британии».

Все это, конечно, гораздо серьезнее того, что происходило в простых домах Британских островов. Хотя раньше я уже сталкивался с явлениями, подобными тем, которые были описаны выше, и поэтому не был удивлен. Дело в том, что, когда я работал в Станфордском исследовательском институте, прошел слух, что компьютеры в военном отделении того же здания просто «сошли с ума». Это, разумеется, никогда не было официально подтверждено, но я, конечно, вспомнил тот случай, когда читал письмо из Лондона.

Вообще в результате долгих наблюдений я пришел к выводу, что моя энергия работает только на добро. *Я* никогда не пытался делать ничего плохого при помощи этой энергии и не собираюсь. Кроме того, у меня стойкое убеждение, что даже при желании нельзя было бы воспользоваться ею ради каких-то отрицательных целей, представляющих реальную опасность для людей. Однажды, признаюсь, я пытался воспользоваться энергией, когда был в игорных домах Лас-Вегаса, и ничего не вышло. Не то что бы от этого кому-то было плохо, просто это было нечестно. И то, что случилось в Англии, уверен, было не опасно. Конечно, я не знаю всей правды о том, что случилось и каждом доме, но мне никогда не приходилось слышать ничего плохого.

Со мной часто происходят удивительные вещи, которых я сам не ожидаю. Вот, например, я очень много летаю по всему миру и, слава Богу, никогда ничего не происходит с самолетами. Но трижды во время полетов вдруг ломались кинопроекторы на борту Боинга-747 и пленка самопроизвольно выходила из бобин, или вдруг пепельница поднималась в воздух и резко падала в другом конце салона. Могу себе представить, как глупо это звучит, особенно для человека, который никогда не видел таких вещей собственными глазами.

Известия по поводу эффекта передач Би-би-си на важную секретную работу сильно меня встревожили. И тем не менее я не смог ничего сделать, чтобы узнать какие-то подробности. Я прекрасно понимал, что, если случится что-нибудь в таком роде, это может вызвать очень большие осложнения. И у меня не было ни малейшего желания добиваться этого. Пожалуй, это главная из причин, почему мне все хочется делать в открытую. *Я* не хочу работать секретно с каким-нибудь правительством. *Я* слишком сильно верю в силы любви и верю в возможности людей. А кроме того, я искренне верю в Бога, хотя и не исповедую какой-либо религии. А главное — я понимаю, что нам прежде всего нужен мир, чтобы выжить на этой планете.

В письме моего друга из Лондона были интересные моменты, о которых стоит рассказать. Он разговаривал с профессором Лондонского университета Дэвидом Бомом, известным физиком, который в свое время работал с Альбертом Эйнштейном и с Нильсом Бором.

«Профессор Бом, — писал мой друг, — в отличие от многих напыщенных академиков очень чуткий и умный человек с широкими разносторонними взглядами. Причем он первый человек из тех, с кем я говорил о тебе, который очень заинтересованно подошел к проблеме. Он видит в твоих опытах большое значение и выразил по этому поводу очень много

интересных глубоких мыслей. После твоего визита я несколько раз с ним беседовал, и он каждый раз выражал очень сильное желание встретиться с тобой, поговорить и, если ты захочешь, провести несколько экспериментов, результаты которых можно было бы потом опубликовать в журнале „Нэйче“. Он считает, что это одно из самых влиятельных и престижных изданий в мире науки. Очень многие важные открытия впервые были опубликованы на страницах этого журнала».

Я слышал о таких публикациях в «Нэйче». Мне говорили, что первые работы о ДНК появились именно там. Мне, конечно, было очень лестно предложение выступить на ее страницах.

В письме я также прочитал: «Бом дал мне понять, что он хочет обсудить с тобой некоторые вещи. Если бы вы нашли общий язык, было бы неплохо».

Предложение выглядело очень заманчиво. Кроме того, мне было приятно, что оно исходит от такого человека, как профессор Бом. Конечно, любые эксперименты приносят дополнительные волнения, опасения, что не все получится, как задумано. Но я заметил, что, чем дружелюбнее ко мне настроен ученый, тем лучше результаты экспериментов. В противном случае я начинаю напрягаться, и они часто бывают не очень хорошие. Взвесив все за и против, я все-таки решил встретиться с профессором Бомом во время одной из моих ближайших поездок в Англию.

Но сначала я отправился в США с серией лекций и публичных выступлений.

А накануне моего вылета в Штаты профессор Джон Тейлор выступил с заявлением, из которого стало ясно, насколько серьезно британские ученые отнеслись к феномену. Он заявил прессе, что хочет начать очень серьезные исследования воздействия эффекта радио-телепередач. «В конце концов, мы, может быть, и докажем, что его силы не уникальны, — сказал он. — Но если он согласится с нами сотрудничать, то, безусловно, поможет сделать очень важные открытия в области человеческого разума. Речь вовсе не идет об еще одном телевизионном цирке. Нам хотелось бы провести серьезное научное расследование».

Одна из лондонских газет направила своего корреспондента вместе со мной в Штаты, чтобы тот постоянно освещал мое турне по университетам и колледжам США. Рой Стокдилл — так звали этого корреспондента — оказался очень приятным человеком и, конечно, как большинство людей на его месте, захотел собственными глазами увидеть, что я делаю. Когда мы летели в самолете, Стокдилл попросил меня согнуть его ключ от квартиры. Я слегка прошелся пальцами по ключу, который лежал на подлокотнике самолетного кресла. Он моментально скрутился. А

когда мы прибыли в США, Стокдилл попросил меня сделать то же самое с его ключом от гостиницы, который был намного толще и крепче. Я попробовал, но у меня ничего не вышло. Ключ совсем не гнулся.

У Стокдилла было с собой небольшое зеркало для бритья в крепкой металлической рамке. Он продемонстрировал мне упругость этого зеркала, попытавшись согнуть его руками. Ничего у него не получилось. Тогда я провел пальцем по зеркалу, но тоже без успеха. Мне показалось, что это один из тех случаев, когда ничего не клеится. Я снова вернулся к ключу от гостиничного номера, и теперь он начал гнуться. Так часто бывает: сперва процесс не срабатывает, и только на второй раз что-то получается. Но самое поразительное было впереди. Стокдилл случайно взглянул на зеркало, которое оставил на маленьком столике возле окна. Оно сгибалось. Сгибалось до тех пор, пока не приняло форму буквы «U». Так тоже часто бывает — как бы задержанная реакция. А иногда совсем удивительные вещи происходят. Я провожу пальцем над какой-то определенной вилкой или ложкой, а в это время на столе гнутся другие приборы. Я и сам не знаю почему.

В тот же вечер мы со Стокдиллом отправились поужинать в ресторан, где крутили кино. Но стоило нам сесть за стол, как что-то случилось с проектором и вся пленка покатилась на пол. Клянусь, я не пытался ничего сделать, абсолютно не сосредоточивался. Стокдилл был поражен.

Вместе со Стокдиллом ездил фотограф — Майкл Брэннан, получивший в свое время звание «Британский фотожурналист года». И когда мы были в Маями-бич, я вдруг вспомнил, что в прошлом мне удавалось фотографировать себя, не снимая с объектива фотоаппарата защитного черного колпачка. Я предложил Стокдиллу и Брэннану попробовать так сделать. Они заинтересовались. Брэннан подготовил свой фотоаппарат «Никон», заряженный черно-белой пленкой «Три-Х». Я отснял три рулона пленки, держа фотоаппарат на вытянутой руке, направляя объектив, закрытый колпачком, себе в лицо. После того как заканчивался очередной ролик пленки, Брэннан брал фотоаппарат, вынимал пленку, запечатывал ее и запирал в своем кофре. Я больше к ней не прикасался. Когда они вернулись в Лондон, сразу же проявили пленки. Брэннан не сомневался, что вся пленка окажется чистой. Два ролика пленки, действительно, были чистыми. Но в середине третьей пленки обнаружились две моих фотографии. Конечно, они никогда бы не получили призов на фотовыставках, но тем не менее это были мои снимки.

В воскресенье 2 декабря 1973 года газета «Ньюс оф зе уорлд»,

имеющая практически самый большой тираж в мире, напечатала эти фотографии на первой странице, назвав их «Чудо-фотографии Ури». Конечно, было много шуму. Газета «Дейли мейл» цитировала фотоэкспертов, утверждавших, что это абсолютно невозможно, поскольку не существует ни физических, ни химических процессов, позволяющих фотографировать с закрытым объективом. Брэннан и Стокдилл твердо стояли на своем, убеждая читателей в том, что никакого обмана здесь нет.

Рой Стокдилл начал свою серию статей такими словами: «Это было потрясающе. Я провел с Ури Геллером невероятную, умопомрачительную неделю. То, что он делает, невообразимо, просто отказываешься верить своим глазам».

А закончил словами: «Ури — это нечто особое. Я видел его за работой. Не существует никаких логических объяснений того, что он делает, и того, что происходит в его присутствии. У меня лично не было никаких оснований заподозрить его в фальсификации. Может быть, есть какой-нибудь фокусник, который может как-то обмануть вашу бдительность и повторить некоторые вещи из тех, которые делает Ури. Но это тем не менее не дает никакого объяснения, почему скручиваются ключи и ложки в тот момент, когда самого Ури рядом нет. Потребуется вмешательство очень умных ученых, чтобы раскрыть всю правду об Ури Геллере».

К этому времени многие научные журналы, описывая феномен сгибания металлических предметов, называли его «эффектом Геллера». Это, конечно, было очень приятно, прежде всего, потому, что ученые становились все более непредубежденными. А это, я вас уверяю, совсем не так просто сделать.

Статья в «Нэйче» от 7 декабря 1973 года окончательно убедила меня в том, что научный мир стал больше доверять мне. А если учесть, что этот журнал пользовался особым уважением среди ученых, то, конечно, это сыграло важную роль в изменении отношения к моим опытам. Ведь очень долгое время каждый ученый, который серьезно ко мне относился, тотчас же подвергался критике со стороны своих коллег. И естественно, приятно было видеть, как поднимается этот железный занавес. Особенно в таких важных публикациях.

После шумных событий в Англии меня очень интересовало, что произойдет, когда я попытаюсь провести подобного рода программу в Норвегии. Перед поездкой у меня было время подумать, как вести себя дальше. Мои показательные выступления постепенно превратились в нечто большее, чем просто занимательное зрелище. Мысль о том, что во время

сеансов выходит из строя аппаратура, связанная с системой национальной безопасности, постоянно преследовала меня. Долгое время у меня было очень смутное представление о природе моего дара.

Шло время. Мои взгляды утверждались, развивались, но я все равно не мог добраться до корней. Хотя к тому времени я уже твердо верил, что эти корни наверняка связаны с каким-то фантастическим разумом. Я не знал, как все это называется — до Бога ведь нельзя дотронуться. Но во Вселенной все эти разумы, безусловно, существуют. Их миллионы и миллионы. И может быть, один из них, или два, или пять — никто не знает сколько, — попытается пойти на контакт с человечеством.

Может быть, конечно, я ошибаюсь, но мне кажется, что человеческий разум пока просто не готов принять все это, потому что мы привыкли к одномерному, простому временному измерению и не пытаемся расширять свои познания в этом направлении.

Пока я еще, кажется, не достиг никаких успехов в объяснении своего феномена. Мне открылся только маленький верх огромного айсберга. Предстоит очень много работы. Но в одном я уверен: эти энергии действительно работают через меня и я не могу их игнорировать. Мне даже кажется, что вся эта шумиха вокруг моего имени — это хорошо, потому что благодаря этому все большее число людей узнают про существование сверхъестественных сил. И я уверен, что придет время и человечество вынуждено будет поверить в них и принять их, так же как в свое время оно приняло объективность существования электричества. Сперва они будут восприниматься как феномен, потом как теория, а потом, может быть, даже как физические законы науки.

Выгибание металла проще всего увидеть, потому что объект находится прямо перед тобой, и ученые могут свободно наблюдать за всеми процессами, происходящими с ним. Остальное, например телепатические явления, изменения хода часов и другие странные вещи, происходящие часто даже без моего ведома, тоже ждет своего изучения. В одном я твердо убежден: я должен продолжать демонстрировать свой феномен не потому, что зарабатываю этим себе на жизнь, а потому, что чувствую необходимость научных исследований и важность их возможных результатов.

Мое выступление на национальном телевидении Норвегии было назначено на 19 января 1974 года. Это был мой первый выход в эфир после триумфального телесеанса в Англии. Поэтому мне было интересно сравнить, чем на этот раз все закончится.

Началось интервью. И почти сразу же в студию пошли телефонные звонки. Почти полностью повторялась ситуация с Би-би-си. Различные предметы гнулись в домах по всей Норвегии точно так же, как это происходило в Британии.

После передачи я направился к себе в гостиницу «Континенталь». Нужно было готовиться к новым выступлениям, которые мне вскоре предстояли в ФРГ, Швейцарии, Австрии, Швеции, Финляндии, Дании и Голландии. Мне казалось важным собрать статистические результаты в разных странах и потом свести их в единую систему. Достоверность происходящего была подтверждена записью передач, сделанных норвежским и британским телевидением и радио. Кроме того, с каждым днем росло количество публикаций в самых различных средствах массовой информации. Я снова и снова просматривал заголовки статей, читал научные комментарии, чтобы лишний раз убедиться, что все это не сон.

Для меня остается загадкой, почему эти силы иногда находят свое проявление в самых тривиальных вещах — во всех этих ложках и ключах. Конечно, мне хотелось бы, чтобы их существование приносило какую-то значительную и серьезную пользу.

Когда я вернулся в гостиницу «Континенталь», то подошел к администратору узнать, не было ли для меня каких-то посланий. Администратор передал мне конверт, выглядевший очень солидно и официально. Я его открыл.

Там оказалась визитка Алва Якоба Фостерволла — норвежского министра обороны. На обратной стороне визитки я нашел небольшое послание, из которого понял, что он хочет со мной встретиться и пришлет за мной машину на следующий день.

Я заснул в ту ночь с мыслями о том, что же нужно от меня министру обороны Норвегии? Зачем он хочет со мной встретиться?

Глава 3. Известность

Утром норвежские газеты были переполнены сообщениями по поводу странных событий, происходивших по всей стране во время телешоу. Феномен передачи энергии на большие расстояния, который начался с радиотрансляции в Техасе и получил продолжение в Англии, был для меня чем-то качественно новым и большим, чем все, что до этого происходило в моей жизни. Попробуйте представить себя на моем месте — как бы вы себя чувствовали, если бы такие вещи происходили с вами? Я, признаюсь, находился в состоянии какой-то эйфории. Я привык к простым вещам — ну, например, гнутся ключи, начинают ходить старые сломанные часы, — потому что все это происходило со мной с самого детства. Но когда эта энергия, сила стала передаваться через эфир тысячам других людей по телевидению или по радио, я был удивлен не меньше, чем все остальные. И естественно, как все, мечтал узнать научное объяснение этого феномена.

Никто не мог обвинить тысячи людей, сообщавших об удивительных случаях, в том, что они врали или фантазировали. Газетные полосы пестрели фотографиями, изображавшими этих людей с погнутыми ключами, ложками и гвоздями в руках. Вполне возможно, что кто-то из них мог сжульничать и сообщить какую-то недостоверную информацию, чтобы привлечь к себе внимание. Но я убежден, что таких людей не может быть тысячи, тем более во всех самых отдаленных уголках двух стран. Не приходится здесь говорить и о существовании какого-то рода гипнотического влияния или массовых галлюцинаций, ведь после каждого сеанса остаются сотни материальных подтверждений. И в то же время я прекрасно понимаю, что такое странное явление, как это, должно рассматриваться со всех сторон. Умеренная доля скептицизма — вещь хорошая. Единственное, что меня по-настоящему раздражает, — это когда люди отказываются верить увиденному собственными глазами.

В тот день у меня почти не было времени, чтобы хорошенько обдумать смысл и значение записки от министра обороны Норвегии. Но тем не менее я несколько раз вспоминал о ней. И когда днем за мной подъехал к гостинице большой черный «Мерседес», мое любопытство еще больше возросло. Это был очень большой и солидный лимузин. На его капоте даже было место, куда вставляется официальный флаг, но самого флага не было. И хоть в записке говорилось о том, что министр обороны хотел бы со мной поговорить по личному вопросу, я продолжал

думать, не связано ли это каким-то образом с министерством обороны, с вопросами безопасности, как это было в Англии. Я не мог не задавать себе эти вопросы.

По дороге мы проезжали мимо длинного серого правительственного здания, окруженного массивным железным забором. И я обратил внимание на несколько торчащих в стороны антенн разных размеров и видов. Шофер сказал, что это военный объект, но толком я не понял, какой именно. Меня заинтересовало, почему он сбавил скорость и мы буквально ползли вдоль железного забора, хотя в этом не было никакой необходимости. Я подумал, что, возможно, в здании есть компьютеры или какие-то радарные установки и он специально едет так медленно, чтобы можно было проверить, оказываю ли я влияние на их электронную аппаратуру. Слишком много довольно странных вещей происходило вокруг, так что мне нужно было быть предельно осторожным, не давая волю моей фантазии. А может, что-то случилось с их электроникой, когда я был в эфире, и теперь они хотели все окончательно проверить. Словом, я ломал голову в догадках.

А когда наконец добрался до дома министра, мы выпили с ним по чашечке кофе, и министр задал лишь один существенный вопрос: может ли моя энергия иметь влияние на ракеты и другие военные объекты? Я не знал, что ему ответить, и рассказал лишь о том, что произошло в Станфордском институте.

Когда я вернулся обратно в гостиницу, меня там ждал Гуннар Моу, корреспондент норвежского журнала «Нау». Он потратил массу времени и усилий, пытаясь с моей помощью разобраться в так называемом «эффекте Геллера», но я так и не смог толком объяснить ему, что же это такое. Тогда он достал принесенные с собой старые часы, которые не ходили уже лет пятнадцать. Я сжал руку в кулак, сосредоточился, и уже через минуту часы пошли. Еще пару секунд оставался в сосредоточенном состоянии, чтобы окончательно убедиться в том, что часы продолжают идти.

Когда мы снова посмотрели на часы, то увидели, что минутная стрелка скрутилась, согнулась пополам, хотя между циферблатом и стеклом было явно недостаточно места для того, чтобы это произошло. Я очень расстроился, что окончательно испортил его часы, но через несколько дней он сообщил мне, что стрелка опять распрямилась и часы ходили очень точно. Вообще-то до меня часто доходят сведения о таких вот задержанных эффектах. Бывают еще такие, как я их называю, параллельные эффекты. Как-то раз я согнул ключ по просьбе моих друзей из Коннектикута Дона и Салли Блин. Через некоторое время они отправились на свою летнюю дачу в Майне и, когда вошли в дом,

обнаружили, что запасной ключ, который все это время висел на стене, также согнулся, хотя они убеждены, что его никто не трогал с предыдущего лета.

В Осло произошел еще один интересный случай. У меня в номере сидел один норвежский журналист из местной газеты. Мы говорили с ним о том, что сила моей энергии может быть очень разной, а я не всегда понимаю, почему это так. Окно моей гостиничной комнаты выходило на большую площадь Осло, из него был виден большой район города, ярко освещенный уличными фонарями, рекламой, театральными вывесками. Я сказал ему: «Знаете, иногда эти энергии бывают настолько сильными, что можно даже погасить свет, не прикасаясь к выключателю». Я еще не успел закончить эту фразу, как мы увидели, что этот ярко освещенный район Осло вдруг превратился в черное пятно. В гостинице свет продолжал гореть, и корреспондент подбежал к телефону и позвонил в редакцию узнать, что произошло. Ему сообщили, что огромный район Осло неожиданно остался без электричества и что городские власти предпринимают все попытки, чтобы наладить освещение. Это было очень странное совпадение, и корреспондент был очень возбужден и взволнован. Тем не менее сам я оставался спокоен и даже отнесся с некоторым недоверием к происшедшему. Нужно быть очень осторожным и никогда не делать никаких преждевременных выводов. Бывает очень много всяких совпадений. И делать на их основании какие-то серьезные выводы — просто глупо. Но вот когда подряд происходит целая серия таких совпадений, это уже значительно интереснее и иногда может дать повод для изучения и размышления. Но все-таки сперва нужно всегда поискать простую причину, почему то или иное могло произойти. Если ни одна из таких причин не подходит, то мне приходится предполагать, что какие-то энергии в данный момент работали через меня и способствовали тому, что произошло.

Некоторые явления находятся на какой-то, я бы сказал, пограничной полосе между реальностью и мистикой. Так, скажем, однажды мои близкие друзья Байрон и Мария Джанис пригласили меня составить им компанию во время круиза из Бордо в Италию на корабле под названием «Возрождение». Байрон — всемирно известный пианист, а его жена, Мария, — дочь известного актера Гарри Купера, прекрасная художница. Это был специальный музыкальный круиз. Байрон выступал на корабле с небольшим концертом, играл на пианино. Вместе с нами на борту находились и музыканты из венгерского струнного квартета. После остановки в Испании мы уже взяли курс в

сторону Италии, у всех было прекрасное настроение. Мы шутили, веселились, а потом музыканты оркестра стали заключать со мной пари, требуя сделать что-нибудь грандиозное, ну, к примеру, прямо посреди моря остановить наш корабль, идущий на полном ходу. В этот момент на палубе было очень много народу. И, решив воспользоваться этим, я сказал: «Хорошо, давайте тогда все вместе сосредоточимся и будем думать о том, что нам непременно нужно остановить этот корабль».

Несколько секунд была полная тишина, а потом вдруг, к моему полному изумлению, корабль начал терять скорость, двигаясь все медленнее и медленнее, пока полностью не остановился. Мы все просто обалдели. А некоторые музыканты из оркестра серьезно перепугались. Мы нашли офицера с корабля, спросили у него, в чем дело. Он ответил, что причина пока не установлена. Это был один из тех случаев, когда я сам не ожидал, что что-то может произойти, хотя в принципе я всегда готов к любым неожиданностям.

Где-то через час с лишним двигатели корабля снова заработали, и он начал медленно двигаться и вскоре набрал свою нормальную скорость. Офицер пришел к нам и доложил, что случилось. Главная труба, по которой идет топливо в двигатель, по непонятным причинам согнулась и перекрыла поступление топлива к одному из двигателей. Они остановили корабль, чтобы провести срочный ремонт двигателя, который оказался не таким уж сложным. Раньше ничего подобного на этом судне не происходило. И никто из экипажа не мог объяснить, как это могло случиться.

Никто из нас не решался признаться в том, что мы наделали. Кстати, очень может быть, что это тоже было простым совпадением. Но на этот раз мое внутреннее чувство говорило мне о том, что мы в любом случае немного переборщили с экспериментом.

Вспоминая позже, я не мог не подумать, что это уж слишком большое совпадение, чтобы быть просто совпадением. Особенно если учесть, что причиной остановки корабля стал необъяснимый перегиб металлической трубы и что усилие было оказано коллективной мыслью целой группы людей, которые вместе со мной сконцентрировали все свои энергетические силы одновременно и на одном объекте. Но вы сами видите, что я сам каждый раз удивляюсь тому, что происходит, потому что бывает это очень часто неожиданно и всякий раз по-новому.

Я чувствую, что эти таинственные силы только начинают о себе говорить. И может быть, когда-нибудь из всех этих маленьких частиц сложится большая общая картина, из которой

можно будет понять их природу. А пока, конечно, мои рассказы выглядят как шутки, как небылицы даже. Но я убежден, что в них заложено нечто большее, чем то, что лежит на поверхности.

После Норвегии я отправился в Германию. Интересно, повторится ли там тот же самый феномен? Мои внутренние чувства подсказывали мне, что и в третьей стране будет все успешно.

Выступления на западногерманском телевидении были подготовлены моим помощником Вернером Шмидтом.

Мне не пришлось ждать слишком долго, чтобы узнать, что мое появление на западногерманском телевидении принесло результаты такие же драматичные, как в Норвегии и Англии. Одна немецкая домохозяйка — Барбара Шейд рассказала в интервью газете «Майн пост», что во время передачи у нее произошла невероятная история. В закрытом кухонном шкафу она хранила набор столового серебра, состоящий из 53 ложек, пилок и ножей. Весь набор был завернут в тряпочку, и тем не менее каждый прибор согнулся. Обнаружив это, она даже вызвала полицию, чтобы засвидетельствовать происшедшее. Газе-га поместила фотографию, подтверждающую рассказ немецкой домохозяйки.

После ФРГ я продолжил путешествие по Европе, посетив Австрию, Швейцарию, Голландию, Финляндию и Швецию.

В каждой из этих стран я проводил теледемонстрации, аналогичные тем, о которых уже рассказывал. Все они прошли успешно и мало чем отличались от предыдущих.

Пожалуй, только в Швеции мы пошли на интересный эксперимент. Телепрограмма должна была выйти там только спустя месяц, после того как была записана, и нас, конечно, интересовало, будет ли она иметь такой же эффект и такие же масштабы, как при передаче прямого эфира.

Представьте себе мое удивление, когда я выяснил, что эффект этой передачи оказался сильнее, чем когда-либо. Создавалось впечатление, что эти энергии можно как-то заморозить, затормозить, а потом снова дать им ход. Я не понимал, как такое может быть? Моя мечта — хоть когда-нибудь в будущем получить ответ на этот вопрос. А в этот момент я уже думал о Дании, где меня ждал, пожалуй, самый большой сюрприз этого турне. До сих пор тяжело вспоминать, через что мне пришлось пройти там и какое сопротивление преодолеть.

Глава 4. Эффект Геллера

Я прекрасно понимаю, что мое европейское турне не сопровождалось необходимым научным контролем, который мог бы подтвердить гипотезы ученых по поводу природы и происхождения энергетических сил, названных «эффект Геллера». И все же надеюсь, что эти выступления не были бесполезными и смогли дать определенную пищу для размышления всем тем, кто заинтересован в этой проблеме. У них будет возможность сравнивать, измерять и сопоставлять результаты, полученные в лаборатории, с теми, которые мне удалось достигнуть благодаря телесеансам. И даже если эфирные передачи лишь ненадолго пробудили силы в других людях, думаю, это дало возможность ученым провести свои исследования этого феномена. По крайней мере, они могли убедиться в том, что «эффект Геллера» не какой-нибудь фокус, при помощи которого их постоянно водят за нос.

По дороге в Данию я пытался анализировать способы распространения эффекта. У меня даже стала зарождаться теория, но я не успел разработать ее до конца. Основывались мои рассуждения на том, что, по моему глубокому убеждению, каждый человек имеет внутри себя некую абстрактную силу, которую можно высвободить тремя способами. Способ первый — психологическое внушение. Второй — визуальный, связанный с возможностью видеть эту силу в действии или слышать ее подробное описание по радио. И третий способ — самовнушение и развитие внутренней уверенности в ее существовании.

У взрослых время действия этой силы, как мне кажется, короче, чем у детей, у которых, я убежден, эта сила значительно сильнее из-за того, что они еще не пережили и не восприняли псе негативные явления, которые неизбежно встречаются в жизни.

Пока силы глубоко еще спрятаны в нас, для их пробуждения необходимо что-то вроде сеанса космической связи, направленного в нашу сторону. В этом случае, если можно допустить такое сравнение, мы выступаем в роли радиоприемников, настроенных на определенную волну. Главное условие успеха — это вера. Она работает, как ключ зажигания в машине, — открывает все входы и выходы энергии в нашем теле. Увидев или услышав об этих необычных возможностях, человек должен заинтересоваться и, главное, поверить — это может создать, я думаю, прямой канал с этой космической связью. Пока что не многие люди доходят до этой стадии. Не хочу показаться нескромным, но я убежден, что постоянно настроен на то, что называется космической связью. Почему — не знаю. Но, может

быть, именно это дает мне возможность передавать другим свою энергию. И поэтому, когда я выступаю в телевизионной передаче или читаю лекцию, для меня это прежде всего хороший способ быть связующим звеном по отношению к другим людям, помогать им принимать связь с силами, находящимися вне нас. Человек получает возможность изучать огромный новый мир, и это, по-моему, очень важно и интересно.

В Копенгагене во время телевизионной передачи вместе со мной должны были выступать еще три человека. Один из них — глава Союза часовщиков, другой — специалист в области психологии, а третий был представлен зрителям как бизнесмен, но мне было известно, что это один из ведущих иллюзионистов Дании — Лео Лэсли.

Впоследствии я узнал, что Лэсли очень серьезно готовился к этой встрече. В его задачу входило попытаться поставить меня в неловкое положение. Он приобрел химикат под названием «сулема» — дихлорид ртути, который по его замыслу должен был смягчать металлы. Идея заключалась в следующем: при помощи этого химиката он хотел согнуть ключ во время передачи так же, как это делал я. Кроме того, он договорился с режиссером, чтобы камера постоянно показывала мои руки, ни на долю секунды не оставляя их без внимания. И в довершение всего по его плану в студию были привезены пять будильников, которые были сделаны так, что не могли пойти ни при каких условиях. В один будильник они засунули кусок цемента, в другой — налили растительного масла. В механизм третьего вставили металлическую скрепку и т. д. Наготове у Лэсли были и несколько ключей и гвоздей, обработанных составом, сопротивляющимся воздействию химикатов, на тот случай, если бы я ими пользовался. Разумеется, я ни о чем не знал.

Когда я приехал в студию, мне сообщили, что в передаче, кроме моего сеанса, будет весьма откровенная беседа о сексе, в которой я не хотел принимать участия. Дело не в том, что я против секса, просто обсуждение этих проблем не имеет ко мне никакого отношения. Они согласились разделить передачу на две обособленные части: в одной обсуждался бы вопрос секса, а другая часть передачи была бы посвящена мне.

Но должен признаться, что я с трудом удержался от соблазна испытать свои силы в первой части программы в тот момент, когда мне на спор предложили сосредоточить все свое внимание на купальнике одной из девушек в студии, верхняя часть которого держалась на металлических застежках. Девушка была очень симпатичная и прекрасно сложена. Меня так и подмывало согласиться на это пари. Но мой помощник Вернер Шмидт тут же

сказал, что это дурацкая затея, и предупредил, что эта шутка может очень плохо отразиться на моем имидже. Но я очень часто думаю, что бы, интересно, произошло, если бы я все-таки сделал это в прямом эфире? Датчане в то время были настроены очень либерально и, мне кажется, сумели бы воспринять это должным образом. По крайней мере, зрелище было бы любопытным.

Я выступал вместе с остальными участниками передачи во второй ее части, а после первой был запланирован перерыв. Но вот пришел мой черед, и в студию вынесли те самые будильники, которые не могли работать. Я, конечно, не знал о том, что сделал Лэсли, и постарался сосредоточить на них всю свою энергию. В то же самое время я предложил всем зрителям, которые нас смотрели, чтобы они тоже сосредоточили свое внимание на их собственных часах, ключах или каких-то других металлических предметах.

Я старался, как мог, но часы в студии так и не пошли. Это было удивительно, потому что я не сомневался в том, что хоть какие-то из этих пяти будильников должны были пойти. Я чувствовал себя очень неловко, потому что со стороны все выглядело так, будто я вообще ни на что не способен. Со стыда я чуть сквозь землю не провалился. Это ужасное ощущение — находиться перед телекамерой и знать, что миллионы людей видят: у тебя ничего не получается.

По счастью, мне повезло с металлом, который они принесли. Потому что моя энергия не имеет ничего общего с какими-либо химикатами или искусственными обработками, которой были подвергнуты эти металлы. Но настроение у меня, естественно, уже было испорчено, и я не мог понять, что же случилось с часами.

Во время перерыва мы перешли в другую студию. Там уже без телекамер я продемонстрировал своим собеседникам некоторые вещи, и они произвели на них большое впечатление. Я начинал чувствовать себя немного лучше, а потом Лео Лэсли признался мне в том, что он сделал с часами. В Австрии однажды меня пытались испытать таким же способом, но заранее предупредили, что заблокировали часовые механизмы, и я, применив еще большую энергию и силу, сумел добиться того, что некоторые часы все же пошли. Я попенял Лэсли, что ему нужно было раньше сказать об этом, а теперь уже поздно, потому что у нас оставалось всего лишь несколько минут.

Когда мы вернулись в эфир, психолог, часовщик и Лэсли по очереди взяли слово и рассказали зрителям о тем, что все накладки произошли по их вине. Потом каждый из них сказал, что они полностью убеждены в том, что мои достижения — это не

результат гипноза или каких-то фокусов, и все мы от души посмеялись в знак полного примерения.

Лео Лэсли рассказал мне, что пытался воспользоваться дихлоридом ртути, чтобы погнуть ключи, ложки и другие металлы, но у него ничего не вышло, и поэтому он выкинул эту мысль из головы еще до того, как передача пошла в эфир. Правда частично ему удался эффект с предметами из алюминия, но, как известно, не слишком много ключей сделано из алюминия. Сказал он и о том, что мои руки все время были в поле зрения одной из камер, которая следила за каждым их движением. Позже Лео Лесли написал обо всем этом в своей книге. И хотя наши взаимоотношения начинались так драматично, впоследствии он стал одним из тех, кто меня сильнее всего поддерживал.

Вернувшись в Лондон, я планировал остановиться у своих друзей в квартире, расположенной в очень тихом районе города. К этому времени меня постоянно преследовала пресса, совершенно не давая прохода. Было впечатление, что у меня вообще не остается ни минуты покоя. Я пытался носить темные очки, но это меня совершенно не спасало. Репортеры выследили, где находится дом моих друзей, и всегда ждали на улице. Однажды мне нужно было поехать по делам в другую часть города, и я боялся, что мне не удастся скрыться от них и выйти так, чтобы они за мной не поехали. Взглянув на улицу через закрытые занавеси, мы увидели, что дом был практически окружен. Тогда был разработан такой план: мои лучшие друзья Шипи Штранг и Яша Кац, которые вместе с Вернером Шмидтом занимались организацией моего турне по восьми городам Англии, покрыв головы плащами, выбегут из дома в сторону большого «Лэнд Ровера», стоявшего на улице, и быстро уедут. Мы надеялись, что все представители прессы кинутся за ними, и тогда я незаметно смогу пробраться к другой машине. Им удалось сфотографировать Шипи в темных очках, и его приняли за меня. Наша уловка сработала, на следующий день пресса взахлеб рассказывала о моем «загадочном исчезновении».

Были и значительно более серьезные причины, по которым мне не хотелось попадаться на глаза. В мой адрес поступило несколько угроз — мне угрожала смертью, по всей видимости, одна из арабских террористических групп. Нам надо было быть очень внимательными и постоянно следить за почтой. Еще одну угрозу Вернер Шмидт получил по телефону в тот день, когда мы прибыли в Англию из Дании.

Я постоянно надеюсь на мирное решение всех проблем. У меня даже есть мечта — быть первым израильтянином, выступающим с показательной программой в Египте.

Инстинктивно я чувствую, что этими энергетическими силами, этим высшим разумом нельзя воспользоваться в целях войны. В связи с этим вокруг «эффекта Геллера» всегда много различных шуток. Так, на одной карикатуре в газете были изображены два танка, стоящие друг против друга с пушками, связанными в узелок. Командир одного из танков говорит своему противнику: «Мет, ты развязывай!» На другой карикатуре был изображен самолет, согнутый буквально пополам, и один пилот говорит другому: «И вот я сказал этому Геллеру: „Ну что, умник, ты еще умеешь делать, кроме как гнуть ложки?“»

Я считаю, это очень важно, что такие мощные силы не могут работать в негативном направлении. Я прошел через войну, был парашютистом и видел все ужасы войны. Получил ранение в обе руки и в голову по время шестидневной войны 1957 года. И все это время была какая-то контролирующая сила, которая недопускала, чтобы эта энергия использовалась в каких-либо других целях, кроме мирных, чтобы никому от нее не было ни боли, ни вреда.

Эта последняя угроза в мой адрес прозвучала настолько серьезно, что нам нужно было срочно встретиться и обсудить, что делать в связи с предстоящим турне по восьми городам. Вернер Шмидт связался со Скотланд-ярдом, откуда к нам тут же выслали нескольких человек. Было принято решение переехать в большую охраняемую гостиницу в Лондоне и в спокойной обстановке решить, как поступить дальше. Гостиница надежно охранялась как с главного входа, так и со стороны коридоров.

Нужно было срочно решать, что же делать с британским турне. Это был очень сложный вопрос, потому что в это время обстановка в Англии была довольно напряженной. Владелец одного из крупнейших магазинов, принимавший активное участие в еврейских благотворительных акциях, был застреляй прямо на улице, и террористическая организация опубликовала список 20 известных английских евреев, которые также были приговорены ими к смерти в ближайшем будущем. Мне очень не хотелось отменять турне, но Вернер Шмидт убедил меня, что это слишком рискованная затея.

Итак, турне по Англии было отменено и у меня неожиданно возникла возможность отдохнуть в США. А главное — теперь было время как следует подготовиться к поездке в Японию, к выступлениям в этой стране. Нужно было самому в себе разобраться, подумать, на какой путь я встал и что это означает для меня и для всего мира.

Глава 5. Стихи

Хотя я сам не вполне сознавал это в то время, но теперь понимаю, что после европейского и скандинавского турне ситуация во многом была кризисной и в каком-то смысле переломной… В научных кругах все жарче разгорался спор о том, что представляют собой мои эксперименты — некий феномен или очередные фальшивки. Мне надоело защищаться и оправдываться, но избежать этого было очень сложно. Причиной всех этих дискуссий, думаю, стала серия сложных научных исследований в Станфордском исследовательском институте, начатая в 1972 году и продолженная в августе 1973 года. Этот институт известен тем, что проводит сложнейшие исследования по заказам крупных промышленных корпораций и даже правительства. Кроме того, в программу их работы входят и уникальные компьютерные исследования в военных целях. После окончания первой серии экспериментов в 1972 году институт выпустил доклад, в котором, в частности, говорилось: «Мы наблюдали за определенным феноменом, которому мы пока не можем найти научного объяснения. Единственное, что мы можем сказать в настоящий момент, — это то, что дальнейшие исследования необходимы».

Станфордский институт считается одним из самых престижных в мире, и поэтому даже такое, прямо скажем, скудное сообщение привлекло к себе очень большое внимание. Но результаты исследований не были опубликованы сразу из-за того, что ученые, проводившие эксперименты, настаивали на том, чтобы они предварительно были помещены в специализированном научном журнале. Насколько я понимаю, это было им необходимо для того, чтобы в научных кругах отнеслись к ному более серьезно.

Я находился в институте вместе с профессором Андриа Пухаричем и астронавтом капитаном Эдгаром Митчеллом. А ученых, которые непосредственно проводили исследования в институте, звали Рассел Тарг, специалист по проблемам изучения лазера и плазмы, и профессор Харольд Путхофф, специализировавшийся в области атомной физики. Надо сказать, что они оба очень сильно интересовались парапсихологией и пропели множество совместных исследований этого явления.

Я еще вернусь к рассказу об их деятельности в этом направлении. Итак, оба ученых, Тарг и Путхофф, были убеждены в том, что доклад о проводимых ими экспериментах должен появиться в самом лучшем и авторитетном научном журнале. Все

сошлись на том, что таким изданием является журнал «Нэйче», очень требовательно и осторожно относящийся к каждому материалу, попадавшему на его страницы. Журнал нередко тратил месяцы, а то и годы, досконально проверяя все в той или иной научной работе, перед тем, как приступить к ее публикации.

К сожалению, исследования Станфордского института до сих пор не были опубликованы, хотя статья была направлена в журнал «Нэйче» уже несколько месяцев назад. Мне было хорошо известно, что почти все солидные научные журналы старались держаться подальше от изучения паранормальных явлений, потому что это направление очень долгое время считалось антинаучным. Если бы журнал «Нэйче» принял к публикации научную работу института Станфорда, это был бы настоящий прорыв. Возможно, это заставило бы замолчать наконец тех критиков, которые пытались дискредитировать меня. Словом, я очень рассчитывал на то, что научная работа появится в журнале «Нэйче», избавит меня от непрерывного и очень тягостного гнета, который я испытывал со стороны разного рода недоброжелателей и некоторых представителей прессы. Естественно, я надеялся на то, что если «Нэйче» с ее высокой научной репутацией все же примет статью после многомесячной работы, то научный мир и пресса должны будут согласиться с ее выводами. В этом случае я мог бы достойно выйти из того непростого положения, в котором находился.

Даже в тех странах, где я выступал и феномен распространялся от меня к другим людям посредством телевидения, оказывая влияние на предметы в тысячах домах, спор все равно продолжался. Мне передали, что профессор из Уэльского университета сказал, что все мои чудеса шиты белыми нитками и понадобится всего лишь полчаса хорошего тщательного контроля за экспериментом, чтобы снять маску с Геллера. Но ему, вероятно, не было известно, что условия контроля в Станфордском институте были предельно строгими и жесткими. Во время проведения исследований я был полностью изолирован от внешнего мира, и, таким образом, какое бы то ни было постороннее влияние абсолютно исключалось. По условиям экспериментов, в процессе которых я должен был телепатически дублировать рисунки, схемы, я был помещен в так называемую «клетку Фарадея» — комнату, обнесенную сетью устройств, блокирующих какие бы то ни было радиоволны, электрические и магнитные силы.

После прямого телевизионного эфира в Англии у ряда ученых возник интерес к изучению тех людей, в чьих домах происходили разные чудеса в тот момент, когда шла передача. Среди этих

ученых был и профессор Джон Тейлор. Он считал, что если ему удастся изучить людей, у которых гнулись металлические предметы и начинали работать сломанные часы, а полученные результаты сравнить с анализом экспериментов, которые он предполагал провести со мной, то у него появится возможность подтвердить либо опровергнуть гипотезу о существовании особого «эффекта Геллера». Иными словами, если бы у него была возможность отобрать группу детей и взрослых, которым удавалось делать нечто подобное тому, что демонстрировал на экране я, то он вплотную мог бы подойти к доказательствам открытия новых, неизвестных науке сил.

Одна лондонская газета уже пригласила десять таких человек на обед в гостиницу и попросила их попробовать согнуть ложки, вилки или попытаться завести или остановить часы. Хотя это был далеко не научный эксперимент, результат был поразительным. На глазах у корреспондентов двое ребятишек сумели запустить сломанные часы, а семилетний мальчик по имени Марк Шелли, сфокусировав все свое внимание на целом ряде вилок, согнул их. «Я просто думаю о том, что вилка должна согнуться, и она гнется», — сказал он.

* * *

Перед поездкой в Японию у меня неожиданно появилась возможность немного передохнуть и в спокойной обстановке обо всем подумать. Эти необычные энергии или силы проявляли себя в совершенно разных ситуациях разными способами. Некоторые из них я мог контролировать, другие работали как бы сами по себе. К сожалению, удовлетворительного объяснения, почему это так происходит, я до сих пор не нашел.

* * *

Мне нравится жить настоящей, полной, насыщенной жизнью. Я люблю телевидение, люблю кино, люблю спорт. Люблю ходить на свидания с девушками, люблю путешествовать и везде встречаться с новыми людьми. Я получаю массу удовольствия от каждой лекции или демонстрации, куда бы я ни приезжал, в любой стране мира. Я люблю играть на пианино и люблю писать стихи. Стихи приходят ко мне очень странным образом, и я даже точно не знаю, сам ли их пишу, потому что в это время нахожусь в каком-то трансе и поэтому обычно наговариваю их на

магнитофон. Правильнее, наверное, сказать, что стихи через меня приходят, чем мной сочиняются. Иногда я запоминаю, что наговариваю, а иногда нет. Бывает и так, что очень удивляюсь, когда прослушиваю то, что было мной записано на пленку.

Я начал заниматься этим вскоре после того, как приехал в Америку. Однажды в комнате, где я сидел, оказалась печатная машинка, и, хотя я никогда не обучался машинописи, я сел и стал печатать какие-то ритмические строфы. Они скорее больше похожи на слова из песни, потому что я всегда чувствую в них музыку. В этих словах много мистики и разных символов. Все они приходят ко мне откуда-то извне. Вот стихотворение, которое называется «Тот день»:

В тот день ветер пожелтел.
В тот день упала пыль.
В тот день открылись небеса.
В тот день что-то красное приблизилось к нам.
В тот день солнце остановилось.
В тот день мы увидели красное.
Тот день стал нынешним.
И вот тогда я познал конец.
В тот день начался подъем.
В тот день красное превратилось в желтое.
Тот день мы запомнили.
Тот день мы узнали.
Сиреневое вытекло из желтого.
Оно капало, и тишина горела.
Сиреневое превратилось в зеленое.
Зеленое стало таким белым и серебряным.
И серебро превратилось в золото.
И золото расцвело в цветах радуги.
И все это окрасило туман.
Туман утонул в радуге.
Утонул так глубоко, что его не стало.
Цвета упали в пустоту
И посеялись в полях.
На полях выросли вновь желтые цветы.
И стало слышно:
Человечеству предстоит пройти свой собственный путь.

Я находился в глубоком трансе, когда ко мне пришли эти стихи, и я записал их на диктофон. Когда я потом послушал это, то понял, что это уж слишком для меня. Попытался проанализировать строчку за строчкой. Первые же слова: «В тот

день ветер пожелтел» — напомнили мне ветреные бури с летящей желтой пылью, которые я видел в пустыне. Мне казалось, что это описание огромной катастрофы, которая где-то происходила. Эти страшные ветры, которые гнали желтую пыль по пустыне, окрасили весь воздух в желтый цвет, потому что клубы пыли поднялись высоко над землей. А потом пыль вдруг резко упала и заволокла землю, как предвестие чего-то значительного, что должно было произойти. И «в тот день открылись небеса» для меня означало, что какая-то неведомая могущественная сила отворила небесный створ, чтобы проникнуть на землю.

Словом, вся поэма с ее многоцветием и образностью указывает на что-то космическое, всеобщее и очень величественное. Сиреневый цвет отражал бесконечность, зеленый предвещал собой или новую эволюцию, которая пришла на землю, или открытие новой планеты. Я не мог всего понять. Но понял, что когда-нибудь смысл этого стихотворения станет нам ясен. Наверное, только после того, как мы сами станем частичкой Бога.

Было еще много стихов, которые ко мне приходили таким же образом. Одни из них рассказывали о любви или об одиночестве, другие — о грустном настроении или о космических разумах. Чаще они получались короткими, но были и длинные. Вот, например, короткое:

Закрой свои глаза и постарайся увидеть
Яркий свет, падающий на тебя сверху.
Попробуй управлять им, мысленно контролируя луч,
Который перейдет в твой ум
Благодаря высшим силам и разумам.

Я прекрасно понимаю, что мои поэмы не литературные шедевры. Но я их очень глубоко переживаю. Когда они приходят, словно какая-то сила меня держит. Странно, конечно, но я физически чувствую легкое давление на точку прямо посреди лба.

Я показал свои стихи Байрону и Марии Джанис, и они им понравились. Кстати, Байрон даже сочинил на них музыку. Он же предложил показать их Дэлу Ньюмену, который занимается оранжировками музыки для таких известных рок-исполнителей, как Пол Маккартни, Элтон Джон, Кэт Стивене и Пол Саймон. Ему тоже пришлись по вкусу мои произведения. В конце концов мы с Яшей и Вернером решили, что пора выпустить пластинку с этими песнями на нескольких языках в Англии, в Германии, может быть, еще где-нибудь. Байрон и Дэл будут заниматься композицией, музыкальными оранжировками, а я буду просто начитывать

стихи. Мэксин Найтингейл, известная по знаменитому музыкальному шоу «Волосы», будет исполнять те песни, в которых нужен сложный вокал в сопровождении хора. Пластинку решили назвать просто «Ури Геллер».

Честно говоря, с самого раннего детства я мечтал быть актером театра или кино. Я даже из-за этого всегда, пока рос, пытался скрывать свою энергию и силы, чтобы они не мешали мне раскрыться как артисту. По сути дела, я всегда был и остаюсь самым обычным человеком, если не считать, конечно, этих сил.

Так что желание быть исполнителем было для меня вполне естественным, хотя некоторые люди считают, что все это мешает моей работе, моим попыткам понять свой необычайный феномен. Я так не думаю. Мне кажется, что все, чем бы я ни занимался, в особенности эти стихи, является как бы частицей огромной картины, которая так же медленно вырисовывается, как фотопленка, спущенная в бачок для проявления. Фотография проявляется очень медленно и к тому же не сразу вся. Нужно подождать, прежде чем четко проступят все детали и весь смысл. Как всякий человек, не лишенный самых обычных чувств и эмоций, я осознаю, что существует прошлое, настоящее и будущее. Но когда я начинаю думать о каких-то более глубоких вещах, то убеждаюсь, что на самом деле не существует ни прошлого, ни настоящего, ни будущего для вечности. Все происходит одновременно. Я чувствую, что у каждого из нас есть два канала восприятия: космический и обыкновенный, и мы можем на них настраиваться в разные времена.

В одной из песен на своей пластинке мне хотелось открыть, сколько энергетических сил исходит от меня к другим людям. Я эту композицию назвал «Настроение». Она звучит так:

Давайте направим наш корабль к вере
И попытаемся силами своего разума
Сделать то, во что мы никогда не верили.
То, что мы считали, нам никогда не добиться.
Давайте что-нибудь возьмем,
Может быть вилку, ложку или ключ,
И сосредоточим на них все свое внимание.
Главное, поверить
И захотеть, чтобы чудо случилось.
Держите вилку или ключ в руках не слишком сильно
И повторяйте про себя: «Согнись, согнись».
Теперь проведите пальцами очень мягко вверх и вниз по предмету,
Почти не дотрагиваясь до металла,

Поглаживая нежно и повторяя про себя:
«Согнись, согнись».
И если получится, просто будьте счастливы
И ждите продолжения.
Вы — частичка потрясающего эффекта,
Который на самом деле запрятан во многих из нас.
Но если ничего не произошло,
Не разочаровывайтесь, потому что не со всеми это происходит.
Может быть, не то время
Или, может быть, не то настроение.
Ведь у меня тоже не всегда получается.

Прошло совсем немного времени, и мы узнали, что песни этой пластинки дали результат. На обороте альбома мы написали, что никто из тех, кто принимал участие в записи, не несут какой-либо ответственности за эксперименты и их последствия. Это необходимо было по двум причинам. Во-первых, если вдруг какие-то вещи начнут гнуться после того, как человек прослушает пластинку, то нам не хотелось брать на себя вину или ответственность за это. И кроме того, мы не хотели, чтобы кто-нибудь очень сильно разочаровался, если вдруг ничего не произойдет, потому что совершенно не могли предсказать, что будет.

Пластинка появилась в Европе в 1974 году, и однажды ее проигрывали по радио в Швейцарии. В тот день радиостудии получили сотни звонков от слушателей, которые сообщали, что в их домах гнулись вилки, ложки и ключи точно так же, как было уже когда-то во время передач Би-би-си. Если эта реакция будет повсеместной, то это станет важным подтверждением теории существования новой энергии в мире, которая заложена не только во мне, но и в людях. Тогда все поймут, что ей нужно уделить очень серьезное внимание.

В феврале я принял участие в нескольких телевизионных передачах в Японии. Реакция в стране Восходящего солнца оказалась такой же потрясающей, как и в Европе. Это говорило о том, что языковой барьер абсолютно не мешает работе энергии. Но даже это не убедило моих критиков и противников, которые по-прежнему пытались дискредитировать все, что я делал.

Особенно усердствовал в этом знаменитый журнал «Тайм», видимо, в отместку за отказ от предоставления ему материалов исследований Станфордского института до тех пор, пока они не будут опубликованы в журнале «Нэйче».

В противовес негативному подходу журнала «Тайм» лондонская «Дейли мейл» опубликовала несколько глав из книги Андриа Пухарича «Ури», а на первой полосе была напечатана анкета, в которой читателям предлагалось выразить свое мнение по поводу моего феномена. Газета так объясняла свой подход: «Разгорелись жаркие споры вокруг публикации глав из книги об Ури Геллере в „Дейли мейл“. В Америке ученые разделились на две группы, первая из которых считает Геллера выдающимся фокусником и иллюзионистом, другая же утверждает, что он обладает уникальным энергетическим потенциалом. Итак, теперь ваша очередь. Как, по-вашему, есть ли у Ури Геллера сверхъестественные силы? Пометьте „да“ или „нет“. Вырежьте анкету и пришлите ее нам».

Узнав об этом, я очень расстроился, потому что представил себе, что если бы я сам только прочитал по поводу этих сил в газете, не видя их своими глазами или не испытав их на себе, то, конечно, написал бы «нет». По моим подсчетам, не больше 20 или в лучшем случае 25 % опрошенных могли бы написать «да». Хотя к этому времени уже были известны некоторые, результаты исследований в Станфорде, которые выглядели очень убедительно и могли произвести впечатление на читателей газеты. 22 марта 1974 года газета опубликовала результаты опроса. Признаюсь честно — я был поражен. Выяснилось, что 95,5 % из тех, кто принял участие в этом голосовании, верили в то, что у меня есть такие силы, и лишь 4,5 % считали, что я просто фокусник. Объявляя эти результаты, «Дейли мейл» поясняла: «В подавляющем большинстве писем, которые мы получили, читатели говорят, что раньше относились ко всему этому скептически, но результаты института Станфорда их полностью убедили».

К сожалению, это были пока только неофициальные данные об экспериментах — о публикации в журнале «Нэйче» еще ничего не было известно. Прошло уже больше года, и казалось, что уже никогда эта статья не увидит свет.

Тем не менее в марте я закончил второе скандинавское турне и очень серьезно готовился к записи пластинки, которая была назначена на июнь. Примерно в это же время мне сообщили, что организация Роберта Стигвуда, крупная лондонская кинокомпания, поставившая в свое время как фильм, так и сценический вариант рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», заключила контракт на право снять фильм о моей жизни. Эта идея меня очень вдохновила, хотя я подумал, что ученые, работавшие со мной, вряд ли будут в восторге. Они, конечно, считали, что мне нужно целиком посвятить себя научным

экспериментам и не отвлекаться ни на что другое. Но я тут не вижу большого противоречия. Во мне прекрасно уживаются две стороны натуры. Одна — очень простая, земная, и другая — космическая, вселенская, которой принадлежат эти энергетические силы. И я не хочу лишаться ни одной из них. Мне кажется, что есть определенная польза и от моих публичных выступлений, и от телепередач, фильмов, музыки, поэзии, пластинок. Благодаря всему этому меньше чем за год меня смогли увидеть миллионы людей, и, возможно, я изменил их мышление, открыл для них новые горизонты Вселенной. Нужно пользоваться своей энергией, чтобы изменить что-то, особенно в умах людей.

Я абсолютно убежден в том, что если бы не моя публичная активность, наука просто игнорировала бы все эти энергетические силы. Публика заинтересована моими способностями, ей нужно знать, что из себя представляет этот феномен. Все это стимулирует и ученых, побуждая их к научному поиску.

Потрясающие результаты передач Би-би-си помогли профессору Лондонского университета Джону Тейлору и его помощникам запланировать новую серию экспериментов, направленных не только на меня, но и на тех людей, которые мод воздействием телепрограмм также испытали действие этой энергии, стали как бы ее проводниками.

Профессор Тейлор знал, что я планировал приехать в июне и Англию на запись пластинки. Он написал мне письмо, в котором спрашивал, смогу ли я уделить ему какое-то время для того, чтобы провести серию опытов в лаборатории Кингс-колледжа. Одновременно с ним ко мне обратились также доктор Джон Хастед и доктор Дэвид Бом с предложением сотрудничества и совместных экспериментов по изучению феномена. Я согласился на оба эти предложения с радостью, потому что мне было очень приятно, что на меня обратили внимание такие известные и уважаемые в мире науки люди.

Как известно, в ядерной физике есть даже эффект Бома, названный так в честь Дэвида Бома, и вся его работа в этой области ценилась очень высоко. То же самое можно было сказать о Хастеде и Тейлоре. И поэтому я мог не сомневаться, что имею дело с первоклассными учеными, к мнению которых будут прислушиваться.

Для меня настало очень сложное, насыщенное время. Шла подготовка к записи альбома и одновременно к двум сериям научных экспериментов в Кингс-колледже и в Биркбек-колледже Лондонского университета. Расписание каждого дня было насыщено до предела. Начались длительные сеансы записи с

большим оркестром и все прочие осложнения, связанные со студийной записью. Продюсером пластинки стал Вернер Шмидт. Он занимался оранжировкой музыки Байрона Джаниса и Дэла Ньюмена. Мне приходилось готовиться к новой серии научных экспериментов в Лондонском университете прямо между репетициями и непосредственной записью.

Программу исследований готовил Брендан О'Риган, который внимательно ознакомился с работой Станфордского института и выработал систему принципиально новых экспериментов, направленных в первую очередь на изучение физического воздействия моих энергетических сил на различные металлы и другие материалы. Он вместе с доктором Тедом Бастином даже осуждал Станфордский институт за то, что его научное заключение свелось преимущественно к телепатическим явлениям, оставив в стороне многие важнейшие аспекты проблемы. Кроме того, они оба считали, что ученые Станфордского института непозволительно затянули выпуск в свет результатов исследования, что привело к ужесточению споров вокруг «эффекта Геллера» и к потере интереса со стороны ряда крупных ученых, предполагавших уделить большое внимание новым энергетическим силам.

В итоге разгорелась настоящая война между теми, кто принимал возможность существования новых сил, и теми, кто полностью их отрицал. Кроме этих двоих ученых и уже упомянутых выше Дэвида Бома и Тома Хастеда, в экспериментах Биркбек-колледжа должны были также принять участие А.В.Кливер, возглавлявший отдел двигателей в компании Роллс-Ройс, и два знаменитых писателя — Артур Кестлер, автор романа «Слепящая тьма», и Артур С.Кларк, очень популярный фантаст. Словом, подобралась очень интересная и представительная группа, с которой мне, безусловно, было лестно и приятно работать.

То же самое можно было сказать и о научной группе доктора Джона Тейлора в Кингс-колледже.

Вообще надо сказать, что я к этому времени уже значительно изменил свое отношение к ученым в лучшую сторону.

И тем не менее накануне новых экспериментов я все равно чувствовал некоторую нервозность и волнение. Не удавалось мне полностью избавиться от боязни провала, неудачи. Слишком важными мне представлялись результаты этой серии исследований.

Глава 6. Ученые

Когда я прилетел в Англию в июне 1974 года, то сразу же позвонил профессору Тейлору в Кинг-колледж. Он подтвердил, что все эксперименты подготовлены, что он готов меня встретить и очень ждет начала опытов. Но мне предстояло сначала посетить студию звукозаписи, где тоже все уже было готово, поэтому я пообещал доктору Тейлору, что, как только закончу работу в студии, сразу же приеду к нему в лабораторию. Я чувствовал, что мне лучше начинать работать с ним, потому что, во-первых, мы уже были знакомы, а я всегда в таких случаях чувствую себя намного удобнее и свободнее. А уж затем я мог бы ехать в Биркбек-колледж, где была запланирована принципиально новая серия экспериментов. Таким образом, я бы постепенно входил в процесс работы, привыкая и осваиваясь, потому что волнение все-таки не проходило.

Запись продолжалась до глубокой ночи, и мне удалось лечь спать только в 4 утра. Естественно, я был очень уставшим, когда на следующее утро приехал в Кингс-колледж. Меня привели в огромную лабораторию с различной аппаратурой, приборами и инструментами. Доктор Тейлор сказал, что главное, что нам предстоит сделать, — это исключить любую возможность фальсификации, предусмотреть все возможные придирки для того, чтобы результаты экспериментов были безоговорочно приняты учеными, поэтому здесь так много аппаратуры.

Я согласился с ним, потому что и мне было важно иметь гарантии полного контроля. Я знал, что никакого обмана, никакой фальсификации нет, но важно было, чтобы и другие в этом тоже убедились. По словам профессора, ему удалось разработать такие приборы, которые улавливали бы все виды силового воздействия, которыми я мог бы воспользоваться для того, чтобы гнуть предметы. Кроме того, каждый кусочек металла имел специальную маркировку, чтобы невозможно было спутать уже согнутый предмет с оригиналом, не прошедшим контроля. Была предусмотрена и проверка меня на использование химикатов, таких, скажем, как дихлорид ртути. Он объяснил мне, что эти весьма, кстати, ядовитые вещества иногда действительно искажают форму металла, но при этом оставляют после себя следы, которые ни с чем не спутаешь.

Он приготовил разные виды металла для эксперимента: алюминий, медь, латунь, разные сплавы железа, олово, свинец, серебро и цинк, а также кристаллы хлорида лития. Среди сложной новейшей аппаратуры были приборы, при помощи

которых можно было измерять величину теплового нагревания, вольтметры, мониторы радиации, приборы по измерению ультрафиолетовых лучей и аппаратура для проверки инфракрасной радиации.

Профессор Тейлор и его помощники к этому времени уже закончили серию экспериментов с детьми, которые обнаружили способность и умение гнуть металлы после того, как посмотрели мои передачи по Би-би-си. Им также удавалось гнуть металл, направляя все свое волевое усилие на предмет либо лишь слегка притрагиваясь к металлу. Он проверил 15 детей в возрасте от 7 до 15 лет и был очень доволен результатами проведенных экспериментов, которые удавалось неоднократно повторять в условиях лаборатории.

Перед тем как мы начали испытания, профессор Тейлор по взаимной договоренности меня тщательно обыскал: его интересовали какие-либо магниты или химикаты. Проделав это и, разумеется, ничего не обнаружив, он начал первый опыт, который заключался в том, что кусочек латуни размером в десять дюймов был приклеен к весам, похожим на те, которыми пользуются на почтовых отделениях, чтобы взвешивать письма. Кусочек этого металла лежал на весах таким образом, что одна его половина была на весах, а другая — висела в воздухе и при моей попытке согнуть ее провисла бы.

Цель этого эксперимента была установить, применяю ли я какое-нибудь тяжелое давление на металл. Весы были настолько чувствительны, что даже малейшее давление тут же проявилось бы. Указателем величины давления служила шкала с гонкой иголкой. При едва заметном прикосновении к металлу указатель показывал около пол-унции давления. Естественно, этого явно недостаточно для того, чтобы согнуть металл.

Я начал слегка гладить металлический кусочек — иголка на указателе показывала как раз примерно пол-унции. Профессор Тейлор внимательно наблюдал, что-то записывал и следил за работой автоматического устройства записи. Иголка на шкале указателя давления ни разу не зашла за отметку в пол-унции за все время, пока я гладил кусочек металла.

Где-то спустя минуту металл потихоньку начал сгибаться. Всех особенно поразило, что металл гнулся вверх вообще без всякого давления, если судить по шкале на приборе. Потом вдруг сама иголка на указателе начала гнуться. Она продолжала медленно сгибаться и после того, как я уже перестал гладить кусочек металла. В конце концов иголка согнулась до угла в 70 °. Меня заинтересовало, почему в то же время кусочек металла, к которому я прикасался, согнулся лишь не более чем на 10°. А ведь

я даже не подносил свою руку близко к прибору-индикатору. Профессора Тейлора очень смутил тот факт, что согнулась измерительная иголка.

Но это было только начало целой серии странных и поистине потрясающих вещей, которые произошли в лаборатории Кингс-колледжа в тот день. В следующем эксперименте использовался кусочек алюминия. В него был впаян небольшой цилиндр, покрытый тонкой диафрагмой, очень чувствительной к любому давлению. Профессор Тейлор объяснил, что это приспособление также измеряет физическое давление. Он с гордостью сказал, что этот крошечный прибор стоит больше 500 долларов.

Я слегка погладил металл, и он тотчас же начал сгибаться. Но вдруг приспособление перестало записывать давление, после того как металл лишь слегка прогнулся. Профессор Тейлор тут же исследовал диафрагму. К нашему ужасу, она буквально на глазах начала крошиться. Сначала в центре появилась маленькая дырочка, а потом эта дырочка стала разрастаться и вскоре разошлась по всей поверхности. Спустя десять секунд диафрагма полностью развалилась.

Алюминиевый брусочек по-прежнему продолжал сгибаться уже без моего прикосновения. В итоге он согнулся еще на 30˚.

Все это произвело на присутствующих колоссальное впечатление. Профессор Тейлор сказал, что «эффект Геллера» был полностью доказан одним только этим экспериментом и стоило это все 500 долларов.

Дальше настала очередь маленького кристалла хлорида лития, который был закрыт в пластмассовом контейнере таким образом, чтобы мне нельзя было к нему прикоснуться. Меня попросили занести руку над контейнером, не прикасаясь к нему, чтобы проверить таким образом, какой эффект будут иметь на него эти энергетические силы. Соблюдая постоянное расстояние между рукой и пластмассовым контейнером, в котором находился кристалл, я сосредоточивал на нем все свое внимание, с тем чтобы попытаться разломить кристалл, не прикасаясь ни к кристаллу, ни к контейнеру, что с точки зрения науки совершенно невозможно.

Не прошло и десяти секунд, как кристалл разломился на несколько частей. К этому нужно добавить, что алюминиевый диск, который находился в соседнем контейнере, одновременно согнулся почти вдвое, хотя профессор Тейлор держал свою руку между моей рукой и вторым контейнером. Профессор Тейлор уже не скрывал своего удивления. И это удивление росло с каждым экспериментом.

Мы прошли в другую комнату, где было еще больше

аппаратуры. Там они взяли кусочек меди и приклеили к нему очень тонкий проводок, который должен был записывать и улавливать с микронной точностью любые изменения в металле. Мне опять предстояло сгибать металл, не дотрагиваясь до него, а только сосредоточивая все свое усилие. Я очень старался, говорил про себя: «Сгибайся, сгибайся, сгибайся!» Но ничего не происходило. Мы на минуту остановились, потому что, казалось, эксперимент не удался. А потом вдруг металл начал гнуться сам по себе, а маленький измерительный проводок разорвался.

И тут профессор Тейлор случайно обратил внимание на то, что кусочек латуни, лежавший на столе в другом конце лаборатории, тоже согнулся. Он хотел использовать его в следующем эксперименте. Ни он, ни я даже не обращали на него внимание в тот момент.

Через некоторое время, уже продолжив работу, мы внезапно услышали звук падения какого-то предмета в дальнем конце лаборатории, примерно на расстоянии двадцати футов от нас. Оказывается, это тот самый кусок латуни приземлился на пол рядом с дверью. А еще спустя несколько минут кусочек меди, который лежал рядом с латунью, тоже соскользнул со стола и приземлился возле двери. Нашему удивлению не было предела, а тут еще железный прут, лежавший на дальнем конце стола, упал прямо под ноги профессору Тейлору, к тому же этот прут, который раньше был прямым, согнулся.

Я был счастлив, что все это происходило в лаборатории престижного университета в присутствии ученых, потому что понимал, что в другой ситуации мне никто не поверил бы. Позже, описывая все, что случилось, профессор Тейлор подтвердил, что ни до одного из объектов Геллер не дотронулся и не мог этого сделать, поскольку находился на довольно значительном расстоянии от них и ни на мгновение не выходил из поля зрения наблюдавших за всем этим ученых.

Профессор Тейлор был прав. Я находился на расстоянии от этих предметов и, как и во многих других случаях, сосредоточивал всю свою энергию на что-то другое, понятия не имея, что произойдет. Создавалось впечатление, что энергетические силы слегка шутили над нами. Они словно демонстрировали какое-то свое космическое чувство юмора. Это было поразительно — но было же! И главное — на глазах у известных и авторитетных ученых. Я не мог даже мечтать, что столько всего произойдет одновременно.

Эксперименты в Кингс-колледже главным образом уделяли внимание физическим аспектам воздействия феномена, и мне было особенно приятно, что они идут так хорошо. Профессор

Тейлор сказал мне, что после работы с детьми, раскрывшими свои способности под влиянием программы Би-би-си, и серии опытов со мной, он окончательно убедился, что в указанных случаях происходил процесс качественного изменения материи совершенно новыми способами. Но поскольку современной физике не были известны силы, способные на это, основная проблема заключалась в том, чтобы определить, что это за силы.

Другими словами, нужно было прежде всего преодолеть сопротивление самой идее изучения этих сил. Ведь очень долгое время было невозможно добиться хотя бы серьезного отношения к феномену. Ну а теперь пусть очень маленькая группа ученых, но все же принялась за эту проблему серьезно. Это было только начало.

Работая над экспериментом в Кингс-колледже, я чувствовал, что такие ученые, как Джон Тейлор и его помощники, шли на известный риск стать посмешищем среди своих коллег лишь за то, что взялись за изучение этого феномена. Конечно, им не просто было на это решиться, но все же я убежден, что, если речь идет о чем-то очень важном, по-настоящему значимом, нужно рисковать.

Профессор Тейлор был готов допустить возможность того, что металл деформировался под воздействием новых неизвестных науке энергетических сил, потому что вел наблюдение за всеми процессами в условиях сильного контроля, который не давал ему права усомниться в достоверности результатов. Он выдвинул предположение, что в результате моего воздействия каким-то образом происходит разрыв цепочки, связывающей воедино систему металлических ионов. Он предполагал, что все должно было привести нас к обнаружению какой-то уже известной энергии, потому что в принципе все выливалось в известные результаты. Но в том случае, если эти эффекты исходят все же от неизвестных сил, это будет настоящим испытанием для всей современной физики, потому что, возможно, придется искать ответы в какой-то иной области человеческого знания. Он считал, что, если после длительных экспериментов ученые найдут подтверждение тому, что происходит, им придется пойти уже дальше, за установленные законы физики. И здесь могли возникнуть осложнения.

«Предположим, что эффект идет от мозга, но ведь медицина до сих пор еще не владела достаточной информацией о работе головного мозга, чтобы сделать какой-то прогресс в этом вопросе», — сетовал он. Науке придется искать объяснение тому, каким образом мозг может посылать излучение, способное сгибать и уничтожать металл.

Было сделано еще два эксперимента с разными приборами. В первом из них был использован счетчик Гейгера. Хорошо известно, что в любом месте на нашей планете существует хотя бы небольшой радиационный фон. Но когда я взял счетчик и направил на него свое усилие, счетчик показал величину в 500 раз большую, чем норма фона. Он стал издавать такие звуки: «клык, клык, клык». Потом он снова показывал нормальный фон, потому что я перестал концентрировать свое внимание на нем, хотя продолжал держать его в руке. Естественно, первая реакция у всех была однозначной — у меня где-то спрятано радиоактивное вещество. Ну, во-первых, я не такой дурак, чтобы подходить так близко к радиоактивным веществам, даже если бы я знал, где их можно достать. А во-вторых, я попросту не смог бы заставить счетчик Гейгера сначала зашкалить, а потом резко останавливаться и снова начинать работать, когда меня просили об этом. Даже если бы у меня было с собой какое-то радиоактивное вещество и мне захотелось бы его использовать, я бы физически не смог здесь обмануть ученых.

В другой раз ко мне привязали компас. Не дотрагиваясь до пего, я сумел заставить его повернуться на 40°. Потом я разрешил стрелке снова вернуться в сторону севера, когда прекратил воздействие, чтобы таким образом дать им возможность проверить, есть ли у меня какой-нибудь магнитсодержащий материал.

Уже в самом конце этого эксперимента мы вдруг услышали долгий щелчок в самом дальнем конце комнаты, где кусок латуни, который некоторое время назад слетел со стола, до сих нор лежал возле двери. Теперь он полностью исчез, и его никто не мог найти. Потом, правда, профессор Тейлор нашел его под радиатором, далеко от того места, где он лежал.

Все эти явления было очень сложно объяснить, и он, конечно, ни за что не поверил бы в них, если бы не видел собственными глазами и если бы все это не происходило в присутствии очевидцев. Он согласился со мной, что в этом случае самый простой способ — заявить, что я наверняка жульничал. Так, по крайней мере, спокойнее и привычнее думать. Но то, что произошло в лаборатории в тот день, было проверено, происходило под наблюдением и регистрировалось на разной научной аппаратуре. Тут уж не скажешь, дескать, все это шулерство или жульничество.

Ну и кроме того, были проведены эксперименты с детьми. И что самое интересное и удивительное — это многократная повторяемость результатов — явление крайне редкое в парапсихологии. Насколько мне известно, это вообще одна из

самых труднопреодолимых проблем в изучении аномальных явлений. Они происходят лишь один раз, и их невозможно зафиксировать и тем более исследовать. Я, конечно, тоже не могу похвастаться стопроцентной гарантией повторения результатов, но она близка к 90 %. Практически то же самое было и с детьми, которых он проверял.

Меня очень заинтересовали результаты работы профессора Тейлора с детьми. Это давало редкую возможность посмотреть на эти энергетические силы как бы со стороны. Кроме того, мне теперь было легче понять людей, которые не могли воочию увидеть эти явления и, следовательно, с большим трудом заставляли себя поверить в них. Но главное, что мне не давало покоя: как те силы, которые демонстрировали дети, передавались им — посредством радио или телевизионной трансляции?

В среднем возраст детей, с которыми он работал, был около 12 лет, примерно половина из них мальчики, половина девочки. Когда они поглаживали кусочки металла, профессор Тейлор проверял при помощи аппаратуры различные параметры изменений, происходящих с металлами. Особенно его интересовало то, что практически не происходит нагревания металлических предметов в тот момент, когда они гнутся. Зафиксированные максимальные повышения температуры металла были где-то в районе двух градусов, что, конечно, явно недостаточно для того, чтобы согнуть металл при нормальных условиях. Приборы показывали, что при этом отсутствует и какая-либо электрическая сила. Не удалось зафиксировать и никакого электромагнитного излучения. То, что профессор Тейлор называл статичными магнитными полями, тоже было исключено.

Он несколько раз подчеркивал, что заставило его подойти к «эффекту Геллера» серьезно. Именно тот факт, что дети дублировали то, что я делал. Потому что это полностью исключало возможность использования каких-то трюков. Представить себе, что, отобрав случайно 15 детей, можно за короткий срок обучить их виртуозному исполнению профессиональных фокусов, причем так, чтобы они могли еще обмануть целую батарею научных приборов и большую группу ученых, просто несерьезно.

Тем не менее результаты, которые получил профессор Тейлор с детьми, можно без преувеличения назвать феноменальными. Многие из его экспериментов показывали, как металл гнется вверх — в сторону, противоположную небольшому давлению детских пальчиков. Напомню, что такое происходило и со мной. Один кусочек металла, который подвергался такому эксперименту, согнулся в течение пяти минут на 90°. Маленькая

девочка держала металлический брусок на расстоянии пяти дюймов от своего лба и сосредоточивалась — она даже не гладила его, а металл тем не менее согнулся на 10°. Другая такая же маленькая девочка сломала хромированную ложку через три минуты легкого прикосновения к ее поверхности.

Я даже не могу вам передать, как было важно для меня научное подтверждение необыкновенных возможностей этих детей. Пожалуй, в первый раз с тех пор, как все эти странные вещи начали происходить со мной, я почувствовал настоящее облегчение. Теперь я знал, что не один несу ответственность за явление, которое может быть отнесено к разряду чудес. Собственно говоря, это и есть чудо. Я употребляю это слово, имея в виду то, что я не изобрел эти поразительные энергетические силы. Я их только демонстрировал. Надеюсь, что мистическое их происхождение скоро будет объяснено и тогда они будут восприниматься как настоящий, реально существующий феномен. И постепенно, по мере того как ученые будут их изучать все больше и больше, они научатся применять к ним различные научные теории, смогут применять физические законы по отношению к этому феномену.

Сперва с ним, наверно, будет, как с любым другим феноменом Земли: что-то нельзя будет объяснить, что-то останется загадкой. Мы ведь до сих пор не знаем, что такое Вселенная, но в конце концов мы ее дети и должны принять ее, хотя бы просто потому, что она есть.

Точно так же нам придется принять и этот новый феномен, потому что он существует. Я верю, что объяснение, почему сгибается ключ от легкого прикосновения, будет намного проще, чем объяснение Вселенной или космоса. Я уверен, что найдется не слишком сложное объяснение этим силам и тогда мы сможем ими воспользоваться на благо человечества.

И еще я убежден, что силы, которые я демонстрирую, находятся в каждом человеке. Некоторые люди, особенно дети, имеют значительно более высокий уровень этих сил, чем другие. Почему? Не знаю. Где-то, вероятно, существует высший разум, который распределяет эту энергию. И пока я могу продолжать показывать эти энергетические силы людям, пока они во мне есть, я не перестану пропагандировать их, невзирая на тот спор, который они вызывают.

Благодаря тому что все так хорошо шло в Кингс-колледже, я практически перестал нервничать и по поводу экспериментов в лабораториях Биркбек-колледжа, которые мне предстояло посетить четыре раза. Брендан О'Риган встретил меня возле гостиницы, и мы с ним поехали в лабораторию профессора Бома.

Как я уже писал, там меня ждала группа очень представительных ученых. В одном из экспериментов принимали участие писатели Артур Кестлер и Артур С.Кларк. О'Риган объяснил, что присутствие Артура Кларка будет особенно важным, потому что он придерживался крайне скептической точки зрения. Его позиция состояла в том, что такие его книги, как «2001 год» и «Конец детства», всего лишь научная фантастика, и едва ли возможно, чтобы что-то подобное сбылось, по крайней мере в течение его собственной жизни.

Профессор Хастед и профессор Бом — два крупнейших физика, которые отвечали за осуществление проекта, — встретили нас очень вежливо и дружелюбно. Они отвели меня в конференц-зал, где стоял длинный стол и стулья. Там собралось очень много незнакомых мне людей.

Я, конечно, очень волновался. Эти эксперименты носили совершенно иной характер, чем те, которые были в Кинге — колледже. Если и здесь все пройдет успешно, то это будет неопровержимым доказательством, что процесс может быть повторен, изучен и доказан различными научными группами. Учитывая серию экспериментов в институте Станфорда, это был бы уже третий цикл исследований, контролируемых учеными, и я надеялся, что каждый из этих циклов подтвердит результаты предыдущих.

Атмосфера в Биркбек-колледже была хорошей. Я не чувствовал никаких негативных проявлений. Все присутствующие искренне хотели узнать правду об энергетических силах. Они попросили меня поговорить с ними немного по поводу моей теории этого феномена, и я с удовольствием поделился своими соображениями, и, как они сказали, всем было интересно. Особенно заинтересовался Артур Кестлер, потому что он примерно об этом писал в нескольких своих книгах. Ученые тоже все слушали очень внимательно, но я тем не менее никак не мог понять, как они ко всему этому относятся. Не мог я избавиться и от ощущения, что смысл моих слов не доходил до Артура С.Кларка.

Тогда я решил, что, может быть, стоит прервать свой рассказ и попытаться согнуть ключ от его дома, чтобы Кларк почувствовал себя иначе. Я попросил знаменитого фантаста подержать его ключ в вытянутой руке и внимательно следить за ним, чтобы убедиться в том, что я не подложил вместо него какой-либо другой ключ или не сгибаю его каким-то физическим действием.

Спустя несколько секунд ключ начал гнуться, и он сказал: «Боже, мои глаза видят это! Он гнется». Потом мы перешли в

лабораторию, чтобы приступить к настоящим экспериментам. Я чувствовал себя уверенно в тот день, но в то же время немного испуганно, как всегда себя чувствую в присутствии ученых, по крайней мере в первое время.

Профессор Бом и Хастед провели меня по всей лаборатории, показали, какие эксперименты они подготовили. В их число входили специально помеченные ключи, различные металлические объекты, кристаллы, диски, запаянные в стеклянных и пластмассовых цилиндрах, ложки, счетчики Гейгера и даже лазерный луч, который они тоже хотели меня попросить согнуть. Я предложил начать со счетчика Гейгера — взял его в руку и сосредоточил на нем свои усилия. Вся группа стояла вокруг, смотрела. Их было восемь человек, считая техников, которые устанавливали аппаратуру. Я продолжал направлять свою энергию, и счетчик Гейгера вдруг стал очень быстро щелкать, так же как у профессора Тейлора в Кингс-колледже. На этот раз счетчик был связан с еще каким-то другим прибором, записывающим все, что происходит, на каких-то сложных перфокартах. Естественный фон проверялся каждую секунду, за которую раздавалось два четких щелчка при нормальном фоне. В какой-то момент, минут через десять, щелканье вдруг стало раздаваться так часто, что казалось, будто оно уже превращается в сплошной звук «б-р-р».

Все были потрясены. В своей наивысшей точке счет дошел до двухсоткратного превышения нормального уровня. Профессор Хастед сказал, что если я ношу с собой радиоактивный материал такой силы, то это для меня может плохо кончиться. Щелканье то возрастало, то вдруг становилось тише, когда я переставал концентрировать свое внимание. Если бы на мне был бы какой-то радиоактивный материал, то быстрое щелканье продолжалось бы свыше десяти минут подряд.

Ни Бом, ни Хастед больше не высказывали версию, что увеличение счета Гейгера идет от какого-то радиоактивного источника. Поскольку магнитомер показывал отражение одновременно со счетчиком, они подозревали, что влияние происходит посредством «электромотивной силы» через металлический корпус самого счетчика. Конечно, все в лаборатории пытались повторить эффект, но ни у кого ничего не получилось. Но еще более они все были удивлены экспериментом с двумя тонкими кристаллическими дисками из материала, который назывался карбид ванадия. Эти два диска были запаяны в пластмассовые капсулы так, чтобы к ним было невозможно прикоснуться. Профессор Хастед вытянул свою руку над капсулами и попросил, чтобы я положил свою поверх его на

несколько секунд. Одна из маленьких капсул слегка продвинулась по столу. Хастед сказал, что он почувствовал небольшое тепло, когда это случилось. Но еще более поразительно то, что половина одного из кристаллов исчезла из запаянной капсулы.

К этому времени Артур Кларк окончательно потерял весь свой скептицизм. Он пробормотал что-то типа: «Боже мой, это же все правда! Об этом я писал в книге „Конец детства“. Я не верю в это!»

Но Кларк пришел не для того, чтобы высказывать свои эмоции. Он хотел полностью убедиться в том, что феномен действительно существует. Когда он увидел все это, то сказал другим: «Посмотрите, всем фокусникам и журналистам, которые критикуют „эффект Геллера“, придется смириться с ним или просто заткнуться. Если они не могут повторить те вещи, которые Геллер делает под строжайшим контролем в лаборатории, им не о чем больше говорить».

Кларк рассказал мне немного о своей книге «Конец детства», научно-фантастическом романе об НЛО, которые летают над Землей и контролируют земную жизнь. Он написал эту книгу около 20 лет назад, а теперь признался мне, что был полным скептиком до сегодняшнего дня, когда его ум полностью перевернулся при виде этих экспериментов.

Я чувствовал во время тестов в Биркбек-колледже, что всем хотелось, чтобы эксперименты удались. Мне даже передавалась от них положительная энергия, особенно от Артура Кест-лера, который был среди всех самым заинтересованным.

Эксперименты продолжались два дня, и все они были успешные, кроме попытки согнуть лазерный луч. Тут я ничего не смог сделать. Суммируя все свои мысли по этой серии экспериментов, профессор Бом сказал: «Наблюдая за этими явлениями, происходившими со мной и с детьми, которые подвергались эксперименту, я считаю, что все это исходит от бессознательного состояния ума и что сознательное состояние ума скорее мешает, чем помогает». Кроме того, он сказал, что слишком много внимания до сих пор уделялось тому, что здесь могут быть замешаны какие-то фокусы и из-за этого очень много было затрачено лишних сил на доказательство истинности этого феномена.

Теперь, считали профессор Бом и профессор Хастед, пришло время подходить к изучению этих новых сил таким же образом, как наука ранее подошла к изучению магнитных и электростатических эффектов. Их также было очень сложно описать в тот момент, когда они были открыты, так как слишком

низок был общий уровень знаний. Тем не менее эффекты были замечены и за ними пристально наблюдали.

Подводя итоги, они написали: «Мы предполагаем, что подобные опыты необходимо повторить через некоторое время, когда у нас будет достаточно информации и данных, для того чтобы всесторонне изучить тот совершенно новый процесс, который мы не в состоянии описать, пользуясь нынешними достижениями физики. Тем не менее мы считаем, что нами сделан серьезный шаг вперед».

Это были очень смелые слова, особенно если учесть, что исходят они от известных физиков. Мне сообщили, что и профессор Тейлор высказал сходные мысли по поводу результатов моих экспериментов в Кингс-колледже. Хастед в интервью британскому корреспонденту газеты «Дейли мейл» сказал: «Настало время ученым задуматься по поводу этих проблем. Целая серия уникальных явлений произошла в тот момент, когда господин Геллер проходил исследования в нашей лаборатории. Мы работали не только с ключами и ложками, но и с кристаллами, с различными объектами, заключенными в капсулы. Мы проводили очень тщательный контроль во время наших экспериментов. Я уверен в том, что наука когда-нибудь все-таки разберется во всем. Правда, для этого, боюсь, самой науке придется измениться».

Он продолжил свою мысль, сказав, что проблема не в том, чтобы бесконечно задавать себе вопрос, может ли происходить этот феномен, а в том, чтобы выяснить, как он происходит. «Это очень важный феномен, — сказал он, — который даст нам новые данные о человеке. Попытка постижения этого будет одним из самых интересных и волнующих этапов исследования в течение следующих нескольких лет».

И все же профессор Тейлор, пожалуй, написал самое сильное заявление из всех. Вот его слова: «Я проверял Ури Геллера в моей лаборатории в Кингс-колледже Лондонского университета, используя специальную аппаратуру.

„Эффект Геллера“, то есть сгибание металла, вызван не какими-либо иллюзиями. Он настолько исключителен, что является настоящим вызовом современной науке. И даже, вероятно, мог бы уничтожить ее, если не будет найдено какое-либо его объяснение.

Как ученый, я наблюдал за людьми, у которых тоже есть способности к сгибанию металлических предметов. Некоторым из них удается добиваться этого эффекта самостоятельно, так же как это делает сам Ури Геллер. У других же это получается только тогда, когда они слышат голос Геллера или видят его по

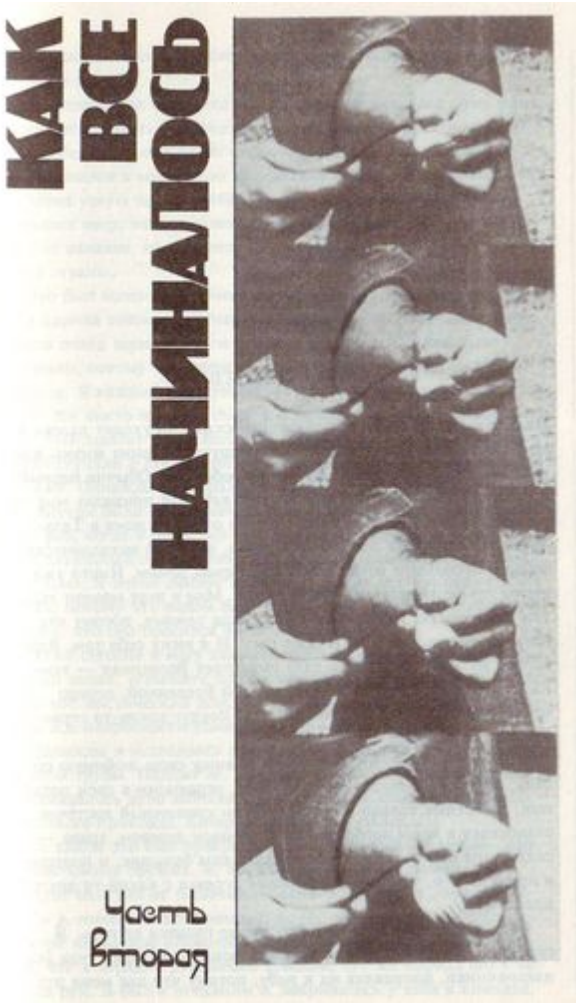
телевидению.

Результаты были описаны в двух научных работах. Сейчас готовятся еще две статьи и книга под названием „Суперразум: расследования паранормального“».

Обе группы, как в Кингс-колледже, так и в Биркбек-колледже, начали работу над научными разработками по итогам проведенных экспериментов. И те и другие считали, что журнал «Нэйче» — самое подходящее издание для публикации их научных работ.

Тем времени я занимался в Германии записью пластинки. Когда же у меня было свободное время, я проводил его с друзьями в Италии. Мне нужно было отдохнуть, потому что вскоре у меня была запланирована серия лекций-демонстраций в ЮАР. Я согласился поехать туда только при одном условии, что мне можно будет выступать и перед чернокожими зрителями, а не только перед белыми.

ЧАСТЬ II. Как все начиналось



Глава 7. Детство

Появление этих странных энергетических сил уходит далеко в мое детство. Иногда я мысленно прокручиваю свою жизнь, как кино, и тогда вижу себя маленьким ребенком. Обычно первый и один из самых прекрасных кадров, который приходит мне на память, — это арабский сад недалеко от моего дома в Тель-Авиве. Прекрасные ветвистые деревья, высокий металлический забор и небольшое озеро рядом со старым домом. Никто уже много лет не подстригал траву в саду. Мне в этот момент года три или четыре. Некоторые уголки сада темные, потому что могучие деревья не пропускают свет. И я вижу себя там. Вдруг словно из этой тенистости сада вырастает Вселенная — темная, глубокая. Я передвигаюсь по этой Вселенной, передо мной мириады звезд, Млечный Путь. Вокруг какие-то странные голоса и яркие краски.

И снова возвращение в детство. Я вижу свою любимую собаку, родителей, школу. *Я* вижу себя, играющим в свои потайные, известные только мне игры. Один крошечный листочек становится в моем воображении огромным деревом, трава — сказочным лесом. А цветы здесь слишком большие, и поэтому я придумываю, что они диковинные деревья с какой-то другой планеты.

Отец часто приносил мне блестящие головки от пуль. Я строил из песка маленькие круглые дюны и вставлял туда эти наконечники, направляя их к небу, потому что для меня это были ракеты. Они и в самом деле были точь-в-точь как маленькие ракеты.

Я представлял себе, что они взлетают и летят на Луну или даже, может быть, дальше. Я держал ракету в руке и воображал себе, будто она летит через космос. Для меня целый мир распахивался в маленьком квадратике садика. Я забирался туда через узкую щель в заборе и попадал в царство птиц, небольших озер, наполненных зеленой водой, и каких-то экзотических запахов, казавшихся мне принадлежностью иного мира, иной страны.

Это был волшебный, мистический сад, похожий на сон. В нем царила тишина, не нарушаемая никакими звуками, кроме пения птиц, шума ветра и шелеста деревьев. Сперва было страшно, потому что люди говорили, что там живет свирепый людоед. Я каждый раз чувствовал себя ужасно смелым, залезая туда. Но никто меня не съел, и я нашел в садике полный покой. Неподалеку стоял большой серый дом, и оконные жалюзи глухо стучали о стены при порывах ветра. В этом доме никто не жил.

Однажды я набрался смелости и заглянул в окна — все внутри было занавешено черным сукном. В тот единственный раз, когда я позволил себе подойти к дому, я и услышал пронзительный писк маленького котенка, раздававшийся из-под дома. Я очень люблю животных, но не посмел поднять котенка, потому что рядом была его мама с другими котятами. Я боялся, что она бросится на меня.

Даже сегодня я могу закрыть глаза и ощутить тот неповторимый запах, услышать плач котенка, как бы воочию представить тот мистический дом. В моей памяти отчетливо сохранились все подробности удивительного места.

Однажды я исследовал сад и нашел в кустах что-то вроде ржавой трубы. Подняв ее, я страшно обрадовался, потому что это оказалось дуло винтовки, у которой не хватало только деревянного приклада, который, наверное, сгнил.

О, какой это был прекрасный и счастливый момент — найти настоящее оружие. Я, конечно же, взял его домой и как следует очистил от ржавчины. Мамы в это время дома не было, и я, никем не замеченный, вынес его во двор поиграть. Вскоре подъехала полицейская машина, и полицейский, увидев, что я играю с ружейным стволом, тут же вырвал его у меня из рук. Я был в отчаянии и, закрывшись у себя в комнате, долго и неутешно плакал. Через несколько дней я снова отправился в сад в надежде найти еще одну винтовку, хотя в душе понимал, конечно, что никогда уже больше ее не найду.

Именно в этот день со мной произошел очень странный случай. Перед тем как описать его, признаюсь, что прекрасно понимаю, что прозвучит все это как фантазия маленького четырехлетнего ребенка, нечто вроде фрагмента из «Алисы в стране чудес». И тем не менее это правда. И даже больше чем правда. Да, я был действительно очень мал, но моя память сохранила мельчайшие подробности этого события, и у меня нет надобности задавать себе вопрос, было это на самом деле или нет. Я, конечно, не осознал тогда, что именно произошло со мной. И мне просто пришлось принять все так, как это случилось. Тогда я еще не задавал себе те вопросы, которые задаю сейчас. Но все это мне кажется важным, потому что, может быть, здесь заключена тайна моего феномена.

День клонился к вечеру, но было еще светло. Я в полном одиночестве играл в своем садике, иногда ненадолго засыпая, как это часто бывает с маленькими детьми. И вдруг я почувствовал очень сильный, пронзительный звон в ушах, заглушивший все остальные звуки. Состояние было очень странным. Как-будто бы время вдруг остановилось. Даже деревья перестали качаться от

ветра. Что-то заставило меня посмотреть на небо — я очень хорошо помню — все оно было залито серебристым светом. И первая мысль, которая пришла мне в голову: «Что случилось с солнцем?» Это явно было не то солнце, к которому я привык. Яркий свет словно бы накрывал меня, опускаясь все ниже и ниже. Наконец, он приблизился ко мне вплотную. Я вдруг почувствовал сильный толчок и упал на спину. Голова моя, казалось, вот-вот расколется от нестерпимой боли во лбу, и тут я потерял сознание. Сколько пролежал я так, не знаю. Но когда пришел в себя, то сразу же побежал домой и рассказал все маме. Она очень разволновалась и почему-то рассердилась, а я как-то инстинктивно понял, что случилось что-то очень важное.

После этого я часто возвращался в сад в надежде увидеть этот яркий серебристый свет. Но это больше никогда не повторялось. Моя мама, конечно, ни во что не поверила. Она считала все это детской фантазией. И я всю жизнь держал эти мысли при себе. Но сегодня, после всего того, что происходит в мире с различными энергетическими силами, я часто думаю о том удивительном происшествии.

Моя жизнь началась в атмосфере насилия не в моем доме, где меня всегда любили, но в мире, окружающем меня. Может быть, поэтому я всегда молюсь и прошу мира. Я убежден, что мы обязаны нести мир всему миру, всей планете, иначе неизбежно все пропадем.

Я родился 20 декабря 1946 года в Тель-Авиве. Отец с матерью поженились в Венгрии в 1938 году, незадолго до начала второй мировой войны, и вскоре вынуждены были бежать оттуда поодиночке. Мой отец, Ицхак, выехал из Венгрии в ноябре 1938 года и бежал в Румынию. Там он попал на корабль, идущий курсом на Палестину. Это путешествие длилось целых четыре месяца, потому что британцы обстреляли корабль, как только тот попытался причалить в Израиле. Пришлось им отправиться в Грецию, чтобы через некоторое время снова вернуться. Корабль опять остановили и повернули обратно. Третья попытка, предпринятая в марте 1939 года, удалась. На борту к этому времени было уже 20 мертвых беженцев.

Моя мать, Маргарет, бежала из Венгрии в Югославию, где в конце концов сумела попасть на корабль под названием «Рудичар II», который доставил ее в Палестину. Там мои родители наконец-то воссоединились и вскоре построили свой первый дом в Керем-Хаа-Тэйман, на самой границе с Яффой.

Мой отец — выходец из очень религиозной семьи. Его лед — будапештский раввин — воспитывал семью в строгих еврейских традициях и умер в возрасте 90 лет. Семья матери была не такой

уж религиозной. Родилась мама в Берлине, а ее родители родом из Вены. Девичья фамилия матери была Фрейд, и мой дедушка, говорят, приходился дальним родственником Зигмунду Фрейду. Дед довольно успешно занимался продажей мебели в Будапеште. Но тем не менее мамина семья была небогатая, так же, впрочем, как и семья отца.

Мои родители любили ездить кататься на лодке на одно большое озеро в предместье Будапешта. Озеро это считалось очень опасным, иногда там случались настоящие бури. И вот однажды их лодка перевернулась. Мамина нога застряла в слегах лодки, и она начала тонуть. Отец в последний момент успел нырнуть под лодку и спасти ее. Не знаю, может быть, именно из-за этого они полюбили друг друга и поженились. В нашем семейном альбоме есть фотографии их свадьбы, которая происходила в одной из самых больших синагог Будапешта, если даже не всей Венгрии. Но их семейное счастье было, увы, не слишком долгим. Думаю, этому есть несколько причин.

Жизнь в Палестине, в которой тогда верховодили британцы, была очень сложной. Отец постоянно искал работу. И наконец, после долгих поисков они с другом, тоже беженцем, нашли работу на пляже, где они с открытых лотков продавали отдыхающим сладости. Позже отец ушел работать таксистом на самые опасные маршруты между Тель-Авивом и городом Лод. Отец рассказывал, что в то время вообще было очень рискованно выезжать из Тель-Авива, потому что практически не прекращалась стрельба как с арабской, так и с британской стороны.

Как только началась вторая мировая война, мой отец вступил в британскую армию. Он воевал в еврейской бригаде в Ливии в составе восьмой армии под командованием генерала Монтгомери. Служил танкистом, и в Тобруке его взвод был окружен немцами. Лишь через несколько недель им удалось бежать из окружения. Условия жизни там были настолько невыносимыми, что, как он мне рассказывал, им приходилось пить собственную мочу. Было это в 1941 году. И еще дважды отец возвращался в Тобрук, чтобы продолжить участие в боевых действиях — в 1942 и в 1943 годах.

Когда он наконец окончательно вернулся в Палестину, там все еще не было мира. Ему пришлось вступить в Хаганах — секретные внутренние войска. Хаганах принимал участие в терроризме, но должен был постоянно контролировать ход сражений между британцами, арабами и экстремистскими сионистскими группировками.

Одно из самых ранних воспоминаний связано у меня с очень неприятным инцидентом. Напротив нашего дома был вокзал,

высокое здание, в котором располагался штаб британцев. Из-за этого вокруг нас постоянно шла стрельба. Не помню точно, сколько мне тогда было, но я еще играл в манеже. Мама оставила меня возле окна как-то вечером, и вдруг началась страшная канонада. Несколько пуль попали в наше окно и просвистели прямо над моей головой. Прекрасно помню, хотя был очень маленький, как со звоном разбилось стекло. Мама вбежала и вытащила манеж в другую комнату. На мне, по счастью, не оказалось ни одной царапины, я только был весь обсыпан осколками стекла.

Позже, во время войны 1948 года и в последующие годы, вокруг всегда были напоминания о сражениях. Когда мне было лет пять, я очень любил искать пули в кучах мусора и обломков. Иногда попадались блестящие, с серебристыми головками, но большинство же были помятые, сплющенные. Мне они всегда казались ракетами, летящими к Луне или в открытый космос.

Я любил отца и буквально обожал маму. Но очень рано понял, что они живут разными жизнями. К этому времени Израиль получил независимость, и мой отец вышел из Хаганаха и иступил в израильскую армию. С тех пор он редко появлялся дома, и я знал, что он встречается с другими женщинами. Он и сам не скрывал этого, хотел даже познакомить меня с одной из них. Каким-то инстинктивным чувством я понял, что это для нас всех плохо кончится. Отец полюбил эту женщину. Никогда не забуду тот день, когда она впервые пришла к нам в дом. Она взбегала по ступенькам навстречу отцу, а я пытался, как мог, шуметь и греметь, чтобы мама не услышала что происходит, потому что знал, что она очень расстроится.

В другой раз отец, гуляя со мной по улице, позвонил кому-то по телефону. У нас дома не было телефона. Они вообще в 1 е годы были большой редкостью. Мне очень хотелось поговорить, и отец разрешил мне подержать телефонную трубку. Вне себя от счастья я схватил трубку — и тут же понял, что разговариваю с той самой женщиной, с которой встречался мой отец. Я очень смутился и не знал, что ей сказать, потому что, не понимая, конечно, всей ситуации, сердцем чувствовал что-то очень плохое. Наверное, тогда я осознал, что союз моих родителей скоро распадется, и мне пришлось с этим смириться.

Несмотря ни на что, я любил своего отца и гордился им. Вскоре он стал сержант-майором танковых войск — он постоянно был в танковых войсках, с тех пор как Израиль добился независимости. Но, конечно же, я был более близок с матерью, потому что жил с ней неразлучно все это время.

Отец всегда старался сделать мне что-то приятное, когда

приходил навестить нас. Однажды он пришел и сказал, что на балконе меня ждет сюрприз. Я бросился туда и нашел маленького щенка. Мне кажется, я никогда больше не был таким счастливым. Я назвал его Тцуки. Это была маленькая забавная арабская дворняжка, коричневатая с белым и со смешным черным пятнышком в форме сердца на лбу. Мы с Тцуки не расставались ни на минуту, не считая того времени, когда я ходил в школу, которая была возле нашего дома. Тцуки каждый день смотрел вслед с балкона, и я всегда с нетерпением ждал нашей встречи после этой короткой разлуки.

Трудно сейчас сказать точно, когда я впервые начал наблюдать за собой какие-то странные явления. Мама обратила на них внимание гораздо раньше, чем я. В те годы она работала швеей и была занята с утра до ночи. Поэтому у меня была почти неограниченная свобода, несмотря на то что по ее просьбе за мной присматривала соседка. Мама очень любила играть в карты с друзьями — это был для нее главный и, пожалуй, единственный вид отдыха. Помню, что я всегда ждал, когда она придет после очередной игры, чтобы попрощаться со мной, пожелать спокойной ночи. И каким-то образом я всегда знал, выиграла она в этот раз или проиграла, даже иногда точно угадывал, сколько именно выиграла или проиграла фунтов и шиллингов. Она, конечно, очень удивлялась и не знала, как это объяснить. Кроме того, она постоянно замечала, что я, опережая ее, говорю те слова, которые она вот-вот хотела сказать сама. Я будто бы читал ее мысли. Ее даже немного это настораживало, но мы особенно не придавали этому какого-либо значения. Я был не совсем обычный ребенок, в этом никаких сомнений не было.

Мне было всего шесть лет, когда отец купил мне мои первые часы. Я очень ими гордился. Хочу сказать, что с самого начала я ненавидел школу. Не любил учиться, не любил свой класс. И каждый урок мучительно ждал, когда наступит время перемены. В принципе я считаю, что это вполне нормально. Но все-таки мне кажется, что я не любил школу больше, чем в общем-то можно считать нормальным. И вот когда у меня появились часы, я почти непрерывно смотрел на них, ожидая, когда раздастся звонок на перемену. В некоторых классных комнатах были часы на стенах. Как-то раз, помню, я сидел и смотрел на свои часы, по которым урок уже должен был закончиться, но звонок все не звенел. Тогда я посмотрел на часы, висевшие на стене, и увидел, что по ним еще осталось целых полчаса до перемены. Огорчившись, я перевел свои часы на полчаса назад, чтобы они показывали такое же время, которое показывали часы на стене. Но на следующий день произошло то же самое — мои часы вдруг на полчаса

убежали вперед, опережая школьные, и мне опять пришлось ставить их правильно. Я рассказал об этом своей маме. И мы решили, что мои часы забарахлили. В конце концов мне пришлось оставить часы дома. Мама проверяла их каждый день — ничего особенного не происходило, часы шли совершенно нормально. Так продолжалось насколько недель, и я решил снова одеть их в школу. Мне очень хотелось поймать часы в тот момент, когда они начнут двигаться необычно, но это никогда не удавалось сделать. В этот раз я снял часы с руки, положил их перед собой и внимательно смотрел на них. Потом я, конечно, забыл об этом и вдруг случайно взглянул на них. И тут я увидел, что стрелки крутятся все быстрее и быстрее, как будто часы сошли с ума. Я закричал учителю: «Посмотрите на мои часы!» Я поднял их над головой, чтобы все увидели, но весь класс начал смеяться надо мной. Я готов был провалиться сквозь землю. Я впервые понял, что нужно быть очень осторожным, иначе люди будут смеяться надо мной и даже издеваться. Я страшно расстроился, и почему-то мне было стыдно. Придя домой, я рассказал маме, как все надо мной смеялись. Тогда она решила: «Ладно, мы купим тебе другие часы». И через несколько месяцев действительно купила мне новые часы. С тех пор я никогда уже не носил старые, потому что думал, что они какие-то странные, ненормальные. Но к тому, что случилось дальше, я был совершенно не подготовлен. Я носил свои новые часы и гордился ими: наконец-то у меня есть часы, которые будут работать правильно. И вроде бы первое время так оно и было. Часы очень точно показывали время, но потом в один прекрасный день, когда мы все играли перед школой, зазвенел звонок, зовущий в класс. Я взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что стрелки согнулись. Было такое впечатление, что они пытались вырваться вверх, но уперлись в стеклышко, которое их придерживало. Я сказал себе: «Боже мой, этого я не покажу никому». Мне очень не хотелось, чтобы надо мной снова смеялись.

Почему-то все необычное происходило, как правило, когда вокруг было много других ребят, — в классе или на школьной площадке. И в этот раз вокруг было много людей. Но я не стал показывать свои искореженные часы ни учителю, ни другим ребятам в классе. Я просто отнес их домой. Как раз в это время там оказался отец, и я показал их ему и матери.

Отец взял часы в руки, посмотрел на них и спросил: «Ты открывал эти часы?» Я чистосердечно ответил: «Нет». Потом мама рассказала ему о тех неприятностях, которые были у меня со старыми часами. Помню, как родители переглянулись молча — они так ничего не поняли. Но больше у меня в детстве часов

никогда не было.

Несмотря на сложности отношений между моими родителями, я, можно сказать, был счастлив. Официально они еще не разводились, но отец все реже и реже приходил домой. Мне было очень жаль маму, которая так много и тяжело работала. Я всегда знал, когда ей было грустно, как она себя чувствует, потому что буквально читал ее мысли. Мне казалось, что просто у меня очень богатое воображение. В общем-то я не был одинок. Позже даже у меня были друзья в школе. Но в младших классах у меня не было такого друга — единомышленника, с которым я был бы душевно близок. Думаю, уже тогда я понимал, что не совсем такой, как все.

Ум мой постоянно занимали какие-то иные миры, какие-то странные мысли. Не знаю, быть может, все это из-за того самого яркого луча света, поразившего меня в садике. Это событие очень ярко запечатлелось в моей памяти. Я до сих пор уверен, что это была не детская фантазия. И еще я знаю, что поверил в Бога раньше, чем моя мама или кто-нибудь другой рассказали мне о нем. Я всегда чувствовал, что надо мной, да и вообще над всеми, есть какая-то высшая сила. Никто мне специально об этом не говорил. Мама, как я уже писал, была не очень религиозна, хотя, конечно, тоже верила в Бога. Я, естественно, не придавал какого-то особого религиозного значения тому, что гнулись или слишком быстро двигались стрелки часов. Просто меня это очень удивляло. Это была неразрешимая загадка.

Спустя некоторое время после того, как сломались мои вторые часы, произошла еще одна странная история. Однажды во время завтрака в школе мой одноклассник, сидевший рядом со мной, посмотрел на свои часы и сказал: «Ой, мои часы убежали на час вперед!» Неожиданно для себя, осмелев, я повернулся к нему и сказал: «Я это сделал». Он заспорил со мной, утверждая, что это невозможно, и тогда я попросил его снять часы и разрешить мне подержать их. Он согласился. Я взял его часы в руки, посмотрел на циферблат и сказал: «Двигайтесь». И стоило мне произнести это два или три раза, как стрелки часов вдруг перепрыгнули еще на несколько делений. Вокруг нас собралась целая толпа, и я проделал все это еще раз. Теперь уже никто не смеялся, все говорили, что это величайший фокус во всем мире. Я почувствовал себя веселее. Но вскоре я столкнулся с тем, с чем мне впоследствии пришлось сталкиваться всю жизнь. Все были уверены, что это только ловкий фокус, я не мог доказать, что это вовсе никакой не обман.

Вскоре я начал замечать и другие странные вещи, происходившие со мной. Из-за этого я чувствовал себя каким-то

ненормальным, необычным человеком. Однажды мама приготовила грибной суп. Поначалу я макал в суп белый хлеб и ел, потом стал есть ложкой. Я левша и поэтому держал ложку в левой руке. Мама в это время стояла над плитой. Как обычно, я зачерпывал ложкой суп и подносил ко рту, как вдруг ложка просто сломалась. Я позвал маму: «Посмотри, что случилось». Она подошла, посмотрела на меня, потом на ложку и вдруг начала смеяться.

Я тоже засмеялся. А потом задумался. Что-то непонятное происходило во мне, я никак не мог понять, как ко всему этому относиться. Единственное, что я знал, — это то, что с другими не происходят подобные вещи. И поэтому чувствовал себя немного неловко.

Представьте себе, что все это происходит с вами. Вам восемь или девять лет, ваша ложка наполнена супом, и вдруг она ни с того ни с сего ломается и проливает вам суп на колени. Что вы сделаете? Первая реакция — испуганно отпрянуть назад, потом разозлиться на ложку. Но если это произойдет снова, то ваша реакция изменится: «Подожди-ка минутку. Что-то здесь не так». А если такое будет повторяться, как это было со мной, тридцать или сорок раз в течение года, тут уж действительно начнешь волноваться, мягко выражаясь. Самое худшее во всей этой истории то, что мне не к кому было обратиться за помощью. Мои родители не могли поверить в то, что происходит. И я за это не мог их винить. С учителями говорить на эту тему мне не хотелось. А одноклассники или просто будут смеяться надо мной, или скажут, что это очередной фокус. Мне даже неловко было кого-либо спрашивать, потому что я знал, что мне все равно никто не поверит.

Вы можете себе представить ситуацию, когда у вас серьезная проблема, а никто не может помочь? Что вы делаете? Единственное, что мне оставалось делать, это принять все, как есть, сжиться с мыслью о своей необычности. Мои родители были добрые люди, но и они не знали, как мне облегчить мои страдания.

Мама любила пить кофе с друзьями в кафе. Иногда я ходил вместе с ней. Как-то раз я, как обычно, сидел рядом, ел торт вместе со всеми, и вдруг несколько чайных ложек начали скручиваться. Я до них даже не дотрагивался. Моя мама была просто в шоке — она не знала, как все это можно объяснить людям.

Подбежали официанты, увидели гнутые ложки и быстро заменили их на другие, чтобы посетители не подумали, что в кафе подают такие гнутые ложки. Мама пыталась рассказать

своим друзьям, что со мной такое часто происходит. Но те принимали меня за невоспитанного, непослушного мальчика. А я ничего не мог им объяснить и просто сгорал от стыда за свое невольное поведение.

Постепенно мама начала привыкать к моим странностям, но только до поры до времени. Потом ей все это надоело, и как-то раз, когда я рассказывал ей о том, что происходит со мной в школе, она резко сказала: «Я больше не желаю ничего слушать на эту тему. Это все прекрасно, это интересно, но я не хочу, чтобы дело дошло до того, что тебя придется вести в врачу».

Однажды, когда мой отец был дома, они заговорили о том, что неплохо было бы сводить меня к психиатру. И все же больше они надеялись на то, что пройдет какое-то время, я повзрослею и у меня сами собой прекратятся все эти странные вещи. А я уже окончательно понял, что нет такого способа убедить их в том, что я не делаю все это нарочно, и поэтому решил, что самое лучшее — это просто перестать говорить на эту тему.

И все же мама понимала меня больше, чем отец. Она ведь прекрасно знала, как легко я мог читать ее мысли, как угадывал вплоть до последнего шиллинга, сколько она выиграла или проиграла во время игры в карты. Мой отец с этим не сталкивался, поэтому он обычно принимал более жесткую линию. Однажды он сказал: «Так, хватит, пойдем к психиатру. Просто послушаем, что он скажет, Ури».

Я рассердился. Я прекрасно понимал, что мои родители не собираются больше жить вместе, что отец все равно уйдет к другой женщине, и тем не менее они сидят и обсуждают, вес-г и или не вести меня к психиатру. Мне тогда не было еще и девяти лет, но я тем не менее взорвался. Я им сказал: «Мне вовсе нет нужды идти к психиатру. Это вам нужно к нему сходить. Ваша жизнь не складывается, и скоро вы разойдетесь. Нам больше нужен психиатр, чем мне. Почему бы вам самим к нему не пойти?»

Это их вроде бы как-то остановило. И хоть я совсем не хотел причинять им боль, потому что любил их, но я не сомневался в том, что доктор ничем бы мне не помог. Мне больше всего на свете хотелось все это забыть и стать таким же, как все остальные дети. Играть с ними, общаться, делать то, что они делают. Я не любил читать. Не любил делать уроки. Мне нравилось играть в баскетбол, в футбол. Я в общем-то был неплохим парнем, раскованным и очень открытым. У меня просто была одна большая проблема: сумасшедшие вещи начинали происходить со мной в самых неподходящих ситуациях, особенно когда я был среди других детей. Хотя не было из-за этого каких-то особых

сложностей или ярко выраженного недоброжелательства по отношению ко мне со стороны детей или взрослых. Я просто злился сам на себя из-за того, что не знал, к кому обратиться со своей бедой. Мне не с кем было поговорить, потому что то, что происходило, даже родная мама помять не могла.

Несмотря на свою близость с мамой, я никогда не был маменькиным сыночком. Напротив, я был очень независим и она никогда не пыталась командовать мной. Отца я видел очень редко, но мы тоже были близки и прекрасно понимали друг друга, когда бывали вместе. Он был привлекательным мужчиной, и женщины всегда за ним бегали. Моя мама, конечно же, знала это и постепенно свыклась со своей участью.

У меня же были свои мечты и надежды. С самого раннего детства я мечтал стать кинозвездой или пилотом, как и один из моих близких друзей хотел стать пилотом. В своих фантазиях я вечно странствовал в другие земли, куда-то очень далеко. Мне всегда хотелось открывать места, в которых еще никогда никто не был. Меня волновало все неведомое и неизвестное. Думаю, у каждого пацана есть где-то в глубине души такие мысли: идти туда, где опасно, где все что угодно может случиться с тобой.

И еще две очень важные вещи произошли со мной в те ранние годы, хотя они не имели никакого отношения к часам, ложкам, вилкам, ножам, чтению мыслей или к чему-то такому же странному. Однажды я попросил друга подержать Тцуки, когда я переходил улицу. Тцуки дергался, никак не мог успокоиться, затем вдруг вырвался из рук моего друга и побежал за мной. Перебегая дорогу, он попал под машину. Она переехала **его,** и он мгновенно погиб. Все это произошло на моих глазах. От горя я хотел умереть. Мы с мамой плакали весь тот день и следующий, и только тогда я понял, как люблю животных. Мой отец через несколько недель купил мне другую собаку, и я снова назвал ее Тцуки. Может быть, из-за того, что я был немножко не такой, как все остальные ребята, но собака была мне лучшим другом, и никого другого мне не надо было. И что бы там ни было, горе, которое я пережил в тот день, до сих пор живо во мне.

Я был в третьем или в четвертом классе, когда со мной произошел другой случай. Это был один из самых ужасных событий в моей жизни. Я и сейчас не могу вспоминать о нем без содрогания. Никак не пойму, зачем s тогда это сделал. Это была одна из тех совершенно необъяснимых глупых вещей, которые можно сделать в детстве.

Однажды учительница попросила принести из дома в класс свои Тора. Это свиток, в котором выписаны все святые еврейские слова. У меня не было Тора, поэтому я пришел с пустыми руками.

Но когда я увидел у ребят их красивые Тора, зависть перехватила мне дыхание. У всех были Тора, кроме меня. Во время перемены все мои одноклассники положили свои Тора под парты и выбежали из класса. А я вернулся и взял чей-то Тора себе. Сейчас не помню уже чей, но это был прекрасный белый Тора. Я отнес его домой. Конечно же, это тут же стало всем известно. В тот день учительница пришла к нам домой. Когда я увидел, что она идет, сразу понял: все узнали, что я украл Тора. Я чуть с ума не сошел — не знал, что делать. В панике я разорвал Тора и выкинул его в ведро с мусором. Отец был в тот день дома, и учительница все ему рассказала. Я никогда не забуду, как выглядел мой отец в тот момент, когда она ему рассказывала. Он посмотрел на меня и без слов понял, что это я украл. Отец никогда не был злым человеком. Но в тот день он жестоко наказал меня — отвел в ванную и нещадно выпорол. И я понял, что совершил два греха: не только украл Тора, но и разорвал его.

У нас в классе была девочка по имени Маоми, в которую я был тайно влюблен. После этого инцидента она больше не хотела со мной разговаривать. Я кое-что понял в тот день, и это послужило мне хорошим уроком на всю жизнь. Уроком, который я, наверное, никогда не забуду.

После этого я почти всегда был в одиночестве. И когда вдруг мама сказала мне, что я буду ходить в другую школу (в киббуц), я даже обрадовался. Они меня туда посылали не из-за Тора, а потому что собирались разводиться и хотели найти возможность, чтобы мама могла продолжать работать, уделяя мне не особенно много времени.

Я не слишком огорчился, когда мне сообщили насчет развода. Я даже думал, что так будет лучше и для моей мамы в каком-то смысле, и для отца. Я не плакал, не боролся против развода. Отец уходил из семьи, мама работала почти сутками, и школа в киббуце была практически единственной возможностью хорошо питаться и ни в чем не нуждаться. Там мне не будет скучно, за мной будут хорошо ухаживать. Я знал, что они приняли правильное решение. Хотя, конечно же, мне было грустно расставаться с ними и ужасно тоскливо без моей собаки.

Но в то же самое время я чувствовал и трепетное волнение, связанное с новым миром. Я слышал много хорошего про киббуц. Говорили, что там все живут очень дружно, что меня всему научат: водить трактор, доить коров, делать все, что захочешь.

Мне предстояло ощутить вкус новой жизни. И я был готов к этому.

Глава 8. Молодость

Хотя я и был подготовлен к новым приключениям, попав в киббуц, понял, что все далеко не так, как я себе представлял. Во-первых, я первый раз был один, вне дома. И очень волновался, потому что слышал, что ребята в киббуце неохотно принимают ребят из городов, отказываются дружить с ними. За себя я не волновался, я знал, что смогу за себя постоять. Но все равно всегда трудно расставаться с привычным. Мне нужно было распрощаться с Тцуки, моей любимой собакой.

Киббуц Хацзор Ашдод находился на расстоянии 30 км к югу от Тель-Авива. Это было красивое поселение, построенное на холме и состоявшее из маленьких белых домов с красными крышами. Здесь росли красивые деревья, сочно зеленела трава, был шикарный плавательный бассейн и большая общая столовая. Вокруг раскинулись широкие поля и апельсиновые рощи, в которых мы работали. Мама привезла меня в киббуц, и, как только она ушла, я тотчас же почувствовал первые признаки «домашней болезни» — очень захотелось домой. Меня отвели туда, где мне предстояло жить. Кроме меня, там жили еще восемь мальчиков и девочек и наш учитель. Затем меня представили моей «второй семье». Это были венгры, очень хорошие люди, у которых, кроме нас, были и свои дети.

И ребята, которых я тогда увидел, в первый раз мне тоже понравились. Но все-таки те из них, кто родился в киббуце, недоверчиво посматривали на меня и на других детей, приехавших из города. Я себя сразу почувствовал здесь чужим. У них даже было словечко, которым они окрестили ребят из города, — «иреним», и это тут же отделяло нас от остальных.

Расписание в киббуце было составлено очень просто — так, чтобы все были все время при деле. Встречались рано утром во время завтрака в общем зале, потом учились, работали в полях, купались и занимались спортом. Школьные занятия были намного легче, чем в городе. А по вечерам, где-то в районе четырех часов, мы присоединялись к нашим «вторым семьям». Вместе пили чай или кофе, потом обедали в большом зале. Судя по всему, это должна была быть веселая, коллективная жизнь. И может быть, для многих она такой и была. Мне было уже десять лет, но я ужасно скучал по дому. «Домашняя болезнь» постоянно ко мне подбиралась, практически незаметно, но я чувствовал, что она становится все больше и медленно грызет мое сердце. Помню, когда я в первые дни шел работать в поля, я нарочно уходил один далеко-далеко от всех остальных. И с высокого холма смотрел на

север, потому что там был Тель-Авив, там был дом. Ночью я подолгу смотрел на Луну и на звезды, потому что знал, что моя мама видит ту же Луну и те же звезды.

Я разрывался между двумя чувствами. С одной стороны, мне очень хотелось, чтобы мама приехала и навестила меня, а с другой — я боялся ее приезда, потому что, когда она приехала в первый раз, все дети смеялись над ней, над ее яркой помадой. Она была одета по-городскому, не так, как в киббуце. Мне показалось, что они так и не поняли, что она очень много работает, что она по-настоящему рабочая женщина. Жизнь в киббуце шла по общинному укладу и в целом противоречила моему естеству. Все принадлежало всем, и мне тоже приходилось всем делиться со всеми. Единственное, чем я не мог делиться, это своими мыслями, которые я приберегал для себя. Я старался особо не задумываться о тех странных вещах, которые происходили с часами, и о том, как гнулся металл. И тем более ничего не пытался сделать необычного, хотя это иногда и происходило само собой, когда я даже не думал об этом.

Мне кажется, что жизнь в киббуце сейчас изменилась. Но тогда я чувствовал, что, что бы я ни сделал, они никогда бы не приняли парня из города. Постепенная начинал ненавидеть эту жизнь. Я скучал по своей собаке, скучал по дому. Дни шли однообразно, ничего не менялось. Это была какая-то бесконечная рутина. Мы собирали апельсины, собирали бананы. Копали картошку. Работали в столовой.

В школе у меня были лучшие оценки по рисованию и музыке. Занятия в школе оказались совсем не трудными. Хотя я никогда не был хорошим учеником, но у меня не было никаких проблем с учебой. Мне это даже нравилось.

Как я счастлив был, когда отец приезжал навестить меня. Он приезжал на своем джипе, и все ребята даже забывали подразнить меня, когда он приезжал. Он обычно звонил мне, говорил, что собирается приехать в такое-то время, и я шел навстречу ему по длинной-длинной дороге. Мимо меня проезжало много машин, они поднимали жуткую пыль на дороге, но я всегда мог определить, когда подъезжал отцовский джип, хотя пыльная туча была еще вдалеке.

Он привозил мне много разных интересных вещей: армейские вещмешки, солдатские сапоги, какие-то сувениры. Но потом, в конце 1956 года, перед самым началом Суэцкой войны между арабами и Израилем, отец сказал мне, что ситуация очень осложнилась и дело опять идет к войне. Так и вышло. Война началась, и он пропал. Я хорошо помню, как прислушивался к доносящимся издалека грохоту бомбежек и разрывам

артиллерии. Возле киббуца находилась военно-воздушная база, и ночью мы слышали, как тяжелые, сделанные в Америке самолеты прилетают с продовольствием. Я мечтал оказаться в одном из этих самолетов, чтобы приземляться, а потом снова летать. Я все время думал об отце и о матери. Я постоянно задавался вопросом: что мой отец сейчас делает? где он? а что с матерью? думает ли она о нем? волнуется ли? Я знал, что где-то далеко мой отец сейчас воюет ради меня, охраняет меня.

А мама тем временем познакомилась с мужчиной, который ей очень понравился. Его звали Ладислас Героу. Он был венгерским евреем, уехавшим в свое время на Кипр. Хорошо сложенный мужчина, немного за пятьдесят, вдовец и по профессии концертный пианист. После вынужденного побега из Венгрии он со своей первой женой создал оркестр, игравший в различных кабаре по всему Кипру. Так они и остались на Кипре, вложив все заработанные деньги в покупку маленького отеля, танцорами и музыкантами, выступавшими в многочисленных кабаре Никосии. Артистам нравилось останавливаться в этой маленькой гостинице, потому что им нравился Ладислас и потому что его гостиница была похожа на дом и стоила намного дешевле, чем большие отели.

Когда его жена умерла, Героу поехал в Израиль и там познакомился с моей мамой через ее друзей в Хайфе. Однажды мама приехала в киббуц вместе с Ладисласом и сказала мне, что они собираются пожениться. Я не мог разобраться, какие у меня чувства возникли по этому поводу, но в общем-то я был счастлив за свою мать, потому что понимал, что многое в жизни у нее изменится и она сможет прекратить работать так напряженно. Еще больше я обрадовался, когда узнал, что они предлагают мне покинуть киббуц и переехать вместе с ними на Кипр. Ладислас носил галстук и этим поразил многих ребят в киббуце, которые никогда не видели галстука. Кто-то даже спросил меня: «Зачем эта тряпочка висит у него на шее?»

Накануне моего отъезда из киббуца я узнал, что мой отец жив и здоров и собирается навестить меня. Я никогда не забуду тот день. Он приехал в командирской машине. Бородатый, весь какой-то пыльный, он держал в руках винтовки. Это был один из самых прекрасных моментов в моей жизни. Он пообещал мне, что спрячет эти винтовки и отдаст мне, когда мне исполнится 18 лет.

Я вернулся из киббуца в Тель-Авив, чтобы как следует подготовиться к поездке на Кипр. Я был в восторге — ехать в другую страну, в совершенно другой мир, где все будет по-новому. Я очень мало знал о Кипре, только то, что это остров в Средиземном море, не слишком далеко от Израиля. И то, что мы

будем жить в маленькой гостинице моего отчима в Никосии. Я видел, что моя мать счастлива, ей очень нравится идея переселения, и искренне радовался за нее.

Теперь я начинаю понимать, что в киббуце мои энергетические силы как бы уснули, потому что у меня все время было плохое настроение, и я совершенно пал духом. Я даже не пытался кому-либо показать, на что способен, а если что-то происходило само собой, обычно молчал, потому что боялся, что меня будут дразнить. Но в Тель-Авиве перед отъездом на Кипр произошел один необычный случай, который мне запомнился. Мама поехала в Хайфу, которая находится в ста километрах от Тель-Авива, должна была вечером вернуться. Я сидел на кухне за столом и ужинал, когда вдруг почувствовал, что что-то происходит с моей мамой. Она как бы посылала мне очень четкое и ясное послание. Я не мог определить, какое послание, но сильно испугался.

Я обегал весь дом, пытаясь найти адрес, по которому она остановилась в Хайфе. И не смог его найти. Я до того перепугался, что, как ни пытался заснуть, ничего не получалось. Наконец уже среди ночи она вернулась домой. Первое, что я спросил у нее: «Мама, что с тобой случилось?» И она не спросила: «Откуда ты знаешь?» — а просто сказала: «Ты знал, ты чувствовал». А потом она мне рассказала, что ехала в такси и попала в аварию. По счастью, она не пострадала, даже не была ранена, но я почувствовал это столкновение на расстоянии более ста километров.

В детстве со мной были и другие похожие ситуации. Это, конечно, можно посчитать просто совпадением, но я ощущал все настолько явственно и сильно, что уверен в том, что это было особого рода предчувствие, телепатия. Однажды я пошел с мамой в зоопарк, примерно за год до того, как попал в киб-буц. Вообще-то меня должен был отвести туда отец, но он не смог, и я очень расстроился из-за этого. Мне очень хотелось пойти в зоопарк, и мама повела меня туда сама.

Но как только мы вошли в зоопарк, меня охватило чувство ужаса. Я сначала не хотел об этом говорить, но не смог сдержаться и сказал:

— Мама, нам нужно срочно уйти отсюда.

— Но, Ури, — удивилась мама, — ты же весь день сегодня мечтал попасть сюда. Почему же теперь ты хочешь уйти?

— Мама, у меня какое-то плохое предчувствие, я даже, не могу его описать.

— О чем ты говоришь, Ури? — спросила она. — Что случилось?

Я не знал, как объяснить ей, и поэтому просто попросил:

— Мама, пожалуйста, нам нужно срочно уйти отсюда.

Мы направились к выходу, но тут она встретила знакомую и остановилась поговорить с ней. Я стал нетерпеливо тянуть ее за руку, все время говоря: «Мама, пожалуйста, уйдем отсюда».

Мы уже подходили к воротам, как вдруг раздался вой сирены. Оказывается, лев вырвался из клетки. Люди кричали, бежали, в панике залезали на деревья, прыгали в озеро. Лев не спеша бегал по территории, а мы уже находились за воротами в полной безопасности. К счастью, никто не пострадал и льва быстро поймали.

А в другой раз отец катал меня на большой бронированной машине с гусеничными колесами по своей военной базе. Я очень любил такие поездки. Он мне показывал, как нужно управлять машиной, и мы поехали по очень крутой дороге. Мне всегда нравились трудные маршруты, и я никогда раньше не боялся. Но как только мы начали двигаться вверх по круче, я закричал отцу, чтобы он повернул руль и съехал на другую дорогу, которая полого шла вдоль берега. Отец очень удивился, но я кричал так сильно, что он все же послушался, и мы свернули в сторону. Он стал объяснять, что гусеница сможет преодолеть любой подъем и нам незачем было сворачивать. Почти в ту же секунду раздался страшный треск, и одна из гусениц сломалась пополам.

Его лицо побелело. Если бы мы продолжали ехать в гору и гусеница сломалась бы на подъеме, машина неизбежно вышла бы из-под контроля и наша жизнь оказалась бы под угрозой. Я ничего не знал тогда про телепатию или ясновидение. Но у меня не было сомнений в том, что это не просто совпадение или везение.

Мой отец, как человек военный, всегда был очень дисциплинирован, подтянут и аккуратен во всем. У него была прекрасная коллекция боевых наград и знаков отличия, которые он получил: Африканский крест, медаль короля Георга, многочисленные нашивки и орденские колодки, которые выдаются вместе с наградами. Все это он хранил в кожаном чемоданчике. Иногда я доставал этот старый чемодан, открывал его и благоговейно разглядывал содержимое. Там же лежали и его фотографии, аккуратно сложенные в пачки. Там были фотографии Тобрука, пирамид и одна карточка, которая мне особенно нравилась, — изображение мумии фараона. Меня почему-то привлекала эта фотография. На других фотографиях были британские офицеры и генералы, сам отец в тот период, когда он был в армии Монтгомери, на фоне сфинкса и в кабине легкого бронированного танка.

Я смотрел на его фотографии и мечтал о том, что стану похожим на него, когда вырасту. Он был очень обаятельный человек и всегда здорово выходил на фотографиях. Подражая отцу, я хотел стать офицером, но с мечтой стать кинозвездой я тоже не расставался. А возникла она еще в старой школе в Тель-Авиве, когда мы с Маоми убегали с уроков в кино смотреть фильмы о Тарзане, приключенческие ленты, фильмы о монстрах. Это было перед тем злополучным случаем с Тора.

Однажды я в очередной раз перебирал папину коллекцию и обратил внимание на то, что две британские награды исчезли из чемодана. Я их не брал и точно помнил, что, когда в последний раз заглядывал туда, они были на месте. Я, конечно, не решился сказать отцу о пропаже, потому что был уверен в том, что он подумает на меня. Прошло несколько месяцев, и как-то, когда он был дома, он подошел ко мне и спросил:

— Ури, ты не брал две британские медали из чемодана?

— Нет, отец, честное слово не брал.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Я часто смотрю на твои реликвии, иногда играю с ними, но всегда аккуратно возвращаю их на место.

Настроение у меня было ужасное, ведь я знал, что эти награды для него очень много значат. Но как доказать отцу, что я их действительно не брал.

А потом — я до сих пор не могу объяснить, что произошло, — у меня возникло сильное чувство уверенности в том, что я знаю, где они находятся. Я сказал:

— Отец, мне кажется, они находятся на чердаке.

— Как они туда могли попасть?

Я не знал как, просто был уверен, что они находятся именно там.

Отец мне не поверил и ушел куда-то по делам, а я достал лестницу и полез наверх посмотреть. Ощущение у меня было глуповатое, потому что я прекрасно знал, что не относил их сюда, и был уверен, что отец с мамой их тоже не трогали. На этом чердаке мы обычно хранили консервы, какие-то другие съестные запасы и разный хлам, который обычно скапливается в доме. Среди всего этого я разыскал старый мешочек, и что-то мне подсказало, чтобы я в него заглянул. Хотя это было даже смешно: я и представить себе не мог, каким образом медали могли попасть именно в него. В мешке лежала куча каких-то старых маек, другие ненужные вещи. Но я упорно продолжал в нем рыться и все-таки обнаружил пропавшие медали.

Я был поражен своей находке, потому действовал исключительно по наитию, по какому-то очень странному

ощущению, никакой здравый смысл мной не руководил. Я ломал голову в догадках и подумал даже, что мой отец сам их туда спрятал и забыл об этом. Но сейчас это было уже неважно.

Когда отец вернулся домой, я очень радостно сообщил ему, что нашел медали, которые и в самом деле оказались на чердаке в старом пыльном мешке. Он рассмеялся и сказал:

— Тебе не нужно было выдумывать всю эту историю. Просто в следующий раз не надо брать без спроса, Ури. Хорошо, что ты их нашел.

Я был в отчаянии: никто не верил мне, когда я говорил правду.

Еще более странная вещь произошла однажды в военном лагере, куда я пришел навестить отца. Его служебная комната находилась в помещении, похожем на большую клетку. Там хранились сотни автоматов, пистолетов и другие боеприпасы. Я очень любил ходить туда и разглядывать оружие, покрытое защитным слоем масла.

В тот раз отец взял меня с собой на стрельбище. Он всегда учил меня осторожному обращению с огнестрельным оружием и иногда разрешал мне пару раз выстрелить на стрельбище. Мне это очень нравилось. Он требовал, чтобы я всегда проверял пистолет, даже если был уверен, что он пуст и не заряжен. Когда мы пришли стрелять, он показал мне, как проверить, не остались ли в стволе пули. Он проделал это очень осторожно, внимательно, показывая мне пустые камеры. Убедившись, что пистолет не заряжен, я направил его еще раз с сторону стрельбища, просто чтобы услышать щелчок. Но неожиданно, когда я нажал на курок, пистолет выстрелил и из ствола вылетела пуля. Отец резко вырвал у меня пистолет, раскрыл его и перепроверил. Он не верил своим глазам и был очень сильно смущен и взволнован.

Теперь я понимаю, что может быть какое-то разумное объяснение того что случилось. Например, в том случае, если отец не до конца проверил пистолет. И я бы не поверил в это, если бы кто-то другой рассказал мне всю эту историю. Но берусь утверждать, что пистолет тем не менее был пустой.

Все эти удивительные вещи были лишь прелюдией тех потрясающих явлений, которые еще должны были произойти. А тогда я просто не понимал, что во Вселенной существует какая-то сверхъестественная физическая сила, которая действует через меня. Я и не думал об этом, а только удивлялся тому, что происходит, и страдал оттого, что мне никто не верит.

Когда мы готовились к переезду на Кипр, мне пришлось столкнуться с новыми огорчениями. Во-первых, выяснилось, что я

не могу взять с собой собаку. Нужно было снова расставаться с Тцуки, теперь уже навсегда. Один наш друг, который жил на ферме, согласился забрать его к себе. Я нежно обнял Тцуки, поцеловал его в морду и заплакал. А потом долго смотрел, как его уносили по улице. Единственное, что меня утешало, — это то, что он попал в хорошие руки.

Мне было уже 11 лет, и наш переезд для меня очень многое значил. Несмотря на все переживания, связанные с собакой, конечно же, были вещи, которые волновали меня больше Тцуки. Я думал о том, как сложатся мои отношения с отчимом и как вообще я смогу жить в стране, где не говорят на иврите. Мама уже успела побывать на Кипре, пока я был в киббуце, и она рассказывала мне, какое это красивое место. А главное, что Ладислас уже купил мне очень хорошую собаку, и я, естественно, ждал с нетерпением встречи с ней.

В тот день, когда мы уезжали, отец отвез нас в Хайфу, откуда отправлялся наш корабль. В порту было очень много людей: американские туристы, моряки, даже русские. Все было ново для меня и очень интересно. Я постепенно стал забывать грусть, которая неожиданно накатила на меня перед самим отъездом. Мой отец, прощаясь, сказал, что я обязательно вернусь в Израиль навестить его. Мы прошли через таможню и сели на корабль. Отцу разрешили оставаться на корабле до тех пор, пока не раздался сигнал об отходе судна. Я видел, как он еще долго стоял на пирсе, махая нам рукой. Не знаю, о чем он думал тогда. Быть может, он тоже радовался, потому что знал, что я буду находиться в безопасности и что со мной ничего не случится.

Путешествие было прекрасным. Мне разрешили подниматься в рубку капитана, заходить в машинный зал. Словом, я облазил весь корабль. Помню, как Хайфа исчезла в тумане, словно все это было во сне. Мы плыли около двух дней, и меня ни разу не укачивало. По какой-то причине Ладислас не смог нас встретить, и поэтому я помогал маме тащить чемоданы. Потом мы взяли такси и отправились в Никосию, где я увидел маленький газетный киоск. Мне сразу же захотелось отправить отцу открытку в Израиль.

Кипр выглядел иначе, чем я себе представлял. Все здесь носило какой-то арабский оттенок и напоминало мне кадры кинофильма. По пути в Никосию мы проезжали много деревень, и мама объяснила, что некоторые из них турецкие, а некоторые греческие. Турки и греки никогда не жили вместе, и в любой момент между ними могли начаться столкновения. В одной из деревень я заметил красный флаг с белой турецкой звездой, а в другой был вывешен бело-голубой флаг греков. Встречались и

лагеря с британскими флагами.

Меньше чем через час мы уже подъезжали к Никосии, которая находится в центре острова, недалеко от побережья. Такси подкатило нас прямо к гостинице, где Ладислас уже ждал нас. Неожиданно для себя именно в этот момент я почувствовал, что он мне нравится.

После теплой встречи он проводил нас в отель. К нему вели массивные каменные ступени, штук десять, а вокруг была установлена изящная железная ограда, напоминавшая мне мой арабский садик.

Отель показался мне довольно большим с красной черепичной крышей, с хорошим садом и гаражом. Он как бы соединил в себе английский и греческий стили. Внутри было 14 или 15 комнат. Мне все очень нравилось. Но самое прекрасное было то, что Ладислас купил для меня двух собак. Джокер был фокстерьером, а Питер — смесь терьеров разных пород. Они тоже меня приняли очень дружелюбно, лизали меня, и мы начали возиться и играть, еще не успев войти в гостиницу.

Внутри была приятная прохлада. Мы вошли в огромный зал со старой, но очень удобной мебелью. А потом отчим отвел меня в мою комнату. Там меня ждал еще один сюрприз — большая коробка на письменном столе. Я подбежал и открыл ее. Можете представить себе мое счастье — внутри была модель красивого голубого «Кадиллака». Я искренне, горячо поблагодарил его и понял, что наконец-то нахожусь дома.

Я прожил в отеле месяц или два, но возникла проблема, связанная со школой. Мой отчим и мама потратили очень много времени, пытаясь выяснить, какая школа была бы для меня лучшей. Школы в Никосии были не слишком хорошие, и к тому же мама считала, что мне нужно пойти в такую школу, где я мог бы научиться английскому языку. В итоге они остановились на школе в Ларнаке, порту, куда мы прибыли. Это была так называемая американская школа. Правда, мне не нравилось, что придется опять жить не дома и приезжать только на каникулы. У меня уже был опыт киббуца, но что поделаешь — другого выхода не было.

Школа была большая, со старым, разваливающимся зданием. Я неохотно попрощался с родителями, и меня повели в общежитие, где было 30 или 40 коек. Почти сразу же я почувствовал острый приступ одиночества, и у меня снова началась «домашняя болезнь». На этот раз в чужой стране, с незнакомым языком. Это было учебное заведение для мальчиков, в основном греческих, но были и несколько ребят других национальностей, среди которых было совсем мало американцев,

хотя школа и называлась американской. Занятия проходили в деревянном сарае, который выглядел так, будто вот-вот развалится. Кроме меня, в классе был еще один израильский мальчик, но мы с ним не очень подружились. Большинство моих друзей были англичане, и я быстро начал учиться английскому.

Мы ходили на уроки, играли в теннис и другие спортивные игры. Раз в неделю нам разрешали ходить в Ларнаку в кино. Я покупал мороженое возле того киоска, который увидел, как только мы приплыли.

Все, казалось, было неплохо, но тем не менее я все равно чувствовал себя одиноким и очень хотел домой. Я не мог с собой справиться. Помню, как часто стоял я у дороги, ведущей в Никосию, смотрел на машины, которые ехали в том направлении, и мечтал отправиться вместе с ними.

Я пробыл недолго в школе в Ларнаке, потому что вновь вокруг стало неспокойно. Шел 1957 год. Греки на Кипре требовали воссоединения с Грецией. Британцы выслали архиепископа Макариуса, турки хотели разделить остров. И греческие подпольные силы, объединившись в группировку ЕОКА, терроризировали как британцев, так и турков.

После того как начались бои, перестрелки, моя мать и отчим приехали и сказали, что из-за всех этих неприятностей они вынуждены забрать меня домой и я теперь буду ходить в школу в Никосии, которая находится прямо возле дома. Но даже в эту школу в Никосии ходить было опасно, потому что там тоже случались беспорядки. Надо сказать, что беспорядками назывались стрельба и самые настоящие сражения. Может быть, это была попытка немножко сгладить ситуацию, называть вещи мягче, чем они были на самом деле.

Но как бы то ни было, мама и отчим забрали меня из школы в Ларнаке и привезли обратно в Никосию. Я не скрывал своей радости. Вскоре стало окончательно ясно, что ходить в школу слишком опасно, и я оставался дома. Повсюду на острове шли перестрелки, и все были порядком перепуганы. Власти ввели военное положение, которое продлилось очень долго, и никто неделями не выходил из дома. Так, к своим 11 годам я насмотрелся столько насилия и ужасов войны, что хватило бы на целую жизнь.

В гостинице по-прежнему жили певцы, танцоры и даже акробаты. А в этой ситуации они оказались как бы в заточении и не могли вырваться отсюда. Мне нравилось с ними общаться, и я много времени проводил за разговорами с ними. Они были отовсюду: из Германии, Англии, Америки, Греции, Скандинавии. Кое-кому из них я показывал, как гну предметы и как по моему

требованию вперед убегают часы. Помню: там была одна пара — английский инженер и его жена — танцовщица. Он обычно привозил самые свежие новости о том, что происходит в британских лагерях. И еще ему удавалось добывать там мясо, которое в городе было очень сложно достать. Иногда во время комендантского часа, когда на улицах царила очень тревожная тишина, мы в садике жарили мясо. Артисты рассказывали разные истории из своей жизни, пели под гитару, и сад заполнялся запахом горячего, жарящегося мяса. Все ждали, когда наконец будет отменен комендантский час и снова откроются кабаре. А мне, наоборот, нравились дни, когда был комендантский час, потому что стрельба прекращалась и мы ели шашлыки.

В гараже стоял велосипед, который отчим пообещал подарить, когда мне исполнится 13 лет. Я помню, как мне не терпелось заполучить этот велосипед. Мне хотелось хотя бы разок прокатиться вокруг автостоянок, которые находились рядом с отелем. Здесь не было машин, и я бы ездил возле самого отеля в полной безопасности. Но на велосипеде повесили большой замок со сложной цифровой комбинацией и запретили на нем кататься.

Однако желание было таким сильным, что однажды я сказал себе: «Если я могу гнуть ключи и заранее знаю, о чем думает мама и что она хочет сделать, если мне удается заставить бежать часы, то могу поспорить, что я справлюсь с этим замком». Эта мысль захватила меня. Я не мог остановиться. Я сделал несколько попыток, но он не открывался, и лишь когда я сконцентрировал всю свою энергию на замке, не отрывая от него взгляда на протяжении двух минут, он открылся. Я никогда не забуду чувство, которое я пережил, когда отстегивал замок. Это была фантастика.

Я тут же вытащил велосипед из гаража и попытался прокатиться. Упал, наверное, раз пятьдесят, но наконец-таки научился, дела пошли. Тогда я, может быть, впервые ощутил прекрасное чувство свободы. Конечно, очень скоро мой отчим узнал о том, что я вскрыл замок и катался на велосипеде. Но он был настолько поражен тем, что я смог справиться с таким сложным замком, что даже не спросил меня, как мне это удалось, а просто сказал: «Я не знаю, как ты сумел открыть замок, но раз ты открыл — то велосипед твой».

Мне очень повезло, что у меня были такие терпеливые родители. Эта история с велосипедом, быть может, была моим первым опытом практического применения своих сил и возможностей. Но главные события ждали меня впереди.

Глава 9. Война и кровь

Все это время, пока продолжались перестрелки, я не ходил в школу и сидел в отеле. Однажды утром я обнаружил, что мама и отчим куда-то пропали, никому ничего не сказав. Я долго ломал голову, куда они подевались. И уже начал волноваться. Что-то мне подсказало, чтобы я пошел на их поиски в госпиталь. В Никосии было несколько госпиталей, и я не знал, в какой именно надо идти, и поэтому просто бесцельно блуждал но городу, не очень-то представляя себе, куда иду. Примерно через полчаса я буквально наткнулся на здание главного госпиталя Никосии.

Несколько минут я в нерешительности стоял перед главным входом, а потом, набравшись духу, вошел и на лифте поднялся на 4-й этаж. Я ни у кого ничего не спрашивал, меня влекло вперед какое-то внутреннее чутье. Я вышел из лифта, повернул налево и пошел прямо по коридору в комнату, где была открыта дверь.

В этой комнате я увидел своего отчима, лежавшего в постели, и маму, которая сидела возле него. У отчима, как оказалось, случился сердечный приступ и его срочно отвезли в госпиталь. Чувствовал он себя уже неплохо, но врачи не хотели рисковать. После перенесенного микроинфаркта ему нужно было быть очень осторожным.

Можете представить себе, насколько поражены были мои родители, увидев меня в дверях больничной палаты. Я и сам не знал, что вело меня в направлении именно этого госпиталя и как я почувствовал, в какую комнату и на какой этаж надо идти.

Подходил день моего тринадцатилетия, и нужно было как-то решать вопрос насчет моего бар мицва.[1] Это очень важный момент в жизни каждого мальчика в Израиле, но здесь на Кипре, где было очень мало евреев, могли возникнуть самые непредвиденные сложности. Повсюду шли перестрелки, и особенно трудно было найти подходящее место, где можно было бы провести церемонию. Но в конце концов родителям удалось все устроить в израильском консульстве. Вместе со мной бар мицва проходил и мой приятель-одногодок по имени Питер. Прошло все очень тихо и просто. В подарок я получил несколько книжек и небольшой футляр для карандашей, который мне сразу очень понравился.

Время шло, и мне нужно было возобновлять занятия в школе. И вот мама сказала однажды:

— Послушай, мы нашли для тебя другую школу, не очень далеко от дома — примерно в получасе езды на машине. Правда, это католическая школа.

— А что это значит?

— Понимаешь, учителя там — монахи, но все говорят, что школа очень хорошая.

— А кто такие монахи?

Мама рассказала мне немножко про католиков, про их веру. Я и раньше об этом слышал на уроках Священного писания в американской школе. Из-за того что я еврей, мне не разрешали принимать участие во многих христианских религиозных обрядах, и поэтому я совершенно равнодушно относился к Новому завету.

Школа расположилась на высокой горе, здания были смонтированы из больших желтых блоков, по всей видимости известковых. Парадный вход был сделан с большим вкусом, а обрамлял здание очень уютный садик. Первое, что бросилось мне в глаза, — аккуратно подстриженные кусты, искусно выращенные в форме крестов.

Словом, выглядела школа очень симпатично. Новая, чистая, с красивыми, выложенными из гранита полами. Общежитие находилось в том же здании наверху. Длинная комната, рассчитанная на 50 коек. Возле школы — большой спортивный городок с теннисными кортами, баскетбольными и волейбольными площадками и даже с футбольным полем. Окрестности очень живописные — поросшие лесом склоны, отвесные скалы, пещеры и никаких признаков человеческого жилища.

Терра Сайта колледж — так называлось это заведение — каким-то образом был связан с Ватиканом. Заправляли там всем монахи, которые работали и учителями, и администраторами. Отец Массамино и отец Камилло руководили школой. Среди учителей было еще два монаха: американец брат Марк и брат Бернард. Я сразу очень привязался к брату Бернарду, и впоследствии он оказал очень большое влияние на мое мировоззрение.

Преподавали нам и люди, напрямую не связанные с церковью. Так, майор Джонс, читавший нам курс истории, служил в британской армии. А миссис Агротис, очень приветливая и симпатичная англичанка, просто жила неподалеку от школы вместе со своим мужем, греком. С ней у меня тоже сложились очень хорошие отношения.

У меня появились новые друзья среди студентов. Особенно я сдружился с Ардашем, толстеньким армянским мальчиком, настоящим гением в механике. Он не жил с нами, а только приходил учиться днем, потому что его дом был совсем недалеко от школы. Везде, где мог, он добывал всевозможные автозапчасти,

потом часами возился с какими-то машинами, ремонтируя их. Когда я заходил к нему в гости, что случалось довольно часто, он брал машину отца и иногда давал мне поводить се по пыльным дорогам возле их дома. Это был для меня каждый раз настоящий праздник. Ардаш много знал и очень увлекательно рассказывал о гоночных автомобилях.

Сблизился я и с Гюнтером Кони, светловолосым симпатичным немецким парнишкой. Гюнтер, как все немцы, был очень аккуратным, прилежно учился и здорово соображал в математике. Порой мне казалось, что его отец был нацистом и он немного стыдился этого. В нашу компанию входил еще один американец из Калифорнии по имени Боб Брукс. Ну и наконец, мой самый закадычный друг Джозеф Чарльз, наполовину грек, наполовину англичанин. Веселый, остроумный, неистощимый на выдумки и, главное, верный, настоящий товарищ.

Правила в школе были довольно строгие. Святые отцы не терпели никакого непослушания и не задумывались дважды перед тем, как ударить линейкой по руке, если кто-то себя плохо вел. Есть нас водили в большую столовую, но, по правде говоря, еда мне там совсем не нравилась.

Мы с Гюнтером, Джозефом и Бобом часто убегали из школы и лазили по пещерам, которых было множество в окрестных горах. Ходить туда можно было только с фонарем и кусочком мела, для того чтобы через каждые несколько шагов отмечать свой путь. В пещере запросто можно было заблудиться и уже не найти дороги назад. Нам рассказывали историю про двух мальчиков, которые еще до того, как здесь была выстроена школа, заплутали там и не смогли выбраться. Их останки удалось найти лишь несколько недель спустя.

Когда заходишь в пещеру из-под палящего, знойного солнца, ощущение такое, будто заходишь в холодильник. Причем можно было войти в одну пещеру, потом через какое-нибудь маленькое отверстие пробраться в другую, а из нее — в третью, четвертую и т. д. Настоящие катакомбы.

Я больше всего любил ходить в одну большую пещеру в одиночестве. Сначала какое-то время шел в полный рост, потом перелезал через узкую щель и попадал в длинный тоннель, через который приходилось двигаться ползком до тех пор, пока не доберешься до новой расщелины, ведущей в пещеру поменьше. А в ней я нашел едва заметный лаз, который сперва шел полого, а потом очень резко опускался вниз. Дальше двигаться нужно было очень осторожно, вокруг становилось заметно холоднее, а со стен и потолка начинала сочиться вода. Минут через 25 ходьбы дорога выходила к развилке четырех расходящихся тоннелей, и важно

было не ошибиться, выбрать правильный путь, чтобы не заблудиться. Я ходил туда часто и без труда находил именно то направление, которое нужно. А вело оно к удивительному месту — большому подземному озеру, залившему дно самой нижней пещеры.

Это был словно совершенно иной мир. Царила какая-то завораживающая тишина. Лишь гулко капала в озеро вода. Я выключал фонарь и, сидя в полной темноте, слушал эти удивительные, таинственные звуки. Мне совершенно не было страшно, наоборот, меня как магнитом влекло это место.

Наши наставники очень часто наказывали нас, потому что это было действительно опасное занятие и они прекрасно знали об этом. Они все время повторяли нам историю о том, как пропали те мальчики. Но в этом не было нужды, мы и сами понимали, что это и с нами запросто могло случиться.

Однажды я забрался в пещеру, которая находилась значительно дальше, чем те, в которые мы обычно лазили. Мне страшно хотелось самому изучить совершенно новую пещеру. Войдя внутрь, я понял, что это целая разветвленная система разных пещер со множеством переходов, коридоров и тоннелей. У меня с собой был фонарик и небольшой кусочек мела. Я тщательно помечал свой путь, потому что понимал, что без этих пометок не найду дороги назад. Чем дальше я шел по пещере, тем больше мне казалось, что ей нет конца. В конце концов, я решил, что лучше мне не заходить слишком далеко внутрь этой странной пещеры. Я и так уже прошел очень большое расстояние, и для первого раза это было слишком рискованно. Я повернул назад, но вдруг с ужасом понял, что нигде не вижу ни одной своей пометки мелом. Я направлял фонарик во все стороны, шарил его ярким лучом по стенам, но не мог найти ни одной стрелки. Заблудился. Это страшное чувство — осознать себя потерянным под землей в кромешной темноте. Меня охватила паника, вдруг стало очень холодно. Я потерял чувство времени и думал теперь только о том, на сколько хватит еще батареек в моем фонарике. Я зачем-то побежал, совершенно не имея никакого представления, куда бегу. Вокруг по-прежнему не было ни одной стрелки или пометки, сделанной мной. Тогда я сел и начал ждать, сам не знаю чего. Я молился, исступленно повторяя слова молитвы к Всевышнему, по-видимому, около часа, а может и больше. Меня охватил ужас. Я не знал, что делать. Идти было некуда. И тут, когда я уже совершенно отчаялся и мысленно простился с жизнью, произошла потрясающая вещь. В этой мертвой тишине я услышал лай собаки. Этот звук я бы ни с чем не спутал. Я направил фонарик в ту сторону, откуда доносился лай, и через несколько минут

увидел в его свете своего Джокера. Я был вне себя от счастья, крепко схватил его руками и не хотел отпускать. Он облизал меня с ног до головы и сильно ободрал мне грудь своими лапами. Через некоторое время, успокоившись, я взял его за поводок и он меня вывел из пещеры. Мы возвращались домой вместе, не переставая прыгать и играть всю дорогу.

Отель моего отчима находился по адресу Пантеон Стрит, 12 в Никосии. Это не менее сорока минут езды на автомобиле от района пещер. И конечно же, намного больше, если идти пешком. Я пытался найти объяснение тому, что Джокер мог узнать, что я попал в беду? Откуда он мог знать, где я нахожусь? Как, наконец, нашел пещеру? Может быть, много-много лет спустя я и найду ответы на эти вопросы, но тогда, на Кипре, я мог только поражаться и благодарить Бога за такую поддержку в трудный час.

Беспорядки на Кипре не прекращались. Мы часто слышали стрельбу и даже видели, как то здесь, то там взрываются бомбы. Я не знал, как к этому относиться. Греки хотели обрести независимость, турки — разделить остров пополам. Британцы не желали покидать остров. Я не мог понять, кто из них прав.

Как-то раз в Никосии я увидел жуткое зрелище, которое до сих пор не могу выкинуть из памяти. Британский солдат шел посреди улицы со своей женой и нес на руках маленькую дочку. Я неосознанно наблюдал за ними и ясно видел, как грек подошел к нему сзади и выстрелил в спину. Я буквально окаменел от страха и ужаса. Солдат рухнул как подкошенный, девочка упала с его рук, а жена кричала и билась в агонии. Все, кто был на улице, бежали куда-то прятаться. А что оставалось делать? Снайперы стреляли отовсюду: из окон, с крыш, из любой подворотни. Британские солдаты ходили по улице с автоматами, постоянно оглядывались направо и налево, никогда не зная, откуда ждать неприятностей. Но справедливости ради надо сказать, что не только греки убивали британцев, но и британцы убивали греков. А турки и греки убивали друг друга.

Убивали женщин и детей, врываясь в их дома. Тела убитых вешали на мясные крюки и выставляли на улицах. Ночью то и дело раздавались выстрелы и крики, жуткий вой полицейской сирены. И так все время. К этому невозможно было привыкнуть.

Несмотря на то что у меня появилось много хороших друзей в школе, я все равно чувствовал себя ужасно одиноким. Облюбовав себе местечко на вершине одной из окрестных гор, я часами стоял там и смотрел на Никосию. Конечно, мне не удавалось разглядеть отель моего отчима, но тот район, где он был расположен, просматривался довольно хорошо. Каким одиноким я чувствовал

себя в эти минуты, как трудно было бороться с «домашней болезнью». Я мечтал жить дома и приезжать учиться только на день, как многие из моих друзей. Но, конечно, это было слишком сложно — возить меня туда-сюда, особенно если учесть царившую в городе напряженность и непрекращающиеся перестрелки.

Постоянно общаясь в школе с ребятами и учителями разных национальностей, я понял, что легко усваиваю их родные языки. По-английски я говорил уже без всякого усилия, а вскоре научился болтать и по-гречески. Это не считая того, что с детства знал венгерский, иврит и даже немного немецкий, потому что родители чаще всего пользовались именно этими языками. Интересно, что думал я в те годы на иврите, а сейчас — на английском языке.

Странные энергетические силы продолжали время от времени появляться, но я никак не использовал их и никому о них не рассказывал, помня о том, как меня дразнили в Тель-Авиве. Мне не хотелось, чтобы и здесь было также. Но у меня время от времени возникали проблемы с учебой. *Я* не был плохим учеником, но и хорошим назвать меня было трудно. Во время экзаменов, когда я затруднялся ответить на тот или иной вопрос, я смотрел на класс и мне всегда казалось, что у всех, кроме меня, все получается. Однажды во время контрольной по математике я сосредоточенно посмотрел в затылок Гюнтеру, одному из лучших учеников в классе, и вдруг увидел все ответы на своем внутреннем умственном экране.

У меня в голове сам собой возник телевизионный экран, и я отчетливо видел все ответы Гюнтера. Это было примерно так же, как раньше я читал мысли моей мамы после ее игр в карты. Неправильно было бы сказать, что я чувствую эти вещи, они просто вырисовываются у меня в голове. Как бы проявляются вдруг на таком сероватом экране, на котором я вижу самые разные вещи. Если кто-то загадает мысленно рисунок, номер или слово, я могу их угадать.

И вот на этом экране я увидел ответы Гюнтера и сдал экзамен на отлично. Разумеется, я начал пользоваться этим удобным способом. Выбирал самого умного парня, концентрировал все свое внимание на его затылке и получал все необходимые ответы и решения. В общем-то я не считал это списыванием, хотя, конечно, если задуматься, это одно и то же, единственная неприятность заключалась в том, что я почту перестал думать сам, автоматически перенося чужие ответы в свою тетрадь. Естественно, делая те же самые ошибки, которые были и у других.

Учителя стали подозревать меня в списывании. Я пытался убедить их, что это неправда, потому что и в самом деле считал,

что ничего ни у кого не переписываю. Учителя мне, понятное дело, не верили. Во время экзаменов они меня посадили за отдельный стол, стоявший в самом дальнем уголке комнаты, откуда я уж точно не мог видеть тетради других учеников. Больше того, они меня персонально охраняли, стояли со мной рядом, чтобы убедиться, что я ни у кого не списываю.

Но для меня никакой разницы не было. Я просто по-прежнему направлял свой взгляд на самого лучшего ученика в классе и видел все его ответы. Учителя были потрясены. Они не смогли понять, в чем дело, потому что я записывал как правильные, так и неправильные ответы. Они не знали, что со мной делать. А у меня не хватало смелости рассказать им, что происходит.

Миссис Агротис, которая преподавала у нас английский, особенно заинтересовалась всем этим. А надо сказать, что мы все ее любили. Ей было где-то лет сорок, она была симпатичная, и, главное, у нее было очень доброе сердце. Она никогда не наказывала, не била детей, как это делали некоторые учителя. Однажды, когда она стояла возле меня во время экзамена, я непроизвольно переключился на ее мысли и почувствовал, что она чем-то очень взволнована. Что-то случилось с ней на рынке накануне. Я, забывшись, спросил у нее, в чем дело. Она была потрясена, а спустя несколько дней она была на приеме у врача, и я спросил ее, все ли у нее в порядке со здоровьем и что по этому поводу сказал доктор. Она едва не грохнулась в обморок — ведь никто не знал, что она там была. А я просто увидел слово «доктор» на своем экране в тот момент, когда подумал о миссис Агротис. Подобного рода информация появляется в моем мозгу лишь на долю секунды. Но я точно знаю, что это не выдумки, не фантазии. Ведь то, что я вижу, абсолютно не связано с тем, о чем я думаю в тот момент.

Миссис Агротис решила поговорить со мной после занятия. Она поняла, что происходит что-то неординарное. В конце концов я не выдержал и согнул ключ и ложку в ее присутствии. Она, естественно, была поражена. Вскоре об этом узнали в школе, но, по счастью, меня уже никто не дразнил, как тогда, когда я был маленьким, и поэтому я показал некоторые вещи, которые умел делать, Гюнтеру, Бобу и Джозефу. Они были в восторге.

Вскоре я узнал о том, что учителя спорят между собой по поводу меня. Меня как-то раз послали в комнату, где хранились всякие принадлежности, необходимые для уроков. Эта комната находилась рядом с учительской, и я услышал случайно, как они спорят. Один говорил, что у меня сверхъестественные силы. Другой утверждал, что все произошедшее было всего-навсего случайным совпадением. Третий предположил, что это какие-то

ловкие фокусы. При этом они рассказывали друг другу, что происходило на их уроках. Признаюсь, я слушал их с интересом и наслаждением. А они продолжали задавать вопросы типа: «Кто он?», «Как объяснить то, что он делал?», «Что он еще выкинет?» Но ведь я и сам ничего не знал и поэтому даже при желании не мог ответить на эти вопросы.

После того как мне удалось починить две или три пары часов, одна из учительниц принесла мне из дома еще четыре пары очень старых и давно сломанных. Я провел над ними рукой, и все они пошли. Мой авторитет в глазах учителей заметно возрос.

Я до сих пор поддерживаю отношения с некоторыми из них. Один из наших святых братьев сейчас живет в Чикаго, и, встретившись там, мы с ним с удовольствием вспомнили те далекие дни. Миссис Агротис прочитала обо мне в британской газете «Ньюс оф зе уордц» в декабре 1973 года, когда по всей Лнглии гнулись разные объекты после моей телевизионной передачи. Она все эти годы прожила в Никосии. Не зная моего адреса, решилась написать в газету:

«Дорогой сэр!

Ури Геллер был моим учеником в течение пяти лет на Кипре, Несмотря на столь юный возраст, он и тогда поражал друзей своими поистине потрясающими возможностями. Например, он гнул вилки, ключи, чинил часы. Уже тогда он рассказывал своим друзьям о том, что мечтает продемонстрировать всем свои способности, и, видимо, наконец это сбывается. Я лично, например, верю в него. Он ведь всегда был не такой, как все. Такого ученика, как он, не каждый день встречаешь.

Пожалуйста, передайте ему самые мои лучшие пожелания, когда в следующий раз его увидите. Я очень надеюсь, что смогу посетить Великобританию в следующий раз, когда он будет проводить телесеанс. Хотелось бы встретиться с ним снова и вспомнить те прекрасные и веселые годы на Кипре.

С искренним уважением Миссис Джули Агротис».

Так приятно было получить копию ее письма через столько лет после тех школьных дней. Миссис Агротис напомнила мне о том, сколько воды утекло с тех пор, как я обнаружил в себе эти странные энергетические силы и какие яростные споры и недоверие это вызвало даже в 50-х годах, когда я был еще в школе.

Иногда вспоминают меня и некоторые из одноклассников. Боб Брукс работает сейчас в Калифорнии в журнале «Ти-Ви гайд». Джозеф Чарльз просто раз приезжал навестить меня в Нью-Йорке. Все они, прочитав обо мне в газетах, тотчас вспомнили и все те странные вещи, которые происходили в нашем Терра Санта

колледже.

Помню я и многих других, с кем свела меня судьба там, на Кипре. Например, старого мудрого турка, который был хранителем огромной мечети в Никосии. Он очень привлекал нас какой-то своей таинственностью и необычностью. Иногда он впускал нас в мечеть в те часы, когда та не действовала, и водил нас, показывая причудливый интерьер храма с его роскошным убранством и мистической атмосферой. Рассказывал нам увлекательные истории про турецкие войны, о бесстрашных подвигах турецких воинов. Хотя надо сказать, что где-то в другом месте я слышал примерно то же самое о смелости греков. Наверное, и то и другое было правдой. Я часто беседовал с турком по поводу моей веры в Бога. И он мне говорил, что все — и евреи, и мусульмане, и христиане — под одним Богом ходят. И поэтому люди должны любить только одного Бога, а главное — любить друг друга.

Я задумывался, как же эти идеи претворить в жизнь, ведь нам действительно многое предстоит сделать; если, конечно, человечество сумеет выжить и справиться со всем этим террором и кошмаром на улицах Кипра, с арабами и израильтянами, режущими друг другу глотки…

Уже тогда, на Кипре, в конце 50-х годов, я мечтал, что буду пытаться работать на мир, на любовь, хотя тогда это казалось невозможным. Ведь каждая из враждующих сторон возносила своего собственного Бога превыше всех, а Бог-то был один для всех. Все жили и боролись и погибали ради своей веры, каждая из которых, как ни странно, призывала к любви и прощению. Казалось, что мы все заблудились в темных пещерах и, увы, у нас нет такой собаки, как Джокер, чтобы вывести нас на свет Божий.

Однажды прекрасным зимним утром я сидел в классе, когда вдруг брат Бернард вошел в комнату и сказал учителю, что ему нужно поговорить со мной. Раньше такого никогда не было. Он вывел меня в коридор и сказал, что за мной пришли в школу, чтобы забрать домой. На мой вопрос почему, он ответил, что что-то случилось с моим отчимом. Я очень разволновался и стал спрашивать: «Как моя мама? Что с ней?» Брат Бернард успокоил меня и вывел в коридор, где я встретил мамину подругу. Она сказала, что отчим серьезно болен — у него повторился сердечный приступ. Каким-то образом я сразу понял, что он умрет.

Когда машина тронулась и поехала с горы в сторону Никосии, я заплакал, потому что очень переживал из-за отчима. Не могу сказать, что я был как-то особенно привязан к нему. Скорее, я больше думал о маме, о том, что с ней будет, если он

умрет. Мысли мои разбегались. С одной стороны, я ненавидел жизнь в школе, с другой — мне совсем не хотелось навсегда покидать эту школу. Я совершенно не представлял, что ждет меня дальше.

В отеле я нашел свою маму, сидящую у изголовья отчима. Его глаза были закрыты, и казалось, что он спит. В ту ночь он умер. На похоронах мама плакала, я знал, что она переживает и думает, как нам теперь жить без Ладисласа. Мы остались совершенно одни — моя мать и я. И теперь мне многое предстояло взять на себя, чтобы помочь ей вести непростое гостиничное хозяйство. Именно этот день и стал моим настоящим бар мицва, потому что я вдруг осознал себя настоящим мужчиной. Теперь я ходил в школу только на занятия, и это мне очень нравилось. Отель перешел к моей маме, и мы решили не закрывать его. Но поскольку отчим не был владельцем земельного участка, нам нужно было продолжать платить за его аренду и каким-то образом сводить концы с концами. Правда, у Ладисласа был еще музыкальный магазин, где ему принадлежала половина акций. И их пришлось продать, чтобы встать на ноги и наладить нормальную работу отеля. Война только усложняла ситуацию. Многие кабаре закрывались, и артисты охотно у нас останавливались. Все любили мою маму, обожали венгерские блюда, которые она готовила. Как правило, те, кто хоть раз останавливался в нашем отеле, обязательно приезжали обратно и просили разрешения снова остановиться у нас. Но времена были очень сложные, и, конечно, нам было тяжело выкручиваться из бесконечных проблем.

В школе после похорон все были очень внимательны ко мне, старались утешить и подбодрить. Даже отец Массамимо пригласил меня к себе в кабинет, что он очень редко делал. Это был высокий сильный мужчина в очках, с неизменной маленькой шапочкой на голове. Он сказал, что очень расстроился, узнав о смерти моего отчима, и хочет вручить мне на память о нем маленький подарок.

Он снял со своей шеи маленькую цепочку, на которой висел крестик и рядом с ним мезузах — традиционный еврейский символ. Я и не знал, что он его носит. Он торжественно сказал: «Я хочу, чтобы ты это взял себе». Он снял его с цепочки и положил мне на руку. Потом закрыл мою ладонь. И, расставаясь, добавил, что очень верит в мою религию. Он никогда до этого не говорил мне о своих чувствах. Я был растроган и потрясен этим неожиданным жестом.

Когда были проданы акции отчима, мама решила, что теперь мы могли бы снимать новое помещение под гостиницу, хотя бы

немного больше предыдущего. Я чувствовал ответственность, которую мне предстояло теперь взять на себя. На своем велосипеде я объездил всю Никосию в поисках подходящего здания. Думаю, что выглядело это довольно смешно — пятнадцатилетний мальчишка расхаживает по городу и расспрашивает домовладельцев, сколько будет стоить аренда того или иного дома. Но я считал, что обязан найти самое лучшее место для моей матери. И вот наконец наткнулся на хорошую современную виллу, в которой было одиннадцать комнат. Стояла она на очень тихой улице, и когда-то в ней размещался клуб. Место было очень красивое, и я, вернувшись домой, сказал об этом маме. Она съездила туда вместе со мной и, внимательно все осмотрев, решила, что место самое подходящее. Арендная плата была очень велика, но тем не менее мы переехали. Мои новые обязанности быстро заставили меня повзрослеть. Мне приходилось договариваться по поводу фургонов, шоферов, самому забирать мебель из старого дома и перевозить в новый. Кроме того, я занимался планировкой комнат, размещением — словом, всем, вплоть до раздачи чаевых рабочим, которые помогали нам переезжать.

После того как мы наконец-таки переехали, я продолжил учебу в школе. Я ездил туда на велосипеде каждый день, поднимаясь в гору из Никосии. Подниматься вверх было очень тяжело, настолько, что когда я добирался до места, то был еле жив от усталости. Но зато на обратной дороге я мог даже не прикасаться к педалям, снова и снова испытывая прекрасное чувство свободы. А в общем-то это был какой-то странный период в моей жизни: я вроде бы уже не мальчик, но еще и не мужчина.

Я никогда не мог пожаловаться на свою фантазию. Вечно у меня были какие-то сногсшибательные планы и мечты о будущем. Я не боялся обсуждать их с миссис Агротис, которая всегда очень внимательно меня слушала. Я посвящал ее в свои самые сокровенные мысли и доверял свои тайны. Так, например, я говорил ей, что верю в существование жизни вне нашей планеты и внутреннее чувство подсказывает мне, что все это не миф, не научная фантастика. Она слушала зачарованно, а потом часто просила меня пересказывать все эти истории в младших классах, которые она вела. Я говорил им, что я — ракета, которая путешествует на огромных скоростях между мирами, останавливаясь время от времени в каких-то фантастических странах и удивительных местах.

Миссис Агротис очень интересовалась телепатией, при помощи которой мне удавалось выполнять экзаменационные задания. Ей хотелось знать, как я читаю чужие мысли. Иногда она

просила нас написать сочинение. Джозеф Чарльз сидел примерно в пяти рядах за мной. Я никогда не сходил со своего стула, а он — со своего. И тем не менее несколько раз мое сочинение было почти слово в слово таким же, как у него. Она допытывалась: «Джозеф, признайся, ты списал сочинение у Ури?» И он, естественно, говорил, что нет. Она долго сравнивала наши работы и говорила: «Боже мой, они же совершенно одинаковые». Она недоумевала: «Как же тебе удается все это?» Единственное, что я ей мог сказать на это: «Я, к сожалению, и сам не знаю».

И действительно не знал. Но зато знал, о чем иногда другие люди думают. Правда, от этого жизнь не становилась проще. Учителя считали, что я жульничал, и мне, разумеется, это было не очень приятно. Даже, я бы сказал, немного давило на психику.

Глава 10. Любовь

Может быть, эти странные силы и тот дискомфорт, который я ощущал, когда люди мне не верили, заставляли меня отдаляться временами от всех, стараться побыть наедине с собой, искать приключения там, где меня еще никто не знал, и таким образом познавать окружающий мир.

Один из друзей моих родителей — венгерский пианист купил автомобиль «МЖ» и захотел испытать его, прокатиться по горным дорогам. Он взял меня с собой. И когда мы остановились немного отдохнуть в дороге, я решил пройтись пешком по окрестным горам. Спустя несколько минут я был остановлен резким окриком и увидел, что мне в лоб направлено дуло винтовки. Оказалось, я нечаянно забрел в секретный лагерь группы партизан ЕОКА под предводительством некоего Гриваса. На Кипре ходила масса самых неправдоподобных легенд об этом человеке. А за его голову было обещано крупное вознаграждение. Британцы тщетно пытались разыскать его убежище.

Меня вначале допросил охранник, а потом отвели к самому Гривасу. Он обратил внимание на то, что я говорю на афинском диалекте совсем не так, как говорят киприоты, и спросил меня, кто я и откуда тут взялся?

Я ответил, что я израильтянин.

«У меня есть друзья в Израиле, — сказал он. — Тебе известно, что произошло в Израиле. Ты знаешь, что Израиль получил полную независимость?» Затем он свирепо взглянул на меня и спросил: «Ты считаешь, что мы правы?»

Я заметил, что Израиль вел точно такую же борьбу с британцами, и рассказал о своем отце, который сражался в рядах Хаганах.

Он знал о деятельности Хаганах. Мы с ним еще немного поговорили, и он вдруг неожиданно тепло со мной распрощался. Только тогда я успокоился. Помню, как бежал с горы изо всех сил и обнаружил нашего друга возле автомобиля. Он был очень взволнован. «Куда ты запропастился?» — спросил он. Я ответил: «Ты все равно никогда не поверишь, с кем я сейчас повстречался».

Я рассказал ему, и он действительно не поверил, утверждая, что я все выдумал. Я не стал с ним спорить, потому что история и в самом деле была необыкновенной. Но больше всего меня занимает вопрос, как удалось мне так запросто наткнуться на секретный лагерь, где скрывалась ЕОКА. И иногда я не без душевного трепета вспоминаю, как близко стоял тогда к смерти.

Как всякий обыкновенный парень, я вечно искал себе

приключения. Кипр — это остров, и море меня всегда словно магнитом притягивало. Оно вокруг Кипра очень красивое. Я по-настоящему влюбился в него. Оно было настолько прозрачным, что можно бросить монету в воду на глубину в восемь метров и увидеть ее на дне. Я научился плавать с трубкой и очень быстро стал фанатиком подводного плавания. А если учесть, как я уже сказал, что вокруг Кипра вода кристально чистая и в ней все абсолютно видно — разные морские животные и растения, то можете себе представить, какой новый, богатый и прекрасный мир открылся мне.

По субботам и воскресеньям я собирал вещи и вместе с Джокером отправлялся на автобусную остановку. Автобусы были старые, настоящие развалюхи, на которых перевозили свиней, кур, прочую живность, ну и людей заодно. Ходили они в Кирению — портовый город по ту сторону гор. За Кирению были изумительные пляжи, с чистым белым песком, практически заброшенные. Я делал пересадку на другой автобус, направляющийся в какую-нибудь дальнюю деревню, и, когда видел из окошка дорогу, ведущую к пляжу, обычно просил водителя высадить нас с Джохером. На пляже я ел сэндвичи, возился с Джокером, а потом одевал маску и трубку и часами плавал, нырял до тех пор, пока спина не становилась черной от солнца, в то время как живот по-прежнему оставался белого цвета. Люди смеялись, когда видели меня, — таким ярким был контраст.

Однажды на пляже я случайно повстречал арабского парня, продавшего мне свой аквалангс запасом воздуха на 45 минут. Я с трудом наскреб нужное количество денег, хотя он согласился продать его очень дешево. В Кирении был маленький магазинчик, где я мог заправлять акваланг и оттуда уже отправлялся на пляж. Может быть, это и не самое умное занятие — нырять в одиночестве, но мне не было до этого дела. Я думал только о новых приключениях, погружаясь раз за разом в эту кристально чистую воду и всем существом ощущая ту прекрасную тишину и красоту совершенно другого мира. Я находил места, где крутые скалы встречались в неравной схватке с океаном. И каждый раз, когда я видел, что происходит под водой, мне хотелось уплывать еще глубже, еще дальше. Я мечтал найти какой-нибудь затопленный корабль или даже, может быть, какие-то сокровища. Конечно, ничего, кроме рыб и ракушек, я не находил, но мне все равно очень нравился сам поиск. Я знал, что под водой нужно быть очень осторожным, и внимательно следил за временем. Старался резко не всплывать на поверхность и никогда не нырял, когда море было неспокойным. Пожалуй, несколько самых

лучших мгновений моей жизни были проведены под водой.

Кипр — земля удивительных контрастов. С одной стороны тебя окружает море, а с другой — высокие горы, такие, как Олимп, Тродос, на вершинах которых лежит снег и зимой там даже можно кататься на лыжах. Я никогда не занимался горными лыжами, но очень любил просто ходить в горы, когда там шел снег, и каждый раз открывал для себя что-то новое.

Когда мне было около шестнадцати, со мной начали происходить некоторые вещи, которые происходят, наверное, с каждым подростком. Я тогда еще не мог себе представить, что мои мистические силы станут такой огромной частью моей жизни или что они могут быть интересны и важны для науки. В то время я наслаждался самыми обычными радостями жизни, самыми примитивными развлечениями. В тот год я почувствовал особенный вкус американской жизни. На Кипре был Американский клуб, принадлежащий военной базе, и один из моих друзей позвал меня туда с собой. Вы даже не можете себе представить, какое на меня это произвело впечатление. Магазин «ПХ» был просто как дивный сон. Казалось, у американцев есть абсолютно все, что им хочется: любая обувь, одежда, какие хочешь карандаши, ручки, огромный надувной бассейн, напиток «Севен-Ап», сосиски, гамбургеры, жареная кукуруза — словом, все самые нужные в мире вещи.

Это было мое первое заочное знакомство с Америкой, и я просто с ума сошел. Мне очень нравились спортивные майки, в которых ходили ребята, и их баскетбольные тренировочные кеды. Баскетбольные мячи были самые настоящие новенькие Вилсоны, а бейсбольные перчатки сделаны из настоящей кожи. Везде сновали американские машины. Жизнь казалась необыкновенно свободной. Мороженое и бутерброды с сосисками стоили всего несколько центов, сущие пустяки. Везде играла музыка, и ты мог выбрать послушать любую песню — от Рея Чарльза до Шуби Чеккера.

Это была сказочная земля, страна чудес. Все из Америки казалось мне высшим классом. Я попросил моих друзей достать мне американскую майку и голубые джинсы, потому что сам не мог покупать в магазине «ПХ». Потом меня научили играть в бейсбол, и я стал членом команды. И так как я был левшой, для меня специально заказали бейсбольную перчатку на левую руку прямо из Америки. Представьте себе мою радость, когда перчатка наконец пришла по почте. Я себя постоянно спрашивал: если все это так, то что же, интересно, происходит в самой Америке?

Друзья меня часто приглашали в Американский клуб, и хотя я не мог стать его членом, но ходил с ними туда при любой

возможности. Я вступил в бейсбольную команду под названием «Бароны» и два раза в неделю отправлялся на велосипеде в английскую школу, где проходили наши тренировки. У одного из тренеров была дочь Пэтти, которая часто приходила наблюдать за нами. Она была блондинкой, не очень высокой, но стройной и очень симпатичной. Я заметил, что она часто смотрела на меня, а я украдкой поглядывал на нее. Когда я стоял в центре поля с лаптой, мне всегда хотелось хорошо ударить по мячу, специально для нее. Когда мне в игре что-то удавалось, я обязательно оглядывался в ее сторону и чувствовал себя особенно гордым, если видел, что она это заметила. Но я был довольно робким и всегда стеснялся заговорить с ней первым. И вдруг однажды она сама подошла ко мне на поле и сказала, что ей нравится, как я играю. А потом добавила: «Ты что сегодня вечером делаешь? Может, сходим вместе в кино в Американском клубе?» Я, естественно, только об этом и мечтал, был, наверное, в этот момент самым счастливым парнем, которого только можно было найти.

На велосипеде я помчался домой переодеваться, а потом обратно в Американский клуб, где договорился встретиться с ней. Она была в шортах, да и я тоже — там не нужно было как-то особенно одеваться. Я не помню, о чем был фильм, но, кажется, в нем снимался Алан Ладд. Когда мы вошли в кинотеатр, все места были уже заняты, и поэтому нам пришлось сидеть на подоконнике. В каких-то особенно интересных местах фильма она доверчиво опускала свою руку мне на ногу. Осмелев, я ее обнял и вдруг понял, что влюблен. Это было прекрасное чувство.

Мы виделись очень часто. Она жила довольно далеко от Никосии, но отец почти каждый день привозил ее к Американскому клубу. Она не только была симпатичной, но еще очень красиво плавала и потрясающе танцевала. Мы с ней все время танцевали, и нашей любимой песней была «Конверт, запечатанный поцелуем». Мы без конца целовались очень наивно, по-детски. Лопали гамбургеры, играли в кегельбан в клубе. Мне все это казалось очень романтичным и интересным. Встречались мы где-то около года, два или три раза в неделю, и проводили вместе практически все свободное время. Любовь — это было для меня что-то совершенно новое.

А потом у меня возникли осложнения. Мне, конечно, уже не раз приходилось испытывать противоречивые чувства, но тут я не знал совершенно, как себя вести. На соседней с нашей гостиницей улице жила девочка по имени Хелена. Она была гречанка, но хорошо говорила по-английски, потому что ее семья какое-то время жила в Америке. Она была полной противоположностью

Пэтти. Смуглая, темноволосая, яркая и привлекательная, но в то же время мягкая и интеллигентная девушка. Я несколько раз видел Хелену в ее садике или когда она заходила в свой дом. Но мы с ней никогда не встречались, и я не знал, как с ней познакомиться. Однажды она была в своем садике, а я играл с Джокером возле гостиницы, кидал мяч, чтобы он за ним бегал и приносил обратно. Когда я увидел Хелену, то нарочно кинул мяч слишком сильно, чтобы он перелетел через ограду и попал в ее садик. Я перепрыгнул на ее сторону и извинился за то, что нечаянно попал мячом в ее садик. Так мы и познакомились. Она мне очень нравилась. С ней было интересно разговаривать. В ней было что-то мистическое, и в то же время она всегда оставалась приветливой, спокойной и кроткой. У меня был маленький проигрыватель, и мы вместе слушали музыку, читали газеты, обсуждали положение на Кипре и другие события, которые происходили в мире. Она не ходила в Американский клуб, но часто рассказывала мне о своем путешествии в Америку. О больших автомобилях, об огромных небоскребах и городах. Америка для нас обоих — и для нее, и для меня — была какой-то мифической страной.

Вскоре я понял, что влюблен и в Хелену, и в Пэтти. Я не знал, как мне быть. С Пэтти мы в основном целовались, дальше этого не заходило. Я и не пытался. С Хеленой мне гораздо труднее было сдерживаться, постепенно я осмелел, но ей всегда удавалось останавливать меня.

Где-то через год Пэтти уехала обратно в Америку. Я больше никогда ее не видел и ничего не слышал о ней. Таким образом, моя дилемма была решена.

В школе миссис Агротис продолжала интересоваться моей магнетической силой. Ей особенно нравились телепатические эксперименты. Она закладывала бумажки с написанными цифрами в конверты и просила, чтобы я угадывал. Она, пожалуй, была единственным человеком, которому я мог рассказывать все, что со мной происходило, во всех деталях, потому что она этим искренне интересовалась и никогда не смеялась надо мной.

Никто из нас за время учебы в школе не превратился в ангелов. Годы шли, и мы всегда немножко хулиганили, иногда совсем по-детски. Нам здорово везло, что нас не ловили тогда, когда мы проделывали особенно смешные шутки. Сейчас я совершенно по-другому смотрю на многие наши шалости. Возле школы было огромное поле, заваленное старой испорченной военной аппаратурой. Поломанные бронетранспортеры, военные машины, отдельные части самолетов, разбитые танки и куча другого металлического хлама. Все это было огорожено колючей

проволокой и надежно охранялось собаками. Мы ломали голову, как бы туда залезть и что-нибудь интересное стащить. И наконец, нам удалось достать несколько пар плоскогубцев и началось наше большое опасное приключение. Мы нашли такое место, где не было охранников и собак и которое мы могли вскрыть, чтобы проползти. Попав на ту сторону, мы снова связали проволоку так, чтобы никто не заметил. Мы все хотели доказать друг другу, что уже не дети, что ничего не боимся, что сам черт нам не брат. Обнаружив старый железнодорожный кран, мы почему-то были уверены, что в нем обязательно должен быть какой-то клад. Мы забрались, открыли дверь крана и увидели, что там сложены старые пыльные ящики с пивом. Даже не задумываясь, как туда попало пиво, испорченное оно было или свежее, мы все выпили по-нескольку бутылочек, надеясь опьянеть. Но никому это не удалось. Потом мы перенесли остатки пива в пещеры, достали несколько пачек сигарет и продолжали доказывать друг другу, что мы уже взрослые. Мы спорили, кто сможет больше выпить пива и выкурить сигарет.

В общем-то, честно говоря, я всегда ненавидел алкоголь и табак. Я и сейчас почти совсем не пью и не курю, да и раньше этим не увлекался. Одно время пытался, правда, курить трубку, но и это мне не особенно понравилось.

Наша гостиница находилась рядом с израильским консульством в Никосии. Бизнес наш шел плохо, потому что вокруг были постоянные сражения, вечерний комендантский час, и все же к нам иногда заезжали израильские гости. Однажды к нам приехал незнакомый мужчина из Израиля, который сказал, что услышал о нашей гостинице от кого-то на родине. Он остановился у нас на какое-то время, а через полтора месяца, уезжая, сказал, что будет присылать к нам своих друзей из Израиля. Так оно и вышло. Вскоре от него приехало несколько человек, которые останавливались на неделю, на две, а потом уезжали.

Одним из них был Джоаф Шаххам. Это был сильный, крепкого сложения мужчина лет тридцати. Он сказал нам, что занимается археологией, но я сейчас точно не помню, чем именно. Мы с ним подружились. Он хорошо знал дзюдо и предлагал обучить меня. Я, конечно, согласился.

Я коллекционировал марки и обратил внимание, что к нему идут письма со всех сторон света, особенно из разных арабских стран, из Южной Америки — словом, отовсюду. На них были очень красивые марки, и я просил Джоафа, чтобы он их мне отдавал. Он сказал, что не может этого сделать, но обязательно достанет для меня другие. И спустя некоторое время

действительно привез красивый альбом с замечательными и довольно редкими марками. Мне было очень приятно, я был ему благодарен. Но задумался: неужели не проще отдавать мне те марки, которые уже были?

Может быть, на меня определенное влияние оказали многочисленные фильмы о шпионах, которых я насмотрелся. Кроме того, пока он учил меня дзюдо, я видел на своем экране какие-то очень странные картинки. То мне казалось, что Джоаф стреляет по мишени из пистолета, то — работает со всякими секретными документами и бумагами. А главное — меня очень удивляло, что то, чем он занимался на Кипре, никак не связано с археологией.

Так получилось, что моя комната в гостинице находилась возле самого чердака и прямо над комнатой, где жил Джоаф. Очень часто я залезал на чердак и искал там сову, потому что был уверен, что она живет там и издает разные непонятные звуки. Мне, разумеется, хотелось на нее взглянуть.

И вот однажды мне почудилось, что я услышал сову, и поэтому я полез на чердак проверить, что там происходит. Я захватил с собой фонарик. Но вдруг услышал какие-то голоса из комнаты Джоафа. У нас на чердаке было полно всяких электрических проводов, и один из них проходил через дырочку в полу в комнату, находящуюся под чердаком. Если немного его отодвинуть, то можно было увидеть, что происходит в нижней комнате. Так я и сделал. Заглянув вниз, я увидел Джоафа и его гостя, пожилого египтянина, который только что приехал к нам в гостиницу из Израиля. У них на столе были разложены самые разные бумаги, книжки, фотокамеры, вспышка. Некоторые из бумаг, насколько мне удалось разглядеть, были на арабском. Мне не удалось расслышать все, что они говорили, но речь шла о египетской армии, о каких-то радиопосланиях. Упоминался Хартум и какие-то другие вещи, которые свидетельствовали о том, что они работали в пользу Израиля. Я испугался и разнервничался. Мне было не по себе от того, что я узнал такой большой секрет. Я как-то инстинктивно понял, что никому нельзя об этом сказать, даже маме. Но и хранить эту тайну в себе я не мог. Я не знал, что делать. Мне нравился Джоаф. Я хотел любой ценой помочь ему и решил с ним все-таки поделиться. Как-то мы с ним остались в садике наедине, я посмотрел ему прямо в глаза и, не мудрствуя лукаво, сказал: «Вы же израильский шпион, не так ли?» И перечислил некоторые вещи, которые слышал. Я заметил, как он был взволнован. Он на секунду замер, а потом спросил: «Откуда ты все это знаешь?» Я честно признался, что слышал его разговоры и наблюдал за ним через чердачную щель.

Тогда он сказал: «Послушай, то, что я делаю, нужно Израилю. Очень опасно нам с тобой говорить на эту тему. Меня могут поймать, и у тебя будут большие неприятности. Я знаю многое, но тебе больше ничего не могу сказать. Придется тебе поверить мне на слово: то, что я делаю — это правильно».

Я ему пообещал, что буду молчать и хранить его тайну. И тогда впервые за наше долгое знакомство я решил поделиться с ним своей тайной. Я сказал, что знал очень многое о его деятельности еще до того, как услышал разговор с чердака. Он, естественно, не поверил. Поэтому я попросил его задумать какую-нибудь цифру. Он задумал, а я отгадал ее. После этого он загадал сразу четыре цифры. И опять я ответил правильно. Ну и, наконец, я попросил, чтобы он сконцентрировал все внимание на своих часах. Через какое-то мгновение стрелки часов резко передвинулись вперед. Он изумленно воскликнул: «Ури, как ты сделал этот фокус?» Я ему объяснил, что это не фокус и что я могу повторить его в любое время. Он задумался на мгновение, а потом сказал: «Ури, пойдем-ка пройдемся. Мне нужно с тобой поговорить». Когда мы шли, я ему признался, что тоже хотел бы работать на израильское правительство. Он ответил, что я еще молод и мне нужно прежде всего закончить школу, потом, когда мне станет 18 лет, пойти в израильскую армию. А в конце разговора он сказал: «Но, ты можешь мне помочь». Я был счастлив и чувствовал себя настоящим разведчиком. Джоаф сказал, что ему скоро придется уехать, но на его имя по-прежнему будет приходить много писем с арабскими марками и почтовыми штемпелями. Я должен был в его отсутствие отвозить их на велосипеде в израильское консульство и передавать человеку, которого он мне назвал. Настоящее разведпоручение, единственное, чего мне теперь не хватало, — это зашифрованного имени.

Я получал письма, складывал их в простой конверт, заклеивал и на велосипеде отвозил в консульство. Мне поручение Джоафа очень нравилось еще потому, что об этом не должна была знать ни одна живая душа. Все это придавало моим поездкам ореол таинственности и значительности.

Иногда я надевал на куртку маленький значок, голубой с желтым. Значок принадлежал моему отцу, он получил его за службу в армии. На Кипре никто не знал, что он означает. А я его носил потому, что он напоминал отца, которого мне очень не хватало. Мы часто писали друг другу, но за все годы, пока я жил на Кипре, я только два раза навещал его в Израиле. Мы по-прежнему оставались близкими людьми. Как-то раз он сам приехал навестить меня на Кипре, остановился в нашей

гостинице и прожил больше недели. К тому времени мама и отец были уже в хороших отношениях.

Так вот однажды, когда я привез секретный пакет в консульство, на мне оказался этот значок. Вдруг мужчина, которому я передал почту, спросил у меня: «Что это там у тебя?» — «Ничего особенного. Просто значок, который мой отец получил в израильской армии. Он сержант в танковых войсках». Мужчина заинтересовался и стал расспрашивать, как зовут моего отца и в какой части он служил. Я решил, что им просто понадобилось проверить и перепроверить до последней детали все сведения обо мне.

Когда мой отец вернулся с Кипра в Израиль, то написал в письме, что с ним произошли очень странные вещи. За время, пока он отсутствовал, дом буквально был перевернут вверх ногами. Все шкафы были обысканы, вещи валялись в полном беспорядке, но ничего не было украдено. Я понял, что израильская секретная служба его проверяла, и скорее всего по моей вине. Но я не мог ему ни о чем рассказать.

Я несколько раз видел Джоафа, пока работал по его поручению курьером. Он мне сказал, что собирается жениться на девушке по имени Тамми, и однажды привел ее познакомиться со мной. Он интересовался моими планами на будущее, предлагал во всем свою помощь. И еще сказал мне, что когда я закончу службу в армии, то обязательно должен буду его найти и сообщить, не раздумал ли работать на секретную службу.

В те дни я ел как лошадь и здорово прибавил в весе. Даже начал немного толстеть, хотя постоянно играл в баскетбол, который в это время был моим любимым видом спорта. Я тренировался на открытых площадках, куда ездил вместе с Джокером. Занимался часами и постепенно разработал хороший бросок. Особенно мне нравилось, когда мяч сначала попадал в кольцо и некоторое время катался по его ободу, а потом обязательно падал внутрь, если этого очень-очень хотелось. Я долго думал, что это было просто везение. А теперь задумываюсь, только ли везение это было?

Появилось у меня и еще одно увлечение — я скопил немного денег и купил себе велосипед с моторчиком, прикрепленным к заднему колесу. Теперь мне стало значительно легче ездить в школу и я больше не уставал, поднимаясь на самые крутые горки. Я уже подумывал о том, чтобы приобрести мотороллер, и научил Джокера ездить вместе со мной на нижней раме между моими коленями.

Чем больше я взрослел, тем заметнее становилось, что я порой действую необдуманно, импульсивно. Когда возникали

какие-то проблемы, я норовил идти через все преграды напролом. Скажем, когда умер мой отчим, одна большая гостиница взяла у нас напрокат пианино. Шли месяцы, но мы не получили от нее никаких денег. Вся беда заключалась в том, что гостиница находилась в турецком квартале, где шли особенно ожесточенные бои. Мама даже сказала, что нужно просто забыть про это пианино, потому что оно находится по другую сторону баррикад, там постоянно стреляют и вообще весь турецкий квартал охраняется войсками ООН. «Ни один шофер из греческого района не поедет туда, потому что не захочет получить пулю в лоб, — добавила она, — поэтому, боюсь, невозможно вернуть наше пианино». Тогда я сказал: «Послушай, мама, поручи это дело мне».

Я нашел документы, подтверждающие, что пианино взято у нас напрокат, и пошел в греческую полицию, которая находилась почти на границе с турецким кварталом. Там мне сказали, что ничем не могут помочь. Тогда я направился в штаб ООН, который находился неподалеку. Дежурному офицеру объяснил, что наше пианино находится в гостинице в турецком квартале и что мне необходим вооруженный конвой, чтобы вывезти его оттуда. Вы себе можете представить такую наглость?! Я сам себе удивлялся. Я показал ему все бумаги, но он заявил, что это невозможно и если я настаиваю, то мне придется говорить с его начальством, хотя он абсолютно уверен, что это ничего не даст. Я спросил: «А к кому мне обратиться?» Он назвал мне фамилию какого-то полковника, но тот был занят и отделался от меня, сказав, что ничего не сможет организовать. Я поблагодарил его и пошел на второй этаж. Там был целый ряд дверей, на которых было написано: майор такой-то, генерал такой-то, полковник такой-то. Я выбрал одну из дверей, где было написано: «полковник…», постучал и зашел. Я понял, что нужно сразу же идти в наступление. Поэтому, сказав полковнику про пианино, добавил: «И вообще, для чего тогда ООН? Это наше пианино и стоит оно сто фунтов. У нас его взяла гостиница напрокат и уже несколько месяцев нам не платит. И нам необходимо срочно получить деньги или хотя бы вернуть инструмент. Вы нам сможете помочь?» И откуда только во мне взялось столько уверенности и настойчивости? Полковник был настолько поражен, что даже рассмеялся. Я ему, похоже, понравился. Он спросил, сколько мне лет. Я ответил, что мне скоро 17. Объяснил, что мой отчим умер и что нам очень нужны деньги. В конце концов он сказал: «Ладно, посмотрим, что мы можем для тебя сделать. У тебя есть телефон?» Я продиктовал ему наш номер, и он обещал, что позвонит.

Где-то через три дня он действительно позвонил и сказал, что четыре машины направляются под охраной в турецкий квартал. Потом спросил: «Одной машины хватит, чтобы довести пианино?» Я ответил, что вполне достаточно, и поблагодарил его за помощь.

Никогда не забуду тот день: мне разрешили ехать вместе с конвоем за пианино. Было четыре машины, броневик и полутанк. Мы ехали очень медленно, выезжая в турецкую часть Никосии через баррикады, через заминированную территорию, ворота и колючую проволоку. Везде валялись разбитые бутылки, мешки с песком лежали на подоконниках, и над ними торчали дула автоматов. Мы все же добрались до гостиницы и пошли к администратору, которому я показал бумаги и сказал, что мы уже много месяцев не получаем денег за пианино. После чего заявил, что немедленно требую денег за пианино. Он ответил, что не может дать мне денег — у него их просто нет. Я сказал: «Хорошо, Бог с ними, с деньгами. Я заберу пианино». Он не знал, как на это реагировать. Но, увидев за моей спиной вооруженный конвой с броневиком, полутанком и машинами, наконец выдавил из себя: «О'кей». Мы вытащили пианино и повезли его обратно в нашу гостиницу. А вскоре очень выгодно его продали.

Через некоторое время после этой истории у нас в гостинице поселились две сестры-танцовщицы из большого варьете, которое, не боясь комендантского часа и непрекращающейся стрельбы, все же продолжало выступать на Кипре. Звали их Ева и Ингрид. Мне очень понравилась Ева — у нее были короткие темные волосы, модная французская стрижка, от нее всегда так прекрасно пахло духами. Однажды вечером, когда мама куда-то ушла, Ева вернулась в гостиницу слегка навеселе. Я сидел, смотрел телевизор, и она ко мне присоединилась. Было очень жарко, и она пила пиво, а потом вдруг сказала, что ей душно и она пойдет к себе в комнату и оденет купальник. С трудом поднявшись, она, покачиваясь, пошла в сторону своей комнаты. Через некоторое время я услышал, что она зовет меня через закрытую дверь. Я встал, постучался к ней в дверь и вошел. Она стояла в мини-купальнике и, сказав, что ей очень трудно самой застегнуть верхнюю часть купальника, попросила меня помочь ей. Я чувствовал себя очень неловко, и у меня сильно забилось сердце. Подойдя к ней ближе, я попытался сообразить, как это лучше сделать. Но она вдруг резко развернулась и, сорвав с себя верхнюю часть купальника, обняла меня и притянула к себе. Потом упала на кровать, увлекая меня за собой. Сердце мое вот-вот готово было выскочить из груди. Я, правда, пытался сделать вид, что мне все это не в новинку, но все мои познания ограничивались тем, что я видел в кинофильмах. Разумеется, я

был очень неуклюжим. Позже она извинилась передо мной, а я попросил ее, чтобы она только не говорила об этом моей маме. Став мужчиной, я все еще продолжал рассуждать как мальчишка.

Глава 11. Парашютисты

Последствия того, что случилось между мной и Евой, естественно, не замедлили сказаться. Я не мог не мечтать о том, как было бы хорошо, если бы мне удалось все это повторить с Хеленой. Я любил по-настоящему Хелену, и мне казалось, что у нас все будет прекрасно. Но она по-прежнему оставалась очень строгой, и мне приходилось обуздывать свой разгоравшийся темперамент. Я чувствовал себя каким-то первооткрывателем. Как будто бы никто до меня не занимался любовью. И вообще я очень гордился тем, что произошло, и по сотому разу рассказывал об этом ребятам. На Ардаша это произвело особенно сильное впечатление. С ним ничего подобного еще не было, и он жаждал приключений.

Вот тут и появилась Лола. Ее все знали, эту тридцатилетнюю светловолосую гречанку, разъезжавшую по округе в шикарной красной немецкой машине «Таунус». Она была обыкновенной проституткой, но, если верить тому, что о ней рассказывали, настоящей мастерицей своего дела. Кроме того, она имела официальную лицензию, а значит, ее постоянно должен был проверять врач. Не знаю, приезжал ли кто-нибудь из клиентов Лолы к ее домику у моря на велосипедах, но мы приехали именно так.

Мы припарковали наши велосипеды, и я вдруг почувствовал, что нервничаю. Позвонили в звонок, и к нам вышла пожилая женщина во всем черном. В таком одеянии на Кипре ходят вдовы. Когда она спросила, что нам нужно, у нас хватило смелости сказать, что мы приехали к Лоле. Ничуть не удивившись, она отвела нас на второй этаж, в маленькую комнату, где стояли четыре ярко раскрашенных кресла и небольшой столик, на котором были цветы. На стене висел какой-то диплом. Возникло даже впечатление, что я сижу в приемной у врача. Женщина спросила, не хотим ли мы кофе по-турецки. Мы поблагодарили, и она тут же его принесла. Я был настолько перепуган, что руки мои тряслись не в силах удержать чашку. Я себя все время спрашивал: «Что я тут делаю? Какого черта мне здесь надо?» Не знаю, как чувствовал себя Ардаш, по нему никогда не поймешь, что у него на душе.

Через минут десять вышел из другой комнаты взрослый мужчина. Он прошел мимо нас, глядя прямо перед собой, даже не повернув головы. Мое сердце теперь билось так, что я даже не успевал считать его удары. Я сказал: «Ардаш, ты иди первый». Он ответил: «Нет, ты». В конце концов я взмолился: «Пожалуйста,

иди первым, Ардаш». И вот пожилая женщина повела его. Не знаю, сколько времени его не было, помню только, что с трудом поборол желание встать и убежать. Наконец Ардаш вышел весь сияющий и очень довольный. По его словам, все было прекрасно. Тогда я набрался смелости и пошел.

Лола была в легком белом халате и выглядела очень привлекательно. Мои колени перестали дрожать. Я немного успокоился, и все прошло даже лучше, чем я предполагал. Стоило это всего-навсего десять шиллингов, но я тем не менее чувствовал какую-то вину за то, что их так потратил. Война продолжалась, и денег у нас было совсем мало. Все гостиницы здорово теряли выручку, пока шли бои, и наша гостиница, увы, не была исключением.

Через несколько недель мне предстояло закончить школу. И мы с мамой все чаще стали поговаривать о возвращении в Израиль. Мне в любом случае нужно было вступать в израильскую армию, мак только мне исполнится 18 лет, а без меня маме никак не справиться с хозяйством. Все меньше людей останавливалось у нас в гостинице. Почти перестали приезжать к нам и израильские туристы. А на родине у мамы осталось много друзей, которые смогли бы помочь ей подыскать работу и вообще наладить жизнь. Словом, мы приняли решение вернуться в Израиль сразу после окончания моей учебы.

Мама заранее съездила в Тель-Авив и с помощью друзей, которые одолжили ей денег, купила маленькую квартиру, чтобы было где поселиться хотя бы в первое время.

Очень сложно оказалось закрыть дело здесь, в Никосии. Мебель в гостинице была изношенная, старая, но нам тем не менее удалось продать ее за небольшую сумму денег. Все, что оставалось, мы собрали и были готовы уезжать. Я попрощался с отцом Массамино, с отцом Камилло, с братом Бернардом, со всеми своими школьными друзьями. Получил диплом об окончании колледжа.

Тяжелые вещи, и в том числе мой мотороллер, мы послали багажом в портовый город Лимассол. А сами поехали на двух автомобилях только с чемоданами. Девочка по имени Роза, которая жила с нами и которая была очень преданна моей маме, поехала в первой машине с Джокером. У нас же неожиданно возникли осложнения. Несмотря на то что наш большой багаж был уже на корабле, таможенная служба очень долго изучала наши личные вещи. Настолько долго, что корабль отошел без нас, но с Джокером и Розой. Мама в отчаянии начала плакать. Я пытался успокоить ее, уверяя, что Роза все уладит, что все будет в порядке. Главное, нужно позвонить отцу, чтобы он встретил

корабль на большой машине и перевез наш багаж из порта Хайфы в Тель-Авив.

— Не надо плакать, мама, давай лучше посмеемся над тем, что случилось. Вернемся в Никосию и сядем на первый самолет. Доберемся до Хайфы и там получим багаж.

Но, как выяснилось, в ближайшие два дня ни один самолет не улетел в Тель-Авив. Хорошо еще, что новый владелец разрешил нам оставаться в пустой гостинице до тех пор, пока мы не сможем вылететь в Израиль. Но на этом наши беды не кончились. Когда мы наконец попали в Хайфу и встретились с отцом, то узнали, что Розе не разрешили взять Джокера и оставшийся, багаж с корабля. Багаж мы отыскали, но нигде не могли найти Джокера. Никто не знал, где он. А на корабль нам не разрешали подняться. Я был в панике и уже совсем потерял надежду. Но все же добился разрешения осмотреть корабль. Я с трудом нашел какого-то офицера и сказал ему: «Послушай, моя собака осталась на корабле. Где я могу разыскать ее?» Он посоветовал попробовать поискать на верхней палубе, где обычно стояли клетки для животных. Но Джокера там не было. Другой моряк порекомендовал сходить в кормовой отсек. Но и там его не было. Возвращаясь на палубу, чтобы найти офицера, я проходил мимо маленькой металлической двери, которых на корабле было очень много. И вдруг я почувствовал, что Джокер находится за ней. Попытался открыть дверь, но она была заперта. Я постучал по ней и закричал: «Джокер, Джокер». Ответа не последовало, ни шороха, ни лая я не услышал. Тогда я ударил дверь еще сильнее и закричал: «Джокер, не волнуйся, я здесь! Сейчас я тебя отопру!» Но за дверью по-прежнему стояла гробовая тишина.

Наконец я нашел офицера и попросил его: «Пожалуйста, пойдемте, помогите мне открыть одну дверь. Я уверен, что моя собака находится там». Он сказал, что дверь ведет в двигательный отсек и собаки там не может быть. В конце концов он все же открыл дверь и я, спустившись на несколько ступенек, почти сразу же увидел Джокера, сидящего на цепи и с ног до головы измазанного черным машинным маслом. Он грустно смотрел на меня, словно говорил: «Посмотри, что они сделали со мной». Мне так стало его жалко, я схватил его на руки, целовал и гладил еір. Я был вне себя от ярости, но знал, что ничего не смогу сделать. Слава Богу, он нашелся.

Наша новая квартира находилась на первом этаже большого дома напротив известного в Тель-Авиве кладбища, где похоронены многие знаменитые израильтяне: министр иностранных дел, композиторы, поэты, герои войны. Квартира была очень маленькой по сравнению с нашей гостиницей на

Кипре. Но это было лучшее, что мы могли найти. Мама снова стала шить, на этот раз прекрасные галстуки для магазинов в Тель-Авиве. Я готовился пройти медосмотр и ждал призыва в армию. Вообще все это было как во сне — наше возвращение в Израиль, словно возвращение в прошлое.

Было очень хорошо, что я захватил с собой мотороллер, потому что мне удалось устроиться на работу курьером в архитектурном офисе. В финансовом отношении это была большая помощь маме, я зарабатывал 350 фунтов в месяц и практически всю зарплату отдавал ей. А через некоторое время благодаря бывшему подчиненному отца по фамилии Ландау я из курьера превратился в служащего этого же офиса. Ландау было чуть больше 20 лет, и мы с ним подружились.

У нас оказалось много общих интересов — в свободное время он играл в баскетбольной команде. Узнав это, я рассказал ему, как мне удавалось, собрав всю энергию и направив ее на мяч, добиваться того, чтобы тот попадал точно в кольцо. Он не понял, что я имел в виду, и для того, чтобы как-то объяснить ему, я попросил Ландау сосредоточить все свое внимание на одном из нескольких архитектурных планов-чертежей, с которыми он работал в тот день. Он так и сделал. А я нарисовал ему примерную копию того, на что он смотрел. Получилось очень похоже, он, конечно, удивился, но был уверен, что это всего лишь хитрый трюк, фокус.

Ландау пригласил меня поиграть в его баскетбольной команде, и я с радостью согласился. Во время тренировок то, что я называю сосредоточить внимание, срабатывало очень хорошо, настолько, что люди начали поговаривать насчет моей «золотой» левой руки. Во время игр, когда некогда было сосредоточиться, дела шли похуже, но мой коронный крюковой бросок все равно был очень эффективным независимо от того, имел ли я шанс сконцентрировать все свое внимание или нет.

После медкомиссии, рентгена, анализов крови и всего остального мне сказали, что до призыва у меня остается четыре месяца. На это время мне предложили поработать администратором в гостинице на побережье Красного моря. В гостинице постоянно собирались хиппи, всегда было очень много девушек. Одним словом, это было лихое, развеселое время.

Дни бежали быстро, и вскоре меня должны были забрать в армию. Отец спросил, не хочу ли я, чтобы он помог мне устроиться в какой-то определенный род войск? Я попросил его ничего не делать, потому что мне хотелось всего добиться своими силами. Кроме того, я и сам не знал, кем буду — пилотом или пехотинцем. Но особенно мне хотелось попасть в секретную

службу, потому что мне очень нравился Джоаф. Я о нем уже долгое время ничего не слышал и часто думал, где он сейчас.

Начинался совершенно новый этап в моей жизни. Я, конечно, волновался, но волнение это было приятное, связанное с большими ожиданиями.

В день призыва вместе с толпой восемнадцатилетних ребят я поехал на автобусе в Джаффу. Среди нас были израильские ребята польского, венгерского, русского происхождения, марроканцы, египтяне и некоторые другие. Мы прошли через очень долгую и утомительную процедуру собеседования, тестов, осмотров и в конце концов очутились в лагере Тел-Хасомер, в получасе езды от Тель-Авива. Первое, что бросилось в глаза, когда мы туда попали, — взвод солдат, бегающих взад-вперед, прыгающих на счет раз, два, три, четыре и выкрикивающих какой-то лозунг — что-то вроде того, что, мол, они пехотинцы. Везде были раскинуты палатки, все деревья были выкрашены в белый цвет, каждый камешек лежал на своем определенном месте, земля была чистой настолько, что, казалось, ее можно было есть. Усатые сержанты бегали вместе с солдатами. Нас выстроили для получения формы и каждому кидали по очереди зеленые майки, штаны, черные сапоги, нижнее белье, мыло, расческу, зубную пасту — в общем все, что полагается. В палатке нас оказалось восемь человек, мы быстро сдружились и часто задумывались, где мы все в конце концов окажемся.

Однажды, проходя мимо штаба, я остановился и обратил внимание на плакат, на котором был изображен парень, выпрыгивающий из самолета в открытое небо. Я смотрел на этот плакат и думал: «Ури, ты же не сможешь выпрыгнуть из самолета. Лучше забудь об этом». А потом какой-то другой голос во мне сказал: «Ури, а почему бы тебе не попробовать? Проверить, сможешь ли ты?» Я не спеша пошел в палатку, не переставая думать об этом. Мысли были самые противоречивые: «Попадешь туда, то уж не отвертишься». А потом: «Глупости, если я не захочу прыгать из самолета, никто меня не заставит. Если я вдруг передумаю, то меня просто снова отправят в лагерь».

Решившись, я пошел в штаб парашютных войск и подал заявление. Там снова прошел какие-то анализы, врач долго стучал меня по спине, по голове, проверял мои силы, заставлял нагибаться, подпрыгивать, приседать… Вокруг царило какое-то возбуждение и суета. Все получали специальные сапоги с толстыми подошвами, особые форменные рубашки, непохожие на обычные, и зеленый берет. Эта символика как бы отделяла тебя от всех остальных родов войск, давала дополнительный моральный стимул. Те, кто удачно проходил все прыжки и

полный курс обучения, получали красные береты.

На следующий день приятным сюрпризом для меня был приезд отца. Он спросил меня, на чем я в конце концов остановился, и, узнав, что я буду парашютистом, сказал:

— Ури, знай, это будет очень-очень тяжело.

— Я знаю, отец, — сказал я. — Но я играл в баскетбол, много бегал, плавал, нырял и уверен, что справлюсь.

— Ну что ж, попробуй. Я горжусь тем, что ты выбрал самое сложное. Но ты должен мне пообещать, что будешь стремиться стать офицером. Я сержант, но хочу, чтобы мой сын стал офицером.

Я ему сказал, что и сам этого хочу и приложу все свои усилия для достижения цели.

Нас отправили в фургоне в специальный лагерь, который находился примерно в часе езды от Тель-Авива, возле места, которое называлось Натанья. С нами также были новобранцы инженерных войск, и мы вначале заехали в их лагерь, чтобы их выпустить. С одним молодым парнем буквально истерика случилась, когда его попросили выйти из машины. Он упирался, кричал, плакал: «Я не сойду! Я хочу домой! Я не сойду!» Мы сидели и смотрели на это ужасное зрелище. Им пришлось его просто вытолкнуть и силой оттащить в сторону. У всех возникло впечатление, словно он направлялся навстречу смерти, будто шел на расстрел. У всех испортилось настроение. Я думал: «Боже мой, он идет всего-навсего в инженерное подразделение, а мы добровольно выбрали парашютные войска». До нашего лагеря мы ехали еще минут десять. У нас было о чем задуматься.

Когда мы подъехали к лагерю парашютистов, в машине оставалось всего восемь человек. Я нервно жевал жвачку. Когда спрыгнул на землю, вдруг увидел, что к нам направляется сержант. Выглядел он очень зло и сразу заорал: «Построиться!» Потом по очереди подходил к каждому из нас, спрашивал: «Как тебя зовут? Откуда ты?» Подойдя ко мне, он завопил: «Ты жуешь жвачку или со мной разговариваешь?!» Я настолько испугался, что проглотил свою жвачку и ответил «нет», потому что жвачки больше во рту не было. Но он снова заорал: «Выплюни ее!» Я продолжал утверждать, что у меня нет никакой жвачки, но он не мог успокоиться: «Ты ее жуешь! Выплюни сейчас же, черт побери! Я хочу увидеть ее на земле!» В конце концов мне пришлось сказать ему, что это невозможно, потому что я проглотил ее. Мне показалось, что он сейчас расхохочется. Но он сдержался. Потом он сказал нам:

— Послушайте, ребята. Вы сами выбрали этот род войск. Вы, наверно, плохо представляете, что вас здесь ждет. Я заставлю вас

буквально драть задницы. Вы будете вкалывать так, как вам никогда не снилось. Для начала мы сейчас же побежим вокруг лагеря, и я буду вам показывать, где что находится. Итак, оденьте рюкзаки на спины и за мной.

Одно дело просто бежать и совершенно другое, когда у тебя за спиной сорокакилограммовый мешок. Мы должны были бежать за ним в линию один за другим, но все время спотыкались и падали. Я думал, что я хороший бегун, но он черт знает что с нами вытворял. Он показал нам весь лагерь: столовую, синагогу, хранилище оружия — и, не останавливаясь, бежал вперед. По дороге он заявил, что в первые три месяца нам вообще никуда нельзя выходить и каждый день придется бегать по лагерю, хотим мы этого или нет. Если кого-то засекут, что он идет пешком, то всех разбудят среди ночи и заставят бегать до самого рассвета. Бегали мы и в самом деле каждый день. Сперва без оружия, потом с оружием. Потом в шлемах. Нагрузку все увеличивали и увеличивали. Если ты падал, тебя поднимали и толкали вперед. Некоторые теряли сознание. Тогда приходилось их тащить на себе, как будто они ранены. Мне на удивление становилось все легче и легче. Кроме марш-бросков, нас заставляли ползать, прыгать с высоких мест, залезать на деревья, ползать через бочки и проползать под колючей проволокой. Все это необходимо было проделать в течение трех минут. Кто не укладывался в три минуты, должен был повторять все снова, снова и снова. Тренировки становились тяжелее, но и тело тоже становилось крепче. Я ненавидел эти занятия, хотя постепенно привыкал к ним. Длительные марш-броски были самыми ужасными, даже хуже, чем просто бег.

А потом наступил самый знаменательный и важный день. Мы должны были прыгать из самолета, совершить свой первый прыжок. Честно говоря, мы все очень ждали этого момента. Волновались — получится ли? Хотя мы уже совершали учебные прыжки с парашютной вышки и с тренировочных устройств, имитировавших самолеты. Но на этот раз впервые нас ждал настоящий прыжок.

Мы плотно позавтракали и пошли в поле. Было жарко, я себя ужасно чувствовал. Одели парашюты, и к нам подкатили самолет. У меня было какое-то странное ощущение в животе. Мы залезли в самолет и сидели на скамейках, поглядывали друг на друга. Нас пристегнули к проводу, висевшему над головой. Мы без конца орали: «Хей-йо, хей-йо, хей-йо», пытаясь заглушить шум самолета и немного подбадривая друг друга. Самолет взлетел. Через несколько минут мы уже находились над точкой. Загорелась зеленая лампочка — сигнал, который означал «приготовиться».

Командир закричал: «Приготовиться!» По команде мы встали, и тут зажегся красный сигнал.

Во время того первого прыжка я, честно говоря, ничего не ощутил. Дверь открылась, ветер рванулся в лицо, проник в самолет, двигатели заорали еще больше. Я видел, как первый парень стоит в дверях, а потом его вдруг не стало. Все происходило очень быстро. И вот я уже стою у этой двери, а потом ба-бах — и меня уже там нет. Автоматически я закрыл глаза. Перед тем как открывается парашют, ты находишься в свободном полете метров пятьдесят и нужно считать про себя 21, 22, 23. На счете 24 парашют должен раскрыться. Если не раскроется, тебя ждут серьезные неприятности. И нужно срочно открывать запасной.

Вдруг я почувствовал, как меня слегка поддернуло, и я заорал: «Ура, у меня все получилось!» Это же так просто, убеждал я себя, совсем не страшно. Это же пустяк. Падаешь довольно быстро, даже когда раскрыт парашют. Видишь, как земля стремительно приближается: ближе, ближе, ближе. И ты должен приготовиться к этому. Я летел прекрасно, при приземлении сделал правильный поворот. И даже не ушибся. Одним словом, все было отлично, лучше не бывает. Но, увы, это был единственный раз, когда я приземлился правильно.

Уже следующий прыжок оказался таким, что я никогда в жизни его не забуду. Страх сковал меня, страшно крутило живот, потемнело в глазах. «Что я здесь делаю? — я все спрашивал себя и потом стал ругать себя. — Зачем я пошел в парашютисты?» Накатила новая волна страха, у меня затряслись коленки. Я практически не мог встать и подтянул себя к люку с помощью провода. Выхода у меня не было — за мной стояли другие ребята, подталкивая к выходу, и я прыгнул. Парашют раскрылся, и я увидел, как надвигается на меня земля. Меня охватила паника, я не сумел сделать правильный выход, поэтому приземлился очень неудачно и здорово ушибся.

Нам предстояло совершить семь прыжков для того, чтобы, получить красные береты. Следующий прыжок был назначен на очень раннее утро. Мы должны были выехать из лагеря в четыре часа утра, пролететь над пустыней Негев и там прыгнуть. Всю ночь мне снился кошмарный сон, как я прыгаю из самолета и парашют не раскрывается. Во сне я погиб, разбившись о землю. Сначала я очень испугался, а потом подумал, что, наверное, многим приснился такой же сон.

И все-таки мне не удалось окончательно выкинуть его из головы. Я снова вспомнил свой сон, садясь в фургон, чтобы ехать в аэропорт. И вдруг из-под колес выскочила белая собачонка и

побежала по дороге за нами. Но фургон, который двигался следом, наехал на собаку, и она тут же погибла. Это было как предзнаменование, и я впал в глубокую депрессию. Я, конечно же, вспомнил Тцуки, мою первую собаку, которая погибла таким же образом. Подумал о Джокере, оставшемся дома, и снова прокрутил в памяти кошмарный сон. Потом подумал: «Что-то произойдет во время прыжка». Но я никому ничего не мог сказать и почему-то даже не боялся. Просто знал, что что-то со мной случится.

Мы сели в самолет. Он взлетел. Мы летели над пустыней Негев к тому месту, откуда должны были прыгнуть. В самолете мы выстроились в очередь и направились к открытой двери. Я с трудом себя вытолкнул. Но что-то заставило меня на секунду остановиться в двери, перед тем как прыгнуть, и из-за этого я очень слабо оттолкнулся. Порывом ветра меня ударило о самолет и завертело. В довершение всего я запутался в стропах. Я считал: 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27. У меня оставалось секунд одиннадцать. Парашют не раскрывался. Я падал свечкой, так это называется и, как правило, означает конец, если не удастся раскрыть маленький парашют. За одиннадцать секунд мне нужно было успеть многое: отпустить мешок, в котором находилось оружие, потому что если это не сделать, то сломаешь при падении себе ногу, потом дернуть за кольцо запасного парашюта. У меня раскрылась только одна сторона, вторая никак не выпускалась, и я продолжал падать. Земля неумолимо приближалась, и я понял, что это конец. Я был еще в воздухе, когда вдруг все вокруг стало черным, и я почувствовал, что кружусь. Оказывается, на мое счастье, когда я выпускал запасной парашют, неожиданно раскрылся основной, а маленький упал на меня, облепил лицо, и глаза непроизвольно закрылись. Я пытался разглядеть землю, это было очень важно, чтобы не ушибиться, но ничего не получилось. По всем расчетам, я должен был быть уже у самой земли и пытался приготовиться к падению и удару — и тут действительно упал на землю. Искры посыпались из глаз — боль была невыносимая. Я молился Богу, чтобы такое больше никогда не повторилось. Это было ужасно.

Тем не менее мы все получили красные береты и серебристые крылышки. Но на этом наши испытания не кончились. Нам тут же велели сложить свои вещмешки и готовиться к десятикилометровому марш-броску по пустыне Негев. Нам постоянно напоминали, что обучение в основном происходит на земле, а не на воздухе.

Все это время ничего особенного со мной не происходило. Я держал при себе свое необычайное умение.

Теперь нам предстояло выполнить программу, по итогам

которой мы должны были стать капралами. В эту программу входило очень много различных военных маневров. Мне выпало быть пулеметчиком. Пулемет системы браунинг был очень тяжелый — около 80 кг — и состоял из трех основных частей: корпуса, ножек и коробки с боеприпасами. Я шел под первым номером в своей команде и поэтому должен был таскать самую тяжелую часть пулемета. Второй нес ножки, а третий — боеприпасы. Я никогда раньше не прыгал с такой тяжестью, и мне приходилось слышать рассказы о том, что на всем белом свете нет ничего тяжелее этого. Корпус пулемета состоял из огромного барабана, тяжелого цилиндрического ствола и механизма, подающего патроны.

План новой операции заключался в следующем: мы должны были в определенной точке спрыгнуть со своими тяжелыми орудиями и пешком двигаться десять километров в лагерь, неся на себе все пожитки. Мне пришла в голову идея, совершенно дурацкая, как я сейчас понимаю: поскольку мы не должны были в пути пользоваться пулеметами, я решил вынуть все самые тяжелые части нашего браунинга — барабан, и протяжный механизм — и спрятать их в мешке в лагере, а на следующий день преспокойно все это забрать. После того неудачного прыжка я очень волновался. И конечно, был полным дураком, что пошел на такой необдуманный шаг. Если бы меня тогда поймали, боюсь, пришлось бы провести немало дней на гауптвахте.

Но, как бы то ни было, тяжелые части я запрятал в свой мешок и оставил в палатке. Мы направились к самолету. Корпус пулемета был накрепко пристегнут ко мне, и даже это было очень тяжело. Прыжок в этот раз прошел хорошо. Я удачно приземлился и тут же стал паковать парашют, затем поднял пулеметный ствол и вместе со всеми начал десятикилометровый марш-бросок в лагерь. Пулеметный корпус, находившийся в специальном чехле, я забросил себе на спину. Обычно в дороге время от времени просишь кого-то другого понести его, потому что нести его без передышки практически невозможно. Но я знал, что если попрошу кого-нибудь об этом, то мой обман тут же вскроется. Один мой товарищ все время предлагал мне свою помощь, потому что вокруг все говорили: «Посмотрите на Геллера. Он эту чертову махину тащит один». И в конце концов я дал его своему другу немножко потащить в горку. Возвращая мне его обратно, он сказал, что на этот раз было непривычно легко — раньше он не мог пронести такой груз без отдыха даже несколько сотен метров. А теперь, похоже, он так окреп и поздоровел, что запросто с ним справляется. Я чуть было не рассмеялся, но тут увидел, как джип подъезжает к месту, где мы отдыхали. В нем сидел генерал, и я

тут же понял, что произойдет. Я схватился за голову и мысленно сказал: «Боже мой, сейчас нас заставят проводить маневры». Время от времени так бывало, когда приезжали высокопоставленные офицеры. Нам приходилось выполнять все так, будто враг действительно подходит, и пользоваться оружием с боевыми патронами. Нам было приказано рассеяться, установить орудия и приготовиться к стрельбе. И вот я со своим браунингом, в котором нет барабана, да и собственно ничего нет — голый ствол. Я не знал, что делать. Будь что будет — я решил не снимать чехол. Так и сделал. Я лежал, смотрел сквозь дуло пулемета в небо и видел яркий дневной свет. Ко мне подошел парень из моей команды с пулеметной лентой, и я сделал вид, что заправляю орудие, зная прекрасно, что ничего не произойдет. От стыда и страха мне хотелось закопаться под землю. Я понимал, что мне придется заплатить за это многомесячным пребыванием в штрафном батальоне. Это, разумеется, испортило бы всю мою армейскую карьеру. Сзади подъехал генеральский джип. Мы находились высоко на скале. Ждали приказа стрелять в предполагаемого противника. Я снова открыл крышку браунинга. Пулеметная лента просто болталась там. Я услышал, как сержант заорал: «Группа А, открыть огонь!» Они стали стрелять, а мы ждали своей очереди. Меня трясло, я едва не грохнулся в обморок. Генерал стоял прямо за нами. Я подумал, что если возьму свой маленький автомат «Узи» и положу его рядом с большим, то, может быть, получится изобразить какую-то стрельбу, хотя «Узи» звучал намного тоньше и выше, чем браунинг. Нам дали приказ открыть огонь, и я потянул на себя оба курка. В то, что произошло дальше, мне очень трудно поверить, даже до сих пор. *Я* знаю, что вряд ли мне вообще кто-нибудь поверит. Подтвердить это некому, и поэтому я могу только сказать, что именно так это и произошло — это не фантазия, не иллюзия и тем более не мои выдумки. Мне незачем выдумывать это, потому что это, безусловно, поставит под сомнение всю мою правдивость перед читателем. Короче говоря, факт остается фактом — оба курка были спущены, и оба орудия стали стрелять. Браунинг стрелял, и из него вылетали пули. Я не мог поверить своим глазам: как это может быть? Я два раза заглянул внутрь автомата: в нем не было механизма. У меня стремительно кончались патроны, и вот уже не осталось ни одной пули. Я тут же подумал о Боге и сказал: «Спасибо, Господи, что ты не оставил меня!» Один из офицеров, стоявших у меня за спиной, постучал мне по шлему и сказал: «Хорошая стрельба, солдат». Вокруг браунинга лежала целая куча пустых гильз, из пулемета капало черное масло. Я положил руку на браунинг и поцеловал

его. Я не понимал, как такое могло произойти. Я отказывался понимать. Это была полная загадка. Мне вспомнился тот случай, когда мы с отцом были на стрельбище несколько лет назад.

Я засунул автомат в мешок, наглухо застегнул его, и мы отправились в сторону палаточного лагеря. Когда мы туда добрались, я подбежал к мешку, где лежали остальные части автомата. Барабан был на месте. Я снова вернулся к браунингу, еще раз внимательно оглядел его — он, естественно, был пустой. И вдруг — я чуть не рехнулся, когда как следует осмотрел барабан. Когда мы уходили на маневры, он был чистый, блестел. А теперь он был грязный, то есть выглядел так, как он выглядел бы после стрельбы. Его нужно было чистить заново. Из этого барабана стреляли — тут даже вопроса не было. Но ведь он оставался в мешке, в лагере. Что это была за мистика — не знаю. Но клянусь, что все, что я рассказал, — чистая правда.

Я еще не отошел от шока, когда чистил пулемет. Я ни с кем не мог разговаривать. Я вспоминал Кипр, учителей, телепатию, все свои опыты, металл, который я гнул, часы, которые пошли, хотя были сломаны. Я думал про себя: интересно, это все явления одного порядка или, может быть, каждый раз происходит новый феномен? Я ни с кем не мог об этом поговорить. Приходилось держать язык за зубами, иначе кто бы мог поверить всему? Произошло очередное чудо. И оно очень меня испугало.

Глава 12. Ранение

События происходили одно за другим. Я стал капралом после 11 месяцев сурового обучения. Я несколько раз был дома в коротких увольнениях, видел маму, играл с Джокером, ходил на свидания, на дискотеки. Я был одним из пятерых счастливчиков в нашей группе, кого отобрали в школу офицеров, и мой отец гордился мной. Начиналась новая жизнь. Она была еще сложнее, потому что маневры продолжались, но, кроме них, нам нужно было за очень короткое время буквально напичкать головы огромным количеством знаний. Однажды во время учений в поле, во время сильного дождя, я устанавливал палатку и заметил невдалеке припаркованный джип, в котором сидел офицер. Присмотревшись получше, я понял, что это Джоаф. Я громко позвал его по имени. Он просто обалдел и закричал в ответ: «Ури, Ури, залезай ко мне!» Я забрался в кабину, и мы обнялись. Прошло столько времени с тех пор, как я видел его в последний раз. Я ему сказал: «Боже мой, Джоаф, я понятия не имел, что ты офицер в парашютных войсках». Он ужасно обрадовался, узнав, что я учусь в офицерской школе, и попросил меня обязательно позвонить, когда закончу обучение. Он спросил, занимаюсь ли я телепатией до сих пор, и сказал, что через какое-то время ее можно будет хорошо применить. Я был очень рад встрече с ним и надеялся увидеть его еще раз.

Вскоре после этого в моей жизни произошли две трагедии. У меня был очередной отпуск. Я поехал домой и обнаружил Джокера очень больным. Он еле двигался. Он был стар, и я знал, что все это естественно, но от этого мне не становилось легче. Бедный пес лежал на полу и единственное, что мог делать, — слабо махать хвостом. Я понимал, что он умирает, но все-таки сводил его к ветеринару, который сказал мне то, что я ожидал, но боялся услышать; Джокера придется усыпить. Я поцеловал его, прижал к себе и скрепя сердце оставил его в лечебнице. Я не могу описать, как мне было горько. Я еле сдерживался, чтобы не расплакаться, но не мог лить слезы в открытую, потому что не хотел, чтобы ветеринар видел, как плачет парашютист. Нужно было уходить, но я был не в состоянии двигаться. Перед самым выходом на улицу я остановился в дверях и чего-то ждал. Так я простоял, наверное, минут двадцать. Потом услышал выстрел и, уже не скрывая своих чувств, разрыдался.

Когда я вернулся в офицерскую школу после отпуска, то получил следующий удар. В газете я прочитал об инциденте на границе, в котором участвовали израильские силы в Иордании.

Погиб только один израильский офицер — это был Джоаф. Пуля попала ему в голову. Это была для меня очень тяжелая утрата, а если учесть еще и потерю Джокера, то можно понять, в каком я был состоянии. Мир перестал меня радовать, мне ничего не хотелось. Как-то машинально шел день за днем в офицерской школе.

Однажды ночью во время маневров в моем распоряжении было пять человек. Увидев красную сигнальную ракету, мы должны были вести прицельный огонь из нашего орудия, а потом отступать к позициям, на которых находился остальной взвод. Мы так долго ждали, что не заметили, как все заснули. Меня разбудил резкий удар в спину. Передо мной стоял офицер и требовал, чтобы я проснулся. Я сразу понял, что меня выкинут из школы. Так и случилось.

Не знаю почему, но я почувствовал какое-то облегчение. Все можно было начинать сначала. Огромная ответственность спала с моих плеч, и я даже физически почувствовал себя лучше, когда окончательно это осознал. Я понимал, что мне теперь придется вернуться в регулярные парашютные войска, но меня это абсолютно не волновало. Больше мне не нужно было напрягаться и переживать. Я съездил в Тель-Авив помочь маме переехать на новую квартиру, чуть получше, чем та, в которой мы жили. Мама теперь работала официанткой в небольшом кафе, и, честно говоря, меня это очень расстраивало. Я мечтал зарабатывать столько денег, чтобы маме не нужно было работать. Но пока, к несчастью, я ничего не мог поделать, нужно было закончить службу.

В лагере парашютистов я стал водителем нового типа бронетранспортеров, только что введенных в эксплуатацию. Иногда приходилось водить персональные автомобили командования. А потом у меня открылась пневмония и я попал в госпиталь с очень высокой температурой, ужасным самочувствием. Шел 1967 год, и ситуация в Синайской пустыне и на Суэцком канале становилась все хуже и хуже. В госпитале я видел, что все готовились к войне, особенно это стало заметно, когда начали заклеивать окна и маскировать операционные комнаты. В госпитале я пролежал около месяца. Потом воспаление вроде бы прошло и меня отправили окончательно выздоравливать на специальную армейскую станцию, которая называлась «Курорт N 3». Пища там была хорошая, и единственное, что от тебя требовалось, — это отдыхать и выздоравливать. Кинофильмы, игры, пианино — все это помогало, создавало хорошую атмосферу. Однажды я наигрывал на пианино какую-то нехитрую мелодию и ко мне подошла одна

из девушек-офицеров, помогавших вести хозяйство лечебницы. Ее звали Яффа. Она была изумительно хороша собой. Я смотрел на нее, а она на меня. Мне кажется, это был один из тех редких случаев любви с первого взгляда. Я влюбился в нее так сильно, что не мог больше ни о чем думать. Яффа была высокой, очень стройной, у нее были черные волосы и удивительные зеленые глаза. Я таких девушек еще не встречал. Все произошло само собой — я зашел к ней в комнату к через несколько мгновений испытал одно из самых волшебных ощущений в своей жизни.

На следующее утро я проснулся с чувством, что нахожусь в раю. Мы теперь с ней виделись каждую свободную минуту. Ничего подобного у меня не было ни с Хеленой, ни с Пэтти. Я признался Яффе, что люблю ее и не могу даже представить себе, что когда-нибудь мне придется расстаться с ней. Она сказала, что тоже любит меня. Но она не договаривала что-то очень серьезное. Мне ничего не хотелось знать, кроме того, что она по-прежнему любит меня. Но она сказала, что помолвлена с кем-то другим и любит его тоже, но иначе. Я был в отчаянии и не знал, что сказать. Я не хотел верить и твердил, что люблю только ее, не в силах понять, как она может любить еще кого-то другого одновременно. Правда, я тут же вспомнил Пэтти и Хелену и мне стало стыдно за то, что я любил их обеих. Но от этого легче не становилось. Она пыталась мне объяснить, что каждая любовь разная, что она не может бросить того мужчину, за которого вот-вот должна выйти замуж. Увы, у меня оставалась всего-навсего одна неделя на «Курорте N 3».

Однажды мы с Яффой поднялись на гору Кармел и оттуда смотрели на Хайфу. У меня было ощущение, будто я слегка пьян. Она была в моих объятиях, и мне было очень больно от мысли, что она принадлежит еще кому-то. Она призналась, что ей лучше со мной, что ее постоянно влечет ко мне. Но своего суженого она знала с 13 лет и считала, что не имеет права разрывать с ним отношения. Это было ужасное чувство, просто ужасное.

Она дала мне список всех мест, где она будет в ближайшие месяцы, и мы поклялись, что будем встречаться при каждом удобном случае, при первой же возможности.

Я получил разрешение съездить домой на два дня перед тем, как вернусь в армию. Сердце мое было разбито. Я тщетно пытался забыть ее.

К тому времени международная ситуация предельно осложнилась. Пришло сообщение, что египтяне закрыли вход в Суэц и заминировали его. Все говорили о войне — на улицах, в кафе, в лагерях. В то утро, когда я должен был вернуться в лагерь, меня разбудил яростный вой сирен, прозвучавших по всему Тель-

Авиву. Это были сирены войны. Настоящие сирены, не учебные, которые немного повоют и прекратятся. Было объявлено по радио, что израильские силы направляются в глубь Синайской пустыни. Началась самая настоящая война.

Я в спешке оделся, торопливо попрощался с мамой и на своем мотороллере на бешеной скорости помчался в свою часть. Я очень нервничал, переживал, что моя часть покинула места дислокации. Нажимая рукой на гудок, я проехал все перекрестки на красный свет и нашел свою часть в полной боевой готовности с бронетранспортерами, загруженными и ожидающими приказа. Из-за того что меня долго не было на месте, мне не разрешили управлять машиной. Вместо этого я стал командовать взводом из 8 человек — экипажа машины, ехавшей вслед за бронетранспортерами. Я выдал им оружие, шлемы, одел свой бронежилет, и мы были готовы. Время шло к вечеру, но мы все еще не знали, куда направляемся. Я все время смотрел в комнату, где собрались все старшие офицеры. Одни говорили, что мы едем к Голанским высотам, другие — что направляемся на правый берег Иордана или в Синайскую пустыню. Никто не знал толком, даже офицеры. Мы все буквально прилипли к транзисторным приемникам. До нас дошли слухи, что в Синае были захвачены многие арабские деревни и что наши войска дошли до Суэцкого канала. Война шла вовсю.

Я очень много думал о Яффе. Но потом мной овладели какие-то очень странные чувства. Я почувствовал: что-то должно случиться со мной. Я вспомнил льва в зоопарке, мамину аварию в такси, свой сон перед вторым парашютным прыжком. Я не на шутку перепугался, потому что до сих пор все, что я предвидел, непременно случалось. Я не верил, что меня убьют. Скорее всего — ранят. Я молился и просил Бога, чтобы он спас меня от смерти.

Лишь на рассвете, где-то в три часа, мы наконец-то узнали, что направляемся в Иерусалим. А через час мы уже были в дороге. Иногда останавливались, ждали, потом снова ехали по дороге, постоянно получая новые инструкции. Нас часто обгоняли танки, военные самолеты постоянно летели над нами в сторону Синая. Где-то в стороне жужжали вертолеты. Я снова вспомнил Яффу, подумал о своей маме, подумал о том, что, возможно, буду ранен. Мы двигались очень медленно, прошли почти сутки, с тех пор как тронулись в путь. Наступила ночь. Мы постоянно спрашивали офицеров: «Что же все-таки делать, что происходит?» А они обеспокоенно отвечали, что не знают. Из штаба совсем не было новостей. Опять нужно было ждать.

Ночью мы получили приказ рано утром двигаться. Я приказал восьмерым солдатам, которыми командовал, заправить

бронетранспортеры и вернуть пустые канистры в автомобиль командования, где их снова заправят из большего танкера, который шел за нами. Я тоже схватил канистру и пошел к одному из бронетранспортеров, чтобы заправить его. Подойдя, я окликнул солдата, который сидел наверху. Это оказался Авраам Стедлер, мой приятель по прежней части. Он мне приветливо крикнул: «О, здорово, Ури. Заправишь?» Я посмотрел Аврааму в глаза, он тоже взглянул на меня, и я почувствовал, что он сегодня погибнет. Это было ужасное ощущение. Я даже прекратил заливать бензин и спросил, чем он там наверху занимается? Он ответил, что он стрелок и сидит за пушкой у броневика. Я поинтересовался, как он себя чувствует, и услышал: «Все в порядке». Больше я не знал, что сказать. Пытался сообразить, как можно его спасти, но не мог. В конце концов я спросил: «Авраам, могу ли я пожать тебе руку?» Он удивился: «Зачем?» Мы пожали руки, я повернулся и ушел, не оборачиваясь, не глядя на него. Я пошел прямо к машине и буквально упал на сиденье. Я сказал себе: «Боже, для чего мне все это знать. И почему об этом больше никто не знает. Могу ли я как-нибудь спасти Авраама?» Нет, я не знал как.

Я не мог уснуть в ту ночь перед боем. Я неотрывно думал о Яффе, представлял себе, как было бы здорово, если бы мы поженились. «Интересно, что она делает сейчас? Думает ли она обо мне?»

Начался рассвет. Лучи солнца зажгли небо и горы. Мы вышли на шоссе, ведущее к иорданской границе. Уже слышны были вдали стрельба, взрывы, грохот пушек и танков. Там шли бои. Мы направлялись к месту, которое называлось Рамала. Оно находилось в нескольких милях от Иерусалима. Нам сказали, что часть наших парашютистов уже в городе. И в связи с этим мы получили задание перекрыть дорогу от Рамалы к Иерусалиму, чтобы иорданцы не смогли воспользоваться ею. Вдруг без всякого предупреждения со всех сторон началась пальба. Было впечатление, что мы окружены, как бы находились в центре. У нашей машины не было никакой бронированной защиты, поэтому пришлось подъехать и вплотную встать за бронетранспортером. Я услышал команду по рации — пропустить танки «Шерман», чтобы они открыли огонь по горам.

В небе было много наших истребителей. Я увидел, как один из наших самолетов сбросил бомбу с напалмом и по ошибке попал на одну из наших машин. Это был какой-то кошмар. Везде стрельба, взрывы бомб, пикирующие истребители. Мы долго не могли понять, откуда в нас стреляют. Мы знали только, что откуда-то со стороны горы, находившейся прямо перед нами.

Вскоре нам сообщили, что там расположились иорданские танки, обстреливавшие дорогу, чтобы не допустить нас до Рамалы. Нам было приказано спрятаться за камнями и ждать. Я велел своему взводу вылезти из машин м залечь за кладбищем, которое находилось невдалеке. У нас с собой были только легкие пистолеты. Когда мы бежали в сторону кладбища, я несколько раз спотыкался о тела арабов. На одном из них была наброшена какая-то материя. Я еще подумал: спит он, что ли? Сняв ткань, я увидел, что это было тело иорданца, буквально изрешеченное пулями. Я снова накрыл его и, догнав своих, убедился в том, что они надежно укрылись за стеной. Безумная какофония автоматов, самолетов, танков, рации, была просто невыносима. Стена в общем-то нас плохо защищала, потому что стрельба шла со всех сторон. Я на мгновение отошел в сторону, чтобы проверить своих людей, и попал на открытое место. Вдруг я почувствовал, что моя голова словно куда-то отлетает от меня. Я не сразу понял, что случилось. Секунд через двадцать я почувствовал ниже плеча что-то мокрое и посмотрел на руку. Рубашка была вся в крови. Я испугался, потому что мне показалось, что пуля проникла куда-то глубоко в меня. Я перепрыгнул через стену и стал звать: «Човеш, чо-веш!» (Это израильское слово, которое обозначает «медик».) Медика рядом не оказалось, но подбежал солдат и сорвал с меня рубашку. Кровь капала из раны на левой руке. Солдат достал бинт из аптечки первой помощи и перевязал мне руку. Я не ощущал какой-либо боли, просто было очень много крови. Она постепенно останавливалась, поэтому я продолжал командовать. Иорданские танки направлялись в нашу сторону, и вокруг не было ни одного безопасного места. Мы были полностью во власти Бога. Наши танки шли вверх в гору, которую мы почему-то называли французской горой, и сходу обстреливали иорданские позиции. Но танки-то врага тоже стреляли в нас и пытались сбросить наши силы с горы. Я заметил один из иорданских танков в открытом поле в четверти мили от нас, он стрелял в нашу сторону. Один из наших бронетранспортеров выехал и встал перед кладбищем, перекрывая дорогу вражескому танку «Пэттон». Я тут же понял, что в этом бронетранспортере находится Авраам.

Я отчетливо видел всю эту сцену. Это было как в кино, не как в жизни. Орудия танка «Пэттон» и бронированной машины Авраама на мгновение затихли. Потом наш капитан заорал: «Огонь!» Я не видел Авраама, но, знал, что он сидит за пушкой. И он открыл огонь. Я видел, как снаряд взорвался в четырех метрах сбоку, не попав в арабский танк. Ничего не произошло. Я видел, как капитан снова посмотрел в люк бронированной машины и снова закричал: «Огонь!» Но было поздно. Иорданский танк

выстрелил раньше. Я услышал громкий взрыв и увидел, как машина Авраама отскочила в сторону и перевернулась. Не было никакого дыма, никакого огня, просто какой-то странный треск. Я видел, как капитан медленно сполз с люка, и услышал какой-то глухой разрыв глубоко внутри машины. Вдруг все стало тихо. Я знал, что Авраам внутри и что он мертв. Я был потрясен всей этой сценой. Разные мысли проносились в моей голове. А танк иорданцев тем временем приближался к нам. Я крикнул одному из солдат, находившемуся недалеко от меня: «Давай двинемся туда, узнаем, есть ли там кто-нибудь живой?» Мы перепрыгнули через забор кладбища и побежали в сторону машины Авраама. Танк «Пэт-тон» приближался все ближе, но мы не обращали на него внимания. Подбежав к машине, я дотронулся до нее — она раскалилась до красна. Я резко отдернул руку. И вдруг увидел, что из нижнего люка кто-то вылезает. Это был водитель. Одной ноги у него не было, вместо нее висел бесформенный кусок мяса. И сам он был чуть живой. Мы стали его оттаскивать. Танк «Пэттон» был уже совсем близко. А потом мы вдруг услышали еще один взрыв, еще один страшный удар, и иорданский танк взорвался. Волна взрыва задела нас, и мы упали. Когда дым рассеялся, мы увидели, что танк горит и никто из него не вылезает. Тогда мы вскочили и потащили нашего раненого водителя в сторону дороги. Он был в сознании, но очень бледный, и словно в забытьи твердил: «Меня подбили, меня подбили…» А потом спросил: «Где я? Куда меня ранило?» Я еще раз взглянул на него и мне показалось, что одной ноги у него вообще не было. Вдруг он спохватился: «О, Господи, а мой член в порядке? На месте?» Я снял с него штаны и посмотрел. У него там ничего не осталось — на этом месте зияла рваная рана. Я глубоко вздохнул и попытался собраться с силами. Мы с трудом дотащили его до маленького арабского домика, нашли носилки и уложили его. Он спросил: «А вертолеты будут?» Я достал рацию, но она была прострелена и, естественно, не работала. Все же я сделал вид, что вызываю кого-то. Я говорил в абсолютно мертвый микрофон: «Эй, вы там, слышите меня? Вы направляетесь к нам? Мы вас ждем», потом повернулся к раненому парню и сказал: «Вертолеты уже вылетели, потерпи».

Я заметил, как его лицо немного расслабилось. Мне казалось, что и в самом деле скоро прилетит вертолет. А потом вдруг опять раздались очень сильные взрывы прямо рядом с нами. Чуть в стороне стоял большой иорданский фургон, в котором, судя по всему, были канистры с бензином. Его охраняли три арабских солдата, а еще несколько человек прятались за камнями и стреляли в нас. Мои люди тоже ответили огнем. Совсем рядом с

ними я увидел израильского солдата с базукой, но он, похоже, был контужен и не мог стрелять. Сам я не умел пользоваться базукой и поэтому закричал, спрашивая, есть ли кто-нибудь, кто может пользоваться ею. Два наших солдата подбежали, выхватили базуку у контуженного парня. Я сказал им, чтобы они постарались спокойно прицелиться и направить свой удар точно по фургону. Вокруг было столько пальбы, что трудно было сохранить спокойствие.

Но они все же выстрелили по моей команде. Я видел, что снаряд был направлен точно в фургон и попал прямо в него. Раздался сильный взрыв, и фургон превратился в сноп пламени. Я посмотрел на гору и увидел, что из небольшого строения ведется прицельный огонь. Я решил взять несколько своих людей и атаковать эту точку. Мы потихонечку стали забираться в гору, обходя с тыла то непонятное строение. Двое моих людей шли за мной.

Вдруг из-за камня выпрыгнул арабский пехотинец и два раза выстрелил в меня, но не попал. Не знаю, как он умудрился промахнуться, это еще одна мистическая история в моей жизни. Он ведь был всего в тридцати метрах от меня. Не спуская с него глаз я выхватил пистолет и выстрелил в него навскидку примерно с уровня своей поясницы. Спуская курок, я успел посмотреть ему в глаза и разглядел усталое, смуглое, усатое лицо. Я стрелял и думал об Аврааме, о водителе, который умирал, обо всех раненых, лежащих вокруг. Но никакой жалости во мне не появилось. Я знал, что идет война и, значит, нужно воевать и что если я его не убью, он убьет меня. Он упал.

Ребята, которые были со мной, тоже стреляли. Вообще все, что происходило, напоминало приключенческий кинофильм или какой-то сон. Казалось, что в любой момент можно проснуться, что все какое-то ненастоящее. Но раненая левая рука снова заболела, напоминая мне, что это вовсе не сон. Дым и пули вокруг, увы, были настоящие. Но я все же не мог отделаться от бредовой масли: «А может быть, это действительно сон?»

Если так, то это был очень страшный сон. Настоящий кошмар. Разобраться в том, что происходит, было уже невозможно. Вокруг только взрывы и непрерывный свист пуль. *Я* не знаю толком, что дальше произошло. Может быть, рядом разорвался танковый снаряд, граната или что-то еще, но я вдруг почувствовал, как что-то угодило мне в правое плечо и в голову — прямо над глазом. Вдруг все вокруг потемнело и я рухнул в небытие. В последнюю долю секунды перед тем, как потерять сознание, я подумал: «Я умираю». Мне не было страшно. Я даже удивился, что смерть приходит так просто.

Когда я пришел в сознание, то оказалось, что нахожусь в чистой постели, руки и голова были забинтованы. Судя по всему, я находился в госпитале. В тот момент я ни о чем не мог думать, кроме как о Яффе: «Интересно, она знает, что случилось со мной?» Только потом я вспомнил об отце, о маме. Оглядевшись в комнате, я увидел, что в ней очень много других раненых солдат.

Мне удалось позвонить маме, и я сказал ей, что не смогу в ближайшее время вернуться домой. Но не стал говорить, что лежу в госпитале. От нее я узнал, что отец тоже воюет где-то на Синае. Я дозвонился Яффе, поначалу тоже не говорил ей, где нахожусь. Но она сказала, что очень хочет меня видеть. Пришлось признаться и все ей рассказать.

В госпитале я провел три недели. Мне повезло: раны оказались не слишком серьезные. Похоже, осколок лишь вскользь задел мой лоб, раны на руках были более глубокие, но тоже не такие, чтобы слишком сильно переживать. За два дня до выписки ко мне пришла Яффа. Мне было так хорошо с ней. Но вскоре пришлось расставаться. Мы виделись совсем недолго. Ей, к сожалению, нужно было возвращаться в свой лагерь в Хайфу. А мне предстояло пройти большую медицинскую комиссию. Естественно, я мечтал только о том, чтобы поскорее попасть в Хайфу и быть с ней вместе. Но потом я решил: «Это не может так дальше продолжаться. Она же не может всю жизнь любить двух людей». Мне хотелось быть сильным, как-то прожить без нее, попытаться ее забыть. Я с ней говорил по телефону, и она опять повторила, что скоро выходит замуж, но по-прежнему любит меня. Говорила, что ей нелегко. Мне тоже было трудно, но еще и по другим причинам. Я видел, как гибнут мои друзья, снова видел эту ужасную картину боя. Каждый раз, вспоминая Яффу, я впадал в глубокую депрессию. Но говорил себе: «Посмотри на этих ребят. Они ведь вообще не дожили. Они мертвые, они сейчас *в* земле, где нет ничего, нет любви — полная пустота. А тебе повезло. Ты же жив».

Мне было отпущено три месяца, за которые я должен был полностью поправиться. Делать было совершенно нечего. Поэтому я стал искать работу. Одна знакомая девушка из Тель-Авива сказала мне, что устроилась инструктором в лагере отдыха для детей, и предлагала поработать там вместе с ней. Я согласился. Хоть немного заработаю, да и жить буду рядом с Тель-Авивом. Моя левая рука и плечо были в гипсе, но с правой все было в порядке. Она зажила, только остались небольшие шрамы. А вот левая болела. И даже когда сняли гипс, нужно было какое-то время ходить на лечение. Врач сказал, что руку необходимо постепенно разрабатывать и тогда я, может быть, смогу

полностью ее вытягивать. Это меня немного огорчало, но, после того что случилось с моими друзьями, у которых не было ног, рук, глаз, я понимал, что мне сильно повезло.

Оглядываясь назад, понимаю, что именно этот детский лагерь стал поворотным, решающим моментом моей жизни, резко изменившим всю мою дальнейшую судьбу. Там, по сути дела, и начались последовательные и целенаправленные сеансы демонстрации моих странных энергетических сил. Лагерь назывался «Алумин» и находился приблизительно в часе езды от Тель-Авива. На территории росли роскошные пальмы, был приличный плавательный бассейн, спортивные площадки. Отдыхало там около 200 детей в один заезд. Через каждые три недели был новый заезд. Меня оформили инструктором. В мои обязанности входило, чтобы ребята не скучали и не безобразничали. В одной из моих групп был парнишка лет 12–13 по имени Шимшон Штранг. Кто-то придумал ему кличку Шипи. Я часто сидел с ним и другими ребятишками на зеленой лужайке и рассказывал им всевозможные истории и сказки. Я рассказывал про пещеры на Кипре и те фантастические истории, которые придумывал для ребят в классе миссис Агротис, Шипи требовал от меня все новых и новых рассказов. И в конце концов я ему рассказал о некоторых странных вещах, которые со мной случались на протяжении всех этих лет.

Я решил попробовать заняться телепатией, повторить кое-что из того, что у нас получалось с миссис Агротис, и обратил внимание на уникальные результаты тех экспериментов, которые я проводил с Шипи. Я записывал цифры так, чтобы он не мог их видеть, и он каждый раз абсолютно точно угадывал их настолько постоянно, что я был просто потрясен. Иногда он уходил наверх к зданию, рисовал там какие-то картинки, которые прятал в конвертах, а я сидел внизу на траве и рисовал те же самые вещи. Я пытался повторить это с другими ребятами, но с ними так не получалось.

Потом мы стали гнуть разные предметы — ив общем-то выходило у всех, но у Шипи опять же в десятки раз лучше, чем у остальных. Если большинству ребят с моей помощью удавалось согнуть ключ или ложку на угол 10–15°, то у Шипи в мгновение ока все предметы сгибались под углом 90°. Я недоумевал — чем же он отличается от остальных?

Шли дни, и мы с ним продолжали заниматься нашими экспериментами уже вдвоем в свободное от моей работы время. Мы сидели и гнули гвозди одним мановением руки, заставляли бегать по кругу с бешеной скоростью стрелки часов и т. п. Он немного рассказал мне о себе. Оказалось, что его отец немец, а

мать русская. У Шипи были две старшие сестры — 19-летняя Ханна и Шошанна, которой было около 20 лет. Скоро они должны были приехать в лагерь навестить его.

Мне очень понравилась Ханна. Я бы не сказал, что она была красавица, но у нее было милое, привлекательное лицо с очень индивидуальными чертами. Ее зеленые глаза напоминали мне Яффу. Я рассказал ей про все, что происходило с Шипи. Попробовал некоторые из наших экспериментов на ней, но результаты были очень слабые. И тогда мы с Шипи продемонстрировали ей этот феномен. На нее это произвело колоссальное впечатление, она никак не могла поверить своим глазам.

Перед тем как Шипи уехал, я записал его адрес и обещал обязательно найти его. Тем временем я получил известие, что не могу вернуться в парашютные войска из-за характера ранений. В общем-то я был даже рад этому. У меня оставалось всего восемь месяцев службы, и, поскольку война к этому времени уже закончилась, мне было практически безразлично, где их провести. Меня направили в регулярные войска, где поручили заниматься поиском дезертиров.

Работа моя состояла в том, что я приезжал на мотоцикле в маленькие деревушки и проверял все дома в поисках тех, кто избегал службы в армии. Когда я их находил, то заставлял подписать бумагу о том, что они явятся на следующий день в армейскую базу. Я объездил очень много мест до самого Иерусалима, пробираясь через горы, через огромные орошаемые поля, через оккупированные арабские деревни. У меня было время подумать. Я думал о войне, о друзьях, которые погибли, о том, какой будет мирная жизнь, о том, что происходит с человеком, когда он попадает на войну. Я не мог понять, как наш разум соглашается с этим диким разрушением и уничтожением. Мне хотелось, чтобы больше ничего подобного никогда не происходило. Я закрывал глаза и снова видел тяжелораненых парней, видел солдат, которые выглядели как какие-то чудовища — без глаз, без ног, без рук, парней в колясках, которые на всю жизнь к ним теперь прикованы. Попробуйте себе представить, что вам двадцать лет, а вы не сможете больше заниматься любовью. Дико. Страшно. Но, может быть, если парень умирает молодым, это угодно Богу? Может быть, по какой-то причине он нужен Богу именно таким и он его тут же забирает? Нет мне ответа…

Теперь я чаще виделся с отцом. Он жил в местечке Гива-таим, неподалеку от Тель-Авива. К тому времени он сошелся с одной молодой женщиной, много моложе, чем он, и жил с ней. Сам он по-прежнему выглядел здорово, был стройным,

подтянутым, и его возраст было очень трудно определить. Я всегда мог прийти к нему в гости со своими девушками. И мы все хорошо понимали друг друга, не чувствуя никаких возрастных барьеров.

Однажды я ехал от отца и совершенно случайно увидел на улице Шипи. Честно говоря, я не сдержал своего обещания найти его. Мы оба очень обрадовались, увидев друг друга, и я узнал, что он живет совсем недалеко от моего отца. На следующий же день я приехал в гости к Шипи и его семье. У него были очень приятные родители — добрые и интеллигентные люди. К тому же я был счастлив видеть Ханну.

Их отец рассказал мне, что, вернувшись из лагеря, Шипи ни о чем больше не мог и не хотел говорить, кроме наших с ним удивительных экспериментов. Я ближе познакомился с Ханной и стал встречаться с ней. У нас были очень необычные отношения — любовь, совершенно непохожая на все, что было у меня раньше.

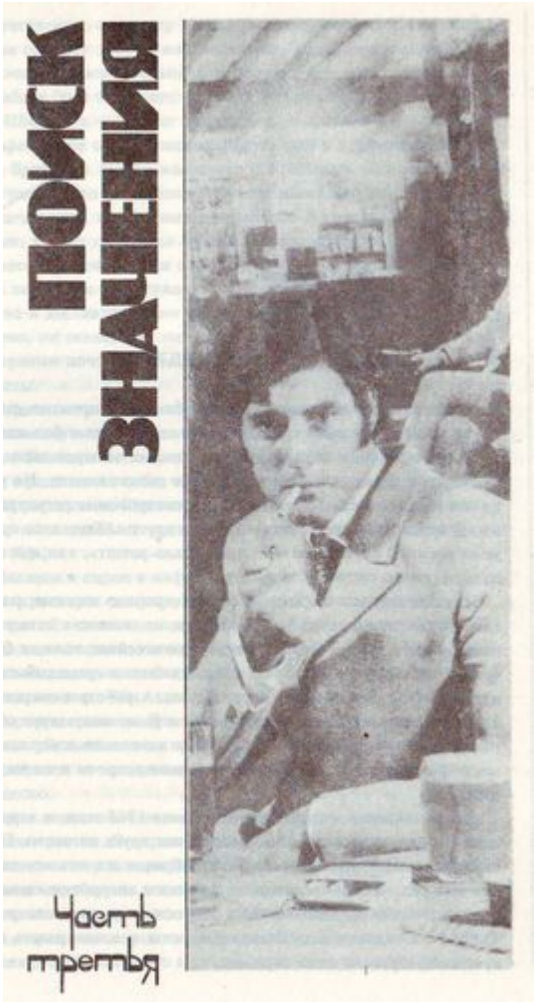
Со временем я стал как бы членом их семьи, так мы все были друг к другу привязаны. Шипи готовился к бар мицва, я был, конечно, приглашен на церемонию.

Шипи рассказал учителям в школе про те удивительные вещи, которые происходили с ним в лагере, и никто ему, разумеется, не поверил. Тем не менее директор школы сказал ему, что в школе есть фонд, из которого они платят за выступления на воскресных митингах, и если я стогу прийти и продемонстрировать свои возможности, то они смогут заплатить 36 фунтов. Шипи не сомневался в том, что учителям и ученикам обязательно очень понравится. Я подумал, что это прекрасная идея, — ведь еще не кончилась моя служба в армии и мне нужны были деньги. Поэтому я согласился и вместе с Шипи пошел в школу. Волнуясь, я вошел в зал, до отказа забитый ребятами и учителями, сидевшими на первых рядах.

Тогда ж первый раз в жизни поднялся на сцену и предстал перед зрителями. Не знаю, может быть, я родился профессионалом, но мне очень понравилось это ощущение. Я, правда, никак не мог объяснить, что им предстоит увидеть, не знал, как объявить программу. Тогда я просто сказал: «Смотрите внимательно» — и начал демонстрацию. Сперва я занялся телепатией. Мне в этом помогала школьная доска. Я поворачивался к ней спиной, и пытался отгадать, что разные дети рисовали на ней. Кроме того, Шипи заранее попросил, чтобы учителя приготовили свои рисунки и заклеили их в конверты, принесли из дома сломанные часы, ключи и ложки. В этот вечер у меня все получалось. Представление продолжалось более двух

часов. Никто не хотел уходить домой. Все аплодировали. Больше всего я был поражен реакцией зрителей. Хотя тогда я еще не понимал, что именно в этот момент во многом была решена моя будущая жизнь. Я, конечно, не задумывался о том, к каким сложным задачам и выводам все это меня приведет, и о том, что мое имя скоро станет известным во всем мире.

ЧАСТЬ III. Поиск значения



Глава 13. Менеджеры

Мне понравилось выступать перед публикой и приятно удивило то, что так успешно проходили демонстрации в больших аудиториях. Можно сказать, что из каждых четырех экспериментов три удавались. Зрители как бы помогали мне. Но у меня и в мыслях не было делать такие выступления регулярными. Я думал в то время совершенно о другом. Кончался срок моей военной службы, и мне предстояло решать, как жить дальше.

Джоафа больше не было, и во мне пропало желание работать на секретную службу. Мое сердце не лежало к этому прежде всего из-за того, что тогда, как и сейчас тоже, я был человеком общительным, мне хотелось быть в гуще событий, встречаться с самыми разными людьми. А работу в секретной службе пришлось бы скрывать, резко ограничивать круг общения и как бы замкнуться в себе. Меня же влекло совершенно иное — живая, интересная жизнь, новые встречи и впечатления.

Демобилизовавшись из армии в конце 1968 года, я вернулся домой и как-то раз случайно повстречал друга из части. Его отец был владельцем текстильной фабрики, и в тот момент они как раз искали человека, владеющего английским языком, для того чтобы наладить связи с закупочными организациями в Канаде и Соединенных Штатах Америки, рекламировать продукцию фабрики в этих странах.

Естественно, поначалу нужно было поучиться, освоить непростую систему экспортной политики. Тогда мне все это казалось очень привлекательным, и поэтому я решил взяться за эту работу, тем более что фабрика находилась в двух шагах от дома Шипи и я часто мог заходить к ним. Мы с Ханной были в то время уже очень близкими друзьями, а с Шипи стали чуть ли не братьями. Шипи настолько понравилась моя первая демонстрация, что он организовал еще несколько выступлений в других школах, на частных вечеринках. Несмотря на юный возраст, у него уже тогда были прекрасные задатки профессионального менеджера. Мы зарабатывали, правда, всего по 7 долларов за каждое выступление, но зато они проходили очень здорово и доставляли нам массу радости. Я всерьез к этому, конечно, не относился, меня просто удивляло то, что эти демонстрации почти каждый раз давали такие потрясающие результаты.

Яффа вышла замуж, но мы все еще любили друг друга и по-прежнему встречались несколько раз в месяц. Я знал, что все это безнадежно, и она тоже все понимала. Но мы даже не могли

представить себе, что когда-нибудь придется окончательно расстаться. Конечно, я встречался и другими девушками, но ни к одной не испытывал такого же сильного чувства, как к Яффе.

Однажды я сидел в кафе и ждал друга и вдруг заметил очень красивую девушку, сидевшую за соседним столиком. На вид ей казалось лет 19–20, у нее были ясные голубые глаза, каштановые волосы и маленький носик. Кроме того, она была изумительно сложена и выглядела чертовски привлекательно. Мы долго смотрели друг на друга и наконец разговорились. Я не мог удержаться от того, чтобы не сказать ей, какая она красивая. И сам не заметил, как попросил ее о свидании в тот же вечер. Звали ее Айрис Давидеско.

Айрис оказалась тем человеком, которому я мог выложить все свои чувства. В первое же свидание, просидев в кафе много часов, мы переговорили буквально обо всем. Потом, получше узнав друг друга, мы стали придумывать разные игры, например пытались угадать, чем занимаются окружавшие нас люди, определяя в них то миллионера из Техаса, то школьного учителя, то убежденного вегетарианца. Иногда мы даже останавливали людей, чтобы проверить, и, как выяснялось, очень часто угадывали.

Мы стали проводить вместе почти все свободное время. И вдруг я с удивлением узнал, что ей всего-навсего 15 лет. В это невозможно было поверить, потому что выглядела она и держалась так, словно ей уже все 23 — именно столько было мне в то время. От сознания этого мне было как-то не по себе, тем более что я, кажется, начинал в нее влюбляться. По крайней мере, общение с ней для меня очень много значило, *я* мы, разумеется, продолжали встречаться. Ханна узнала про Айрис, и я видел, что ей это причинило какую-то боль. Но мы с Ханной были близки, скорее, как брат и сестра.

Айрис пару раз побеждала на конкурсах красоты, и рекламное агентство пригласило ее на работу в качестве фотомодели. Однажды она спросила меня, не хотел бы и я сняться с ней для одной рекламы? Почему бы не заработать немного денег в придачу к тем 500 фунтам в месяц, которые я получал в компании по экспорту, и я снялся вместе с Айрис в рекламе пива. Признаюсь, я был наверху блаженства, когда эта реклама вышла.

Без всякого сомнения, я человек со здоровым честолюбием. Реклама только подогрела во мне это чувство, хотя весь парадокс был в том, что сам я пива практически никогда не пил.

Слухи о моих сеансах распространились очень широко. Шипи работал не покладая рук. Количество выступлений увеличивалось с каждой неделей. И теперь мы зарабатывали значительно

больше. Вместе с остальными моими заработками и основной зарплатой денег стало довольно много, и наконец-то появилась возможность предложить маме, чтобы она перестала работать. Я сказал ей о том, что всегда ждал этого дня, ведь только благодаря ей я выжил в эти тяжелые годы, благодаря ей был здоров и никогда ни в чем не нуждался. Как прекрасно, что теперь я мог ухаживать за ней. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

К тому времени уже почти каждая газета в Израиле успела написать о наших выступлениях. Мне все чаще стали звонить менеджеры, предлагая заключить к ними контракт. Шипи, к сожалению, был еще слишком молод и к тому же учился в школе, поэтому не мог работать со мной на постоянной основе. Я было попробовал работать с одним менеджером, не подписывая никаких условий. Но ничего не вышло. У меня не хватало опыта.

В конце концов пришлось подписать договор с довольно известным профессиональным менеджером, толком даже не разобравшись, в чем заключается его предложение. Оказалось, мне предстоит выступать по всему Израилю в крупнейших залах и театрах перед огромной аудиторией. Вскоре я купил подержанную машину «Триумф» и чувствовал себя жутко богатым, несмотря на то что очень большой процент моего дохода уходил менеджеру и на налоги и, в сущности, лишь какие-то крохи оставались у меня.

Сами выступления практически ничем не отличались от того, как мы когда-то выступали в школе с Шипи. У меня никогда не бывало заранее подготовленного плана или сценария. Я импровизировал: демонстрировал телепатию, угадывал, что зрители писали или рисовали на доске; занимался внушением на расстоянии; описывал, во что зрители одеты, не глядя на них; запускал часы, которые уже давно не ходили; гнул ключи и другие металлические предметы, которые они приносили с собой. А потом устраивал что-то типа пресс-конференции, отвечая на бесконечные вопросы. Эксперименты удавались примерно на 75–80 процентов. Вел я себя всегда легко, непринужденно, и зрителям это нравилось.

Однажды ко мне пришел менеджер и сказал, что в целом он доволен, что я прекрасно выступаю и дела идут хорошо, но нужно еще добавить что-то. Выступления, как он считал, должны быть более продолжительными, чтобы зрители чувствовали, что не зря заплатили деньги за билеты. Нужно включить побольше новых фокусов, чтобы выступление, как он выразился, прибавило в весе. Я считал, что все это глупости, потому что в том, что я делаю, нет никакого обмана и зритель принял это и поверил мне. Но он

настаивал на своем и даже сам придумал один трюк, предложив, что будет наблюдать за людьми, выходящими из своих машин, записывать автомобильные номера и потом организует все так, чтобы их посадили на определенные места в зале. Перед выступлениями он должен был передавать мне всю информацию, мне же оставалось лишь показывать на этих людей и говорить, какие номера у их машин. Он убеждал меня, что иначе зрители потеряют к моим выступлениям интерес и это сразу же скажется на моих заработках.

А к тому времени я уже бросил работу в текстильной фирме и не занимался больше фоторекламой, потому что выступал почти каждый день. Это была тяжелая изнуряющая работа, я ужасно уставал. Но теперь практически весь Израиль знал обо мне.

Вскоре я был приглашен встретиться с самим Абба Эбаном. Голда Мейер, выступая с новогодним обращением, в ответ на вопрос журналиста о том, что она предсказывает на будущее стране, сказала: «Я не занимаюсь предсказаниями. Спросите лучше Ури Геллера». И хотя я тоже не занимался предсказаниями, это говорило о том, насколько возросла моя популярность.

Когда менеджер потребовал от меня включить в выступления ряд трюков и фокусов, я растерялся. Он настаивал, а я был слишком молод и неопытен, чтобы принять какие-то самостоятельные решения. И поэтому, когда он пригрозил, что все выступление сорвется, если я не послушаюсь его, я подумал: «Будь что будет. Скоро мы охватим выступлениями весь Израиль, и, может быть, на этом все кончится». Я заработаю денег, открою кафе или что-нибудь вроде этого. У меня не было определенной концепции по поводу того дара, который был мне дан. И конечно, я не предполагал, что эта сила, эта неизвестная энергия будет впоследствии так серьезно воспринята научным миром.

В конечном итоге я сдался требованиям менеджера, его давлению. Внутреннее чувство подсказало мне, насколько я не прав, давая свое согласие. Хотя я еще не понимал тогда, какую огромную ошибку допускаю, одну из самых серьезных ошибок в моей жизни. Ведь чем больше меня знали в стране, тем отчаяннее спорили по поводу того, что я делаю, — чудо или обман? По наущению менеджера я добавил фокусы к истинным демонстрациям и теперь ненавидел себя каждый раз, когда выходил на сцену.

Примерно в это время я познакомился и подружился с Амноном Рубинштейном — деканом юридического факультета университета Хеброу. Его многие знали в Израиле. Мы встретились на какой-то вечеринке в Тель-Авиве. Я продемонстрировал ему свои энергетические силы, и он как-то

сразу поверил в меня, безоговорочно приняв мою сторону во все ожесточеннее разгоравшемся споре. Чем популярнее я становился, тем больше копий ломалось вокруг моего имени.

Страдая от своей малодушной уступчивости давлению менеджера, я пошел с покаянием к доктору Рубинштейну. Сказал ему, что он может поставить на мне крест — я опустился до применения трюков во время демонстраций и теперь больше, наверное, ни на что не способен. Было очень больно говорить ему об этом, потому что я очень уважал его и дорожил его дружбой. Он спросил: «Что ты имеешь в виду, Ури?» Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, у меня мурашки бегут по телу. Он говорил мне:

— Ты делаешь вещи, которые ни я, ни ты не можем объяснить. Тебе нет никакой необходимости проделывать еще какие-то фокусы, — и добавил: — Я не верю в то, что ты сейчас рассказал.

Пришлось рассказать, как менеджер заставлял меня делать трюк с номерами машин. Но доктор Рубинштейн резко оборвал меня:

— Ну, хорошо — это трюк. Ну, а как же ты делал другие вещи? В частности, как ты согнул мой ключ одним прикосновением руки? Как угадывал рисунки, которые я делал тайком от тебя? Как ты все это сделал?

— Я не знаю.

— Конечно, ты не знаешь. Это неизвестная сила. В этом-то все и дело. Ты должен перестать думать обо всяких глупостях только из-за того, что твой менеджер заставил тебя пойти на обман. Это для тебя конец света. Забудь об этом и никогда больше к этому не возвращайся.

Он буквально кричал на меня, убеждая срочно приступить к научным исследованиям и доказать всему миру, что эти силы существуют. Он по-прежнему верил в меня, и это мне здорово помогло. У него не было ни малейших сомнений о том, что, кроме тех трюков, которые меня заставляли сделать, все остальное было настоящим.

После этого разговора я тотчас же прекратил использовать трюки и фокусы и решил твердо стоять на своем, демонстрируя только то, что действительно происходит, даже если это не будет удовлетворять моих менеджеров. Тогда же я впервые начал серьезно думать по поводу работы с учеными, хотя эта идея поначалу пугала меня. Доктор Рубинштейн был одним из немногих людей, с которыми я мог откровенно и открыто говорить. Кроме него, такими были Яффа, Айрис и Шипи — мои ближайшие друзья, которым, как я чувствовал, можно довериться

во всем. Они посоветовали мне найти хорошего юриста, чтобы выяснить, как расторгнуть контракт.

* * *

Закончив действительную военную службу, я был приписан к резервным войскам, и, после того как обрел такую широкую известность в Израиле, меня снова призвали — на этот раз развлекать солдат по всей стране. Конечно, это не имело ничего общего с обычной службой. Я познакомился со многими высокопоставленными офицерами и генералами. Кроме того, мне нравилось проводить демонстрации перед солдатами на их базах. Мне везде вокруг открывались двери. Но я и сам не потерял желания открывать для себя мир. Меня, как и прежде, манили новые приключения.

Однажды Шипи отвез меня в Эйлат, где мне предстояло выступать перед военными моряками. Когда морфлотовцы узнали, что я люблю подводное плавание, они предложили нам свою аквалангическую аппаратуру. И на следующий день мы с Шипи отправились туда, где кончается пустыня и начинается море. Мы нашли прекрасное место на скалистом берегу. Нам показалось, что здесь хорошо будет нырять. Но вскоре мы поняли, что огромный риф помешает нам попасть в глубокие воды. Перелезть через него нам тоже не удалось, потому что поверхность рифа была острой. Наконец минут через десять мы нашли небольшой узкий проем, выходящий прямо в море. Осторожно прошли через него, пытаясь не повредить аппаратуру, которую нам дали. И тут я допустил непоправимую ошибку — забыл отметить то место, где мы входили, чтобы потом можно было через него вернуться обратно на берег.

Казалось, в этом месте вообще никто до нас не нырял. Это нас еще больше раззадорило. Вода была глубокая, голубая — отличное место для ныряния. Мы плыли уже довольно на большом расстоянии от рифа, когда вдруг я увидел огромную голубую акулу прямо под нами. Я тут же подплыл к Шипи и постучал ему по маске, показывая вниз. Акула подходила все ближе, начала кружиться вокруг нас. Было впечатление, что она вот-вот нас атакует. Я вынул изо рта кислородную трубку и сделал так, чтобы поднялись пузыри. Это якобы отпугивает акулу. Но гигантская рыбина на это даже не обратила внимания. Я думал только о том, как скорее вернуться на берег. Пытался сосредоточить все свое внимание на этой ужасной твари, чтобы как-то отогнать ее, но ничего не вышло. Я следил за одним из

маленьких глазков сбоку на голове акулы все время, пока она плавала вокруг нас, — жуткое зрелище.

У нас в баллонах оставалось где-то минут на двадцать воздуха, но подниматься наверх мы должны были медленно, и это, конечно, заняло бы слишком много времени и, уж конечно, не спасло бы нас от акулы. Мой внутренний компас подсказал, что мы идем в правильном направлении *к* рифу, но акула находилась как раз между нами и нашей целью. Она шла все быстрее и быстрее и уже находилась на расстоянии около 15 метров. У нас было с собой подводное оружие, но *я* не умел им пользоваться. Стало страшно. Я подумал о том, как этот монстр разорвет наши тела в течение нескольких секунд. Я отвечал за Шипи перед его родителями, и от сознания этого стало еще тяжелее. Мысленно я кричал: «Уходи! Уходи! Исчезни!»

До акулы оставалось всего пять метров, и она шла прямо на меня. Я почувствовал себя так, словно стою в дверях самолета перед прыжком без парашюта. Я сделал единственное, что мне оставалось: направил гарпун на акулу и, закрыв от ужаса глаза, нажал на курок. Я подумал, что если меня будет тянуть за гарпуном, который был присоединен кабелем к подводному пистолету, то я его попросту отпущу и, может быть, акула уйдет вместе с ним. Но я ничего не почувствовал. Открыв глаза, я увидел, как гарпун медленно уходит в глубину. Акулы нигде не было видно. Я везде посмотрел. Я ничего не мог понять.

Мы плыли еще несколько минут, и больше она не появлялась. Добрались до рифа, тихо всплыли, стараясь дышать очень осторожно. Лишь поднявшись на поверхность, мы поняли, как нам повезло. И он, и я пережили страшное потрясение. Но теперь у нас была новая проблема. Уже темнело, и мы никак не могли найти то место, через которое пробрались в открытое море. Со всей аппаратурой, которая на нас была одета, было просто невозможно пройти по очень острому коралловому рифу. У нас оставалось совсем мало воздуха, а на улице становилось темно. Нужно было искать то самое место. Я снова сосредоточил все свое внимание, и что-то мне подсказало направиться в правую сторону. Мы нырнули вдоль рифа, потом всплыли и двигались по поверхности воды, пытаясь плыть с кислородными баллонами на спинах. Это было очень тяжело. Окончательно стемнело, и я даже не видел машину, стоявшую на берегу. Пытаясь хвататься за камни, мы очень сильно порезали руки. Вконец обессилев, мы все же нашли эту маленькую лазейку, кое-как добрались до пляжа и еще какое-то время отдыхали на песке. Я лежал, смотрел в небо и благодарил Бога за то, что, во-первых, мы спаслись от акулы и, во-вторых, выбрались в сторону пляжа.

* * *

В Тель-Авиве у меня совсем испортились отношения с менеджером. Я узнал, что мне будет нелегко аннулировать контракт с ним, хотя были факты, подтверждавшие нарушения с его стороны. Пока мой юрист пытался найти возможность с наименьшими потерями для меня расторгнуть соглашение, мне предстояло выступление в Италии, где я должен был проверить, как будут восприняты демонстрации вне моей страны. Я уже выступил перед таким большим количеством израильтян, что скоро попросту могло не остаться ни одного человека, который бы меня не видел.

Выступление в большом клубе в Риме было полным провалом. Переводчик был плохой, его никто не понимал, и вообще никто не понимал, что происходит. У меня-то все получалось, как обычно, но никто мне не верил. Я был в отчаянии и, когда вернулся в Израиль, решил, что пора искать другой способ зарабатывать себе на жизнь. Я подумал: «Ну, Геллер, ты вернулся в Израиль. Это единственное место, где ты можешь работать».

Тем не менее несколько человек в Риме из тех, кто видел меня в тот вечер, остались довольны и заинтересовались мной. Один из них, уже довольно пожилой, хорошо одетый итальянец, неплохо говорил по-английски и сказал мне, что у него есть ко мне важное дело, которое он хотел бы обсудить в спокойной обстановке, скажем во время обеда на следующий день, если, конечно, у меня нет других планов. Он заинтриговал меня, и поэтому я согласился.

На следующий день он сам за мной заехал в гостиницу в шикарном ролс-ройсе «Серебряная нить». Пока мы ехали, он показывал все достопримечательности Рима. А потом во время обеда сказал мне, что может организовать большое количество выступлений в Америке, особенно в Лас-Вегасе, если, конечно, я решусь туда поехать. Он дал мне время подумать, мягко, но настойчиво уговаривая согласиться. Задавал очень много вопросов. Сама по себе идея турне по Америке была очень хорошей, но меня очень смущал этот человек. Не знаю, была ли это моя фантазия или нет, но что-то неуловимо говорило мне о его причастности к мафии. Я решил, что в следующий раз, когда мы с ним встретимся, я извинюсь и откажусь в связи с неотложными делами в Израиле. Ну, может быть, когда-нибудь в будущем, если я снова вернусь в Италию и надумаю ехать в Америку, то я его разыщу. Мне не хотелось связываться с человеком, которого я не знал, особенно в свете тех проблем,

которые возникли у меня с менеджером.

На следующий день, когда я уже выходил из гостиницы, чтобы лететь в Израиль, мне сообщили, что внизу меня ждет конверт. Я спустился и, к огромному удивлению, обнаружил внутри конверта все необходимые документы и ключи от машины.

Документы были оформлены на мое имя. Дежурный сказал мне, что машина находится на улице. Я вышел на улицу и посмотрел — там стояла новенькая «Альфа-Ромео-Спайдер». Естественно, эта машина была от того человека, с которым я разговаривал накануне. И я вовсе не хотел подставлять себя каким-то образом. Ни секунды не колеблясь, я вычеркнул свое имя на документах и отдал их дежурному, сказав, чтобы все это было возвращено тому человеку, который их принес. На конверте был записан телефонный номер, и я велел дежурному позвонить и организовать так, чтобы пришли за машиной. Какой-то неприятный осадок после всего этого тем не менее оставался. Мне очень не хотелось оказаться в чем-либо замешанным. Но ни разу после этого я ничего не слышал об этом мужчине.

Я вернулся в Израиль в депрессии, в отвратительном настроении. По условию контракта мне снова пришлось работать со своим менеджером. Юристу удалось узнать, что он меня постоянно обманывал, вписывая во все документы сумму, гораздо меньшую, чем мне причиталось, и присваивал себе остальное. Оставалось только собрать доказательства и можно было начинать судебный процесс по расторжению контракта. А мне тем временем вновь предстояли большие гастроли по Италии. Итальянские менеджеры, видевшие мои выступления, понимали, что главная проблема заключалась в преодолении языкового барьера, и искали хорошего переводчика. Кроме того, было решено до начала моих выступлений организовать встречу с Софи Лорен, которая могла бы сослужить хорошую службу для рекламы предстоящих демонстраций.

Я все еще мечтал стать кинозвездой, и идея встречи с Софи Лорен мне очень понравилась. Я слышал, что она очень редко давала интервью и вообще ее не так-то просто было уговорить на встречу.

Но чем ближе подходило время этой встречи, тем больше препятствий возникало на ее пути. Мисс Лорен недавно вернулась из Нью-Йорка, где был ограблен ее гостиничный номер. Естественно, она была очень расстроена и не хотела никого видеть. Мы говорили с ее мужем, Карлом Понти, который все это объяснил и принес свои извинения. Однако в самом конце разговора он неожиданно сказал, что, может быть, есть смысл

съездить к ней на виллу, которая находится в предместье Рима.

Вилла оказалась огромной и красивой. А сама мисс Лорен была просто очаровательной, несмотря на недавние неприятности. Я разговаривал с ней тет-а-тет примерно полчаса. Я пересказал ей, о чем она думает в настоящий момент, и она была поражена точностью. Когда мы присоединились к остальным, нам предложили вместе сфотографироваться, но мисс Лорен сказала, что у нее есть личный фотограф и она доверяет только ему. К сожалению, в тот день его не оказалось поблизости. Мы ее поблагодарили и уехали. Человек, устроивший нашу встречу, был ужасно расстроен. Совместная фотография казалась ему очень важной для будущего, и он переживал, что не удалось ее сделать.

Тем временем я вернулся обратно в Израиль, где меня ждали новые выступления. Я еще не догадывался, что произойдет событие, которое очень серьезно повлияет на мою репутацию и на всю мою карьеру, едва не уничтожив полностью веру людей в меня. А дело было вот в чем. Этот человек, устроитель встречи с мисс Лорен, остался в Риме еще на два дня, после того как я уехал. Я и понятия не имел о том, чем он там занимался. Но не прошло и недели, как я обо всем узнал. Оказывается, он взял одну мою фотографию и один снимок Софи Лорен и договорился с итальянским фотографом, чтобы тот сделал фотомонтаж, соединив два кадра так, словно мисс Лорен и я сфотографированы вместе. Эта фотография появилась во всех крупнейших израильских газетах. Под фотографией была подпись, которая гласила, что Ури Геллер посетил мисс Лорен у нее на вилле в Италии. Это была чистейшая правда, но фотография-то была подделкой. И, разумеется, об этом в скором времени узнали. Теперь уже огромные заголовки по всему Израилю говорили о том, что фотография Ури Геллера с Софи Лорен — дешевая подделка.

По моей репутации был нанесен тяжелейший удар. Я погрузился в глубокую депрессию. Я понял, что именно это прикончит меня. После этого я пошел к менеджеру и сказал, что, если он сейчас же не разорвет наш контракт, я буду вынужден с ним судиться. У меня не было другого выбора. Фальшивая фотография была сделана без моего ведома. Вместе с другими материалами, которые мой юрист собирал против менеджера, этот факт сыграл бы в мою пользу на любом суде. Хоть поддельная фотография доставила мне массу огорчений, она тем не менее резко увеличила посещаемость во время моих выступлений.

Целая серия того, что можно назвать серьезными

профессиональными выступлениями, началась в Израиле ранней весной 1970 года. А в июне того же года я выступил перед группой студентов технологического факультета крупного института в Хайфе. Этот институт готовил ученых-исследователей и инженеров для всей страны. Через некоторое время после этого ко мне пришел один довольно широко известный в стране отставной полковник израильской армии. Он сказал, что на его сына произвело огромное впечатление мое выступление в технологическом институте. Полковник, как выяснилось, уже связался с какими-то американскими учеными, заинтересованными в том, что я делаю. Он сообщил мне, что Ицхак Бентов — израильский ученый, работающий в Бостоне, хотел бы всесторонне изучить «эффект Геллера», если, конечно, я дал бы согласие на то, чтобы меня подвергнули научным опытам. С тех пор как Амнон Рубинштейн впервые предложил это, я все чаще и чаще думал о работе с учеными. Честно говоря, у меня были противоречивые чувства по этому поводу. Не потому, что я считал, что у меня есть то, что я должен прятать, а потому, что сама идея подвергаться каким-то тестам и экспериментам внушала мне некоторые опасения. Особенно меня смущало изначально предубежденное отношение многих ученых ко мне и к моим опытам. Еще не в чем не убедившись, они уже публично обвиняли меня в шарлатанстве и обмане. Естественно, это меня очень расстраивало. И кроме того, надо мной довлел мой вечный комплекс неудачи. Я очень боялся, что в присутствии ученых ничего не произойдет.

Полковник же был, по всей видимости, в прекрасном настроении. Хотя мне показалось, что он и сам не знает, верить мне или нет. Он мне сказал: «Посмотри. Я не хочу на тебя давить. Но если ты согнешь вот сейчас в моем присутствии кусочек металла, я могу послать его к своему другу — ученому в Америку, и он сделает квалифицированный анализ в своей лаборатории. Это только для начала». Мне не хотелось гнуть какие-то свои предметы, потому что это могло вызвать подозрение. А единственный кусочек металла, который был у него с собой, — простая булавка. Я сказал ему, что булавка очень тонкая и ее слишком легко согнуть. Но он убедил меня, что в качестве первого теста это вполне подойдет. Тогда я попросил полковника зажать булавку в кулаке, а сам ладонью провел над его сжатой в кулак рукой, не дотрагиваясь до нее. Потом сосредоточился, сконцентрировал все свое внимание на булавке, как я это обычно делаю, говоря себе: «Сгибайся, сгибайся». Когда он раскрыл ладонь, булавка оказалась сломанной пополам. Я, разумеется, к ней даже не прикасался. Это произвело на него

сильное впечатление. Он тут же положил оба кусочка в конверт и сказал мне, что отправит их в США. Тогда я не отдавал себе отчета в том, как это может изменить всю мою жизнь.

Я продолжал заниматься своими обычными делами. Выступал в школах, университетах, театрах, дискотеках. Несмотря на поток обвинений в прессе и заметное падение моей репутации после инцидента с Софи Лорен, большинство выступлений проходили успешно и вполне позволяли содержать нас с мамой.

Я проводил все больше времени с Айрис и все меньше и меньше видел Яффу. Несмотря на полную безвыходность ситуации, я все равно любил ее. Я рассказал ей все об Айрис. Но как бы я ни был открыт и откровенен с Айрис, я никогда ничего не рассказывал ей про Яффу. И это меня очень волновало. Во мне происходила какая-то внутренняя борьба. Что-то меня постоянно удерживало. Может быть, я знал, что любовь к Яффе навсегда останется в моем сердце, а может быть, мне просто не хотелось причинить боль Айрис.

Я никак не мог принять окончательного решения по поводу научных экспериментов, пытался преодолеть свой страх. Меня постоянно мучил вопрос: соглашаться ли мне на поездку, если она будет мне предложена? Или, может быть, лучше тихо и незаметно завершить свою карьеру демонстратора и вернуться к обычной работе?

До меня дошло известие, что несколько ученых изучили поломанную булавку, которую послал в США полковник, получив довольно любопытные результаты. Теперь они хотели бы предложить исследования сперва в Израиле, а потом, может быть, в Америке. Для меня открывалась возможность уехать из Израиля в большую страну, и я подумал, что ничего не потеряю, если попробую поработать с учеными. Мне удалось расторгнуть контракт с менеджером, я был теперь снова свободен, и никто не мог указывать мне, что я должен делать.

Начиналась новая страница моей карьеры. Она круто изменила мою жизнь и превратила ее во что-то поистине потрясающее. Мне даже никогда не снилось, что я буду занят тем, чем я сейчас занимаюсь.

Глава 14. Голоса

17 августа 1971 года — очень знаменательный день в моей жизни. Из США приехал профессор Андриа Пухарич, Он предварительно написал, что узнал обо мне от своего друга Ицхака Бентова. Бентов и Андриа Пухарич решили приехать в Израиль, познакомиться со мной и проверить, настоящие ли это силы. Мне было известно, что Андриа должен приехать именно в этот день, но я не знал, что он сразу же придет в тот ночной клуб, где я выступал.

Как выяснилось, Андриа был американским физиком, в последние годы активно занимавшимся изучением различных физических феноменов. Кроме того, он читал курс лекций в медицинской школе университета в Тель-Авиве по своей основной специальности — заболевания уха. В клуб он приехал вместе с полковником.

Как только я увидел Андриа, я сразу инстинктивно понял, что смогу с ним работать. Он не был похож на ученого в моем представлении — скорее смахивал на хиппующего Эйнштейна. Он и в самом деле оказался очень приятным человеком, с ним было легко и просто. Теперь я не сомневался, что силы будут работать даже под самым жестким контролем с его стороны.

Увидев их, я пересел за их столик. И первые слова, которые я сказал Андриа, были: «Мне кажется, мы сможем работать вместе. Пускай Вас не смущает и не расстраивает то, что я буду делать на сцене». Я знал, что артист сцены может сразу не понравиться ученому, который слишком серьезно смотрит на все эти проблемы. Я объяснил Андриа, что мои выступления на сцене необходимы мне: во-первых, я получаю от них удовольствие и, во-вторых, мне нужно как-то зарабатывать на жизнь.

В тот вечер я начал так же, как и обычно. Сказал, что с помощью присутствующей публики попытаюсь продемонстрировать простую телепатию и психокинез и надеюсь, что мне это удастся. Демонстрации в ту ночь прошли успешно и удавались примерно на 80 процентов. Через несколько месяцев я спросил Андриа: «Ты действительно поверил в меня с самой первой встречи?» Он ответил: «Нет. Я думал, что все это просто ловкие трюки, потому что любой фокусник может сделать то, что ты делаешь на сцене».

В ноябре 1971 года Андриа снял себе квартиру в высотах Херцлийах и перевез туда несколько ящиков аппаратуры: магнитометры, фотокамеры, магнитофоны, компасы, разные виды минералов, металлов. У него были и какие-то электронные

приспособления, которые я видел первый раз в жизни, а также система зеркал, при помощи которых они с Бентовым могли наблюдать за мной с любой точки. Еще в период подготовки к серии экспериментов и тестов я понял, что он мне очень нравится, рядом с ним я чувствовал себя совсем как дома. Точно так же к нему отнеслись и Ханна с Шипи. Андриа был веселый человек, очень открытый, молод душой и очень интеллигентен. А главное для меня — он был не типичный ученый, без всякого высокомерия и амбициозности. Он сказал, что много лет изучал парапсихологический феномен — это о многом говорило, потому что в научном мире сложилось особое, крайне негативное отношение к тем, кто занимался этим направлением.

Его научное прошлое было очень интересным. Он получил медицинское образование в институте Нордвестерн, а также дипломы ряда ведущих американских институтов в области технического знания медицинской электроники. Он был очень педантичен и точен в каждом эксперименте, который проводил со мной. Все записывал, наблюдал, стараясь предусмотреть все возможные варианты, проверить все гипотезы.

Он стремился обнародовать результаты исследований по мере их получения, и я уже предвидел те огромные сложности, которые его ждали. И в самом деле, наверное, тяжело работать, когда на твоих глазах научная фантастика превращается в реальность. И еще труднее доказать это другим. Уверен, что именно из-за этого он вскоре стал настаивать на проведении серии научных экспериментов в лабораторных условиях в Америке. Без лабораторных подтверждений происходившего шансы, что поверят его наблюдениям, были равны нулю. Каждый следующий день приносил какие-то новые результаты, и поэтому необходимо было продолжать исследования. Конечно, они отнимали много времени, сил и нервов. Но я решил — будь что будет, Я уже успел пожить в свое удовольствие, будет и впереди возможность делать то, что хочется. А пока нужно было отрешиться от всего этого, потому что я чувствовал, насколько важными могут оказаться наши усилия.

Мы проводили все новые и новые тесты, и в общем-то я все меньше и меньше волновался. Оба — Андриа и мистер Бентов — относились ко мне с пониманием и не пытались давить на меня слишком сильно. Сперва мы попробовали телепатию. Я сосредоточивался, посылая трехзначные цифры в память Андриа. Это, если можно так сказать, действие совершенно обратное тому, что обычно делают фокусники. Потом я заставил его часы убежать далеко вперед, не прикасаясь к ним. Но особенно он был поражен, когда стрелки лабораторного секундомера

продвинулись на тридцать минут, потому что, по его словам, практически невозможно заставить секундную стрелку сделать столько оборотов в считанные мгновения. Весь процесс он заснял на пленку.

Мне удавалось делать почти все, что он меня просил. Различные проявления телепатии, опыты с часами, сгибание металлических предметов в лабораторных условиях, влияние на стрелки компаса и другие вещи.

Он все больше и больше воодушевлялся с каждым экспериментом. Как-то раз он сел и объяснил мне, что все это значит для науки. Он объяснил мне, что невозможно гнуть или двигать металлические тела способами, противоречащими законам физики. Он убедил меня в необходимости многократного повторения одних и тех же опытов, потому что, чем непостижимее феномен, тем больше доказательств требуется для его объяснения. Если все тесты пройдут удачно, сказал он, тогда, возможно, придется полностью пересмотреть некоторые аспекты философии и науки. Теперь я понимаю всю важность нашей работы.

Андриа сказал мне, что планирует отвезти результаты всех этих экспериментов в Америку и, возможно, в Англию. Ему хотелось посмотреть, какую поддержку в этих странах он сможет найти для более глубокого исследования. Для начала он написал по поводу тестов бывшему астронавту капитану Эдгару Митчеллу, который, правда, прочитав письмо, решил, что Андриа, по-видимому, курит какую-то травку и описывает ему свои галлюцинаций.

Но вскоре Митчелл написал мне очень хорошее письмо, которое он передал через Андриа. В нем он писал, что хотел бы обязательно встретиться и поработать вместе со мной над экспериментами, когда я приеду в Америку. И он не сомневался в том, что обязательно найдутся научные лаборатории, которые захотят всесторонне изучить энергетические силы. Мне было очень приятно услышать это от него напрямую. Когда он проводил эксперименты с телепатией во время полета Аполлона-14 на Луну, одна израильская газета назвала его: «Ури Геллер среди астронавтов».

Первая серия тестов в августе 197! года длилась более недели. Андриа вел журнал, куда записывал все очень скрупулезно. Затем он уехал из Израиля, чтобы разработать планы будущего изучения, и его довольно долго не было. Он вернулся лишь к середине ноября 1971 года. На этот раз он привез еще больше аппаратуры, чтобы создать маленькую лабораторию в другой квартире, которую он снял специально для

этих целей. Он предупредил меня, что ему понадобится несколько часов ежедневно на протяжении нескольких недель, чтобы провести новые тесты, в которых я должен был принимать участие, находя время между выступлениями, которые я продолжал в Израиле.

Вторая серия испытаний чем-то напоминала первую. Все из раза в раз срабатывало. Я даже начинал уставать. Мне не хватало привычного контакта с людьми. Андриа снова очень внимательно и дотошно все записывал, конспектировал и писал обо всем этом в своей книге, которую назвал «Ури: журнал мистики Ури Геллера». Книга была выпущена в Америке издательством Анкор Пресс Даблдэй. То, что он описал в этой книге, значительно подробнее того, что сохранилось в моей памяти.

Тесты шли очень успешно, и ученые в какой-то момент заинтересовались моим прошлым. Я все им рассказал в мельчайших деталях. Андриа предложил так: он меня попытается загипнотизировать и я, возможно, вспомню вещи, которые не помню в сознательном состоянии. Я и раньше был знаком с гипнотизерами и даже разрешал им пробовать проводить со мной такие вещи. Но никогда ничего из этого не получалось. У Андриа уже был небольшой опыт в гипнозе, и он сказал, что очень хотел бы попробовать его на мне, если я, конечно, не против. Сперва я боялся этой идеи, но потом что-то мне подсказало, что нужно попробовать. Может быть, я таким образом узнаю о себе что-то новое.

Мы решили провести сеанс 1 декабря 1971 года. Я только что закончил выступление перед публикой. Айрис была со мной. Все происходило в квартире Андриа, куда были приглашены Бентов и еще два израильтянина — друзья Андриа, также заинтересованные в результатах экспериментов. Андриа начал сеанс гипноза.

Когда я проснулся, мне сказали, что я находился в гипнотическом состоянии более часа. Они записывали все, что я сказал. Когда они прокрутили запись, я был поражен, услышав и не узнав своего собственного голоса, произносившего слова как-то таинственно и монотонно. Под гипнозом я вернулся на Кипр, вспомнил свою собаку Джокера. Мой голос говорил, как Андриа пишет в своей книге: «Я пришел сюда учиться. И вот сижу в темноте вместе с Джокером. Я учусь и учусь, но не знаю, кто меня учит». Тут на пленке врывается голос Андриа, который спрашивает: «Чему ты обучаешься?» — «Это связано с людьми из космоса. Но мне об этом еще рано говорить».

Снова голос Андриа на пленке: «Это тайна?» — «Да, — отвечает мой голос. — Но когда-нибудь придет день, когда вы все

узнаете».

Я знаю, что гипноз может давать очень странные результаты, может преувеличивать, раздувать фантазии. И тем не менее люди в таком состоянии обычно говорят то, в чем они полностью уверены, что считают правдой. Я не знал, как расценивать то, что слышал. Чувствовал я себя как-то неуверенно, опустошенно, и это меня немного пугало. На пленке я вспоминал раннее детство. Я слышал, как вдруг заговорил на иврите, и далекий голос мистера Бентова, задававшего вопросы на том же языке. Потом пленка дошла до того места, где мне три года и я вспоминаю то происшествие в арабском садике, когда яркий свет ударил меня и я потерял сознание. Услышав все это, я весь внутренне напрягся. Тембр моего голоса на пленке внезапно стал очень странным, даже немного жутковатым. И я, услышав такие изменения в голосе, почувствовал какой-то необъяснимый ужас. Я не помню, что случилось после этого. Потом мне рассказали, что я схватил магнитофон, выключил его и резко вынул кассету. Ни слова не говоря, я выскочил из квартиры, и через некоторое время они обнаружили меня в лифте. Пленки нигде не было. Не знаю, почему я так поступил. Айрис отвезла меня домой. Но пленку мы так и не нашли.

Те, кто был тогда в комнате, вспоминали потом, как звучал этот голос — очень ровный, механический, как будто бы компьютерный. Он говорил, что серебристый свет и есть та сила, которая вошла в меня в арабском садике, и с тех пор я призван помогать людям. Голос продолжал, что я не должен помнить то, что произошло тогда. Дальше голос неожиданно переходил на другую тему, касающуюся израильско-египетского конфликта. «Следующие несколько недель, — говорил голос, — будут очень критическими. Человечество стоит на грани новой мировой войны».

Айрис и все остальные подтвердили, что эта странная сцена произошла именно так, но пленки, которая могла бы доказать это, увы, нет. Кто знает, что там может быть сказано под гипнозом, даже если принять во внимание, что вдруг заговорил совершенно другой голос? Известны случаи, когда под гипнозом человек начинал говорить электронным или компьютерным голосом. Сколько раз бывало так, что какие-то удивительные вещи появлялись или исчезали прямо на наших глазах. Но кто в это поверит? Это эксперимент без контроля, без подтверждения. Это ведь даже не телепатия или просто сгибание металла. Как бы потрясающе это ни было — а это действительно было потрясающе, — все это нужно было повторять множество раз, записывать, проверять и перепроверять. И все равно, думаю, люди

едва ли поверили бы во все это. И тем более не верят, когда только читают об этом в книге.

К нашему удивлению, после этого в экспериментах началась серия изумительных, совершенно уникальных явлений. Одно явление возникало за другим, как огромный водопад, уносящий куда-то в очень далекое прошлое. По какой-то неизвестной причине тесты Андриа привели их в действие. Я вдруг почувствовал себя более уверенно. Стрелка компаса поворачивалась сразу на 30°, когда я подносил к нему руку, даже не сосредоточиваясь.

Однажды Андриа положил металлическое кольцо в закрытый деревянный ящичек из-под микроскопа посмотреть, смогу ли я согнуть кольцо, не прикасаясь к ящику? Я вдруг сказал: «Послушай, у меня есть предчувствие, что я могу сделать так, что оно вообще исчезнет». Я заставил его заснять на пленку, как он кладет кольцо в коробку, как я начинаю сосредоточиваться. Через несколько секунд во мне возникла уверенность, что кольца уже нет в коробочке, и я велел Бентову и Андриа проверить. Они открыли коробку — она была пуста.

После этого я разрешил Андриа снова себя загипнотизировать, и он с Бентовым записали этот сеанс на магнитофон. Я снова находился под гипнозом примерно около часа. Мне нужно было спешить на выступление перед войсками в тот вечер, поэтому мы не успели послушать пленку. Андриа вез меня на машине, и я попросил его как следует запомнить все, что я говорил под гипнозом, потому что мне показалось, что кассета исчезла из магнитофона. Андриа остановил машину, проверил магнитофон: кассета была на месте. Он нажал на кнопку пуска, чтобы проверить пленку, но воспроизведение не работало. Он снова открыл магнитофон проверить. Пленка исчезла из кассеты. Я понятия не имею, что заставило меня сказать, что пленка исчезнет. Думаю, вы можете себе представить, что испытывает человек после того, как с ним такое происходит? Хочется ущипнуть себя, убедиться, что это не сон. И уж совсем не хочется ни с кем говорить на эту тему, кроме человека, который был с тобой и все видел своими глазами. Зачем говорить, если люди тебе все равно не поверят. Но приходит время, когда ты уже не в состоянии жить, зная, что тебе не верят. Нужно сохранить уверенность в себе, в своем восприятии мира, а когда тебя постоянно подвергают сомнению, это особенно тяжело. И тем не менее чем более поразительные вещи происходили со мной, тем важнее, я считал, их исследовать.

Пока я готовился выступать перед израильскими войсками в Синайской пустыне, Андриа и Бейтов пытались восстановить в

памяти все, что было на второй пленке. Под гипнозом я якобы сказал, что вылетаю из своего тела, лечу к широкому плоскому месту, окруженному горами. Потом мой голос снова превратился в ровный механический и начал, как и в тот раз, предупреждать о новых конфликтах между Израилем и арабскими странами. Голос утверждал, что я призван воспользоваться своими энергиями, чтобы помочь миру в этом кризисе. Андриа и Бентов пытались доказать мне, что голос как бы не из меня выходил, а возникал сам по себе. Но я, конечно, понимаю, что это абсурд — голос без тела, который наговаривает сам по себе на кассетный магнитофон «Сони», делая при этом какие-то странные заявления. Позже я и сам слышал этот голос на других пленках, он действительно звучал фантастически, как-то потусторонне. Я спрашивал себя: «Что происходит?» Но потом вспомнил лукавую мысль, которая как-то меня посетила: «Может быть, это какой-то космический клоун, который просто устраивает нам свою большую космическую шутку?» Верить во все это я отказывался, и поэтому приходилось подбадривать себя такими забавными мыслями.

Но чудеса продолжали происходить. Например, пепельница могла исчезнуть со стола прямо перед нашими глазами, а потом вдруг появиться в дальнем углу комнаты. При этом она сама по себе переворачивалась. Я ровным счетом ничего не делал, чтобы так произошло. Я даже и не сосредоточивался на этой дурацкой пепельнице. Это просто само по себе происходило.

А в голос на пленке я по-прежнему не верил. Думал, что это розыгрыш со стороны Андриа и Бентова. Когда после еще одного сеанса мне проиграли пленку, то мое подозрение в обмане было настолько сильным, что я вскрыл магнитофон отверткой и долго копался внутри в поисках каких-то трюковых звуковых эффектов или, скажем, встроенной второй кассеты. Но ничего необычного не нашел.

В третий раз я просто покачал головой. Теперь голос утверждал, что энергии эти исходят из космического корабля, даже назвал этот корабль — «Спектра». Голос продолжал: «Корабль с планеты, которая находится на расстоянии в тысячу световых лет от Земли, и все это делается для мира на земле». Какая-то полная чепуха. Почему, например, такое странное голливудское название? Что со мной вообще происходит? Раньше я знал, что я могу гнуть металл, читать мысли других людей, наконец, чинить часы или останавливать их. Но никогда предметы у меня не летали, никогда так внезапно не пропадали и не появлялись. Металлические предметы никогда до сих пор не ломались, как это сейчас регулярно происходило. И, разумеется, раньше я никогда не слышал потусторонних голосов.

У меня появились какие-то странные потребности, позывы, которые я ничем не мог объяснить. Тогда в Синае, когда исчезла пленка в день моего выступления перед солдатами, я попросил командира разрешить нам с Андриа проехаться по пустыне на джипе. *Я* никогда особо не думал об НЛО, но мой интерес к ним рос и становился все большим и большим после того, как я услышал голос на пленке. В тот день мне почудилось, что мы, может быть, сможем что-нибудь увидеть необычное, даже этот странный космический корабль. И мы действительно видели яркий красный свет, горевший в форме диска, который, как нам показалось, шел за нами. Удивительно, но солдаты, которые были с нами, ничего не видели. *Я* же не сомневался в том, что это космический корабль, и был уверен, что если бы мы смогли его сфотографировать, то съемка подтвердила бы мои предположения. Но фотоаппараты и камеры были запрещены в этом районе, и поэтому нам пришлось ждать другого случая, чтобы попробовать заснять это явление.

Странные истории с магнитофоном продолжались. Мы ставили чистую кассету, только что распечатанную. Нам, скажем, нужно было взять интервью или записать эксперимент. Мы только еще собирались нажать на кнопку воспроизведения, как кассета уже начинала звучать, словно невидимая рука нажала на эту кнопку, и мы слышали голос с космического корабля «Спектра». Иногда мы сами нажимали на кнопку, чтобы проверить чистую пленку, и часто происходило то же самое. Единственное, что я могу утверждать с полной ответственностью, — это то, что я сам был свидетелем этого феномена. Я не мог его объяснить и втайне мечтал даже, чтобы ничего подобного не происходило. Одно дело верить в собственноручно согнутые предметы, телепатию, пуск сломанных часов, но контакт с космосом — это совершенно другое дело. Есть предел того, что мы можем принять, с чем можем согласиться.

Даже этих моих воспоминаний достаточно, чтобы кто-нибудь подумал, что я либо отчаянно вру, либо просто сошел с ума. Я могу это понять. Но после всего того, что произошло и продолжает происходить, я считаю, что было бы неправильным не рассказать, не сообщить об этом.

Андриа написал обо всем этом очень подробно, в мельчайших деталях целую книгу. Как ученый, он имел серьезную научную репутацию, которую он тем самым, безусловно, ставил под удар. Но он пошел на это. Его книга, пожалуй, была слишком специальной и сложной для меня. Но он описывал все именно так, как происходило, не преувеличивая, о чем, быть может, подумали, читая его труд, многие люди. Конечно, то, что он

описывал, звучит порой как научная фантастика. Но ведь мы с Айрис пережили все это вместе с ним. Мы-то знаем, что все это действительно произошло.

В то же самое время мы проводили тесты, чтобы проверить, может ли происходить исчезновение или появление предметов в условиях жесткого контроля? Андриа записал опознавательные цифры шариковой ручки и баллончика, который находился внутри. После этого положил ручку в деревянную коробку и закрыл ее. *Я* держал свою руку над коробкой несколько минут, не прикасаясь к ней. И наконец, когда я почувствовал, что что-то произошло, я сказал Бентову и Андриа, чтобы они открыли коробку и посмотрели, исчезла ли ручка. Ручка была на месте, но когда они взяли ее, чтобы изучить, то обнаружили, что баллончик, который был внутри, исчез. Объяснить это мы так и не смогли. Только удивились, что исчез один баллончик, а не вся ручка.

Спустя еще несколько дней я поднял телефонную трубку и услышал компьютерный голос с пленки, который инструктировал меня взять камеру и выехать с ней в определенное место Тель-Авива. Голос утверждал, что там я смогу сфотографировать этот космический корабль «Спектра». Не мешкая ни секунды, мы с Шипи отправились к этому месту, которое находилось на дороге Пета Тиква. Там после недолгого ожидания мы увидели в небе овальный объект прямо над штабом израильской армии. В присутствии нескольких очевидцев я сделал снимок, на котором этот объект виден достаточно четко.

В следующий раз, а было это 7 декабря 1971 года, я сказал Андриа, что нам нужно срочно ехать в пригород к востоку от Тель-Авива, где может произойти еще одна встреча с космическим кораблем. Андриа, Айрис и я поехали в ту ночь в обычный пригородный район, довольно густонаселенный. Возле небольшой открытой площадки мы увидели голубовато-белый пульсирующий свет. Меня так и потянуло к нему. Мы втроем вылезли из машины и услышали какой-то электронный звук, похожий на треск кузнечиков. Свет меня снова потянул к себе. Помнится, я попросил моих спутников остаться сзади, а сам пошел навстречу свету. Чем ближе я подходил, тем больше чувствовал, как ухожу в какой-то транс. Все было как-то очень туманно, замедленно, словно я попал в какую-то другую среду. Не знаю, в чем было дело, но даже атмосфера как-то иначе ощущалась. Мне показалось, что я увидел какое-то сооружение, формы которого не помню — я был как бы в беспамятстве. Из него возникла фигура, темная и бесформенная, и что-то положила мне в руку. Мне стало страшно. Я побежал обратно к

Андриа и Айрис. Еще не успев добежать до них, я вдруг понял, что находилось в моих руках. Это был тот самый баллончик от шариковой ручкиу который так таинственно исчез из деревянной коробки. Андриа сверил серийный номер выпуска. Это был тот же самый номер, который он записал во время проведения эксперимента, — N 347299. До этого он не показывал мне номер, так как в этом заключалось одно из контрольных условий эксперимента.

Несколько дней после этого я не мог прийти в себя. Произошло что-то непостижимое, которое наложилось на нечто еще более непостижимое, и объяснить все это я был не в состоянии. Тем не менее все это произошло. И тут я окончательно понял, что, какими бы ни были эти энергетические силы, что бы они из себя ни представляли, исходят они не от меня, а через меня от какого-то высшего разума, подтвердившего еще раз в моем сознании реальность существования Бога.

Мне очень сложно описать свои чувства по отношению к НЛО. Металлические голоса на пленке, появление и исчезновение предметов — во все это сложно поверить, и тем более в то, что энергия исходит от каких-то непонятных существ, от какого-то межпланетного разума. Мне не хотелось бы фантазировать и пытаться облачить эти силы в какую-то реальную одежду. Я никогда не ходил в церковь, в синагогу, но я верю в Бога и высшие цивилизации вне нашей планетной системы — Галактики, и поэтому я в принципе могу принять то, что происходило.

Я абсолютно уверен, что само понятие «научная фантастика» ложно. Потому что все, что придумывает писатель в научной фантастике, или было когда-то очень давно, или будет в далеком будущем. Иначе это никогда бы не появилось в голове писателя. Я вообще убежден, что нет такого понятия, как время. Мне кажется, мы никогда не достигнем полного и абсолютного понимания всех этих загадочных явлений, потому что мы обыкновенные люди и наши умы очень ограниченны. Мой ум явно недостаточен, чтобы постичь законы высших сил, но я верю в то, что все возможно. Мне очень сложно это объяснить, но мне кажется Бог — это как бы горючее нашей души, горючее, которое, воспламеняясь, помогает нам устремляться ввысь. И именно это заставляет нас продолжать искать и двигаться вперед.

Я не могу описать все, что происходило со мной в это время, потому что происходило так много подобных, похожих вещей, что я вынужден был бы повторяться. Моя обычная естественная жизнь шла своим чередом. Я продолжал встречаться с Айрис, но не мог забыть Яффу. Мы с ней теперь почти не виделись, но я по-

прежнему глубоко и пылко любил ее. Но, увы, настал тот печальный день, когда она сказала, что больше так не может продолжаться, что будет лучше, если мы прекратим наши встречи. Мое сердце почти разорвалось, когда я понял, что мы больше никогда не увидимся.

Мне вообще не хотелось жить. Неделями я в мыслях видел только ее каждый вечер, когда ложился спать. Она мне снилась ночью. Я видел ее и когда просыпался утром. Я не мог ни о чем думать, кроме того, что ее больше нет. И мне придется смириться с этим, найти утешение в любви к Айрис. Я действительно любил Айрис. Но любовь к Яффе была особой, неповторимой. Две любви вообще не бывают одинаковыми.

После длительной серии тестов и опытов, проведенных с Андриа, мы решили, что нужно ехать в Америку и пройти там эксперименты в крупнейших институтах и университетах. Я все еще немного боялся, что не смогу повторить некоторые вещи, которые делал в Израиле. Сама идея большой лаборатории пугала меня. Мне казалось, что сначала было бы лучше поехать куда-нибудь в Европу и посмотреть, смогу ли я также работать вне Израиля. Может быть, повстречаться с некоторыми учеными в Европе, перед тем как ехать в Америку.

Одна моя хорошая знакомая — израильская певица Эмира Хенн позвонила мне и сказала, что у нее есть приятель в Германии, который слышал про меня и хотел бы быть моим менеджером во время выступлений в этой стране. Она уверяла меня, что ее друг, которого звали Яша Кац, предложит мне очень хороший контракт и вообще очень мне понравится, а главное — что я могу полностью доверять ему.

И я решился поехать в Германию весной 1972 года, отложив отъезд в Америку на более поздний срок. Тем временем Андриа вернулся в Соединенные Штаты, чтобы вместе с Эдгаром Митчеллом и другими учеными разобраться в результатах теоретических исследований, которые, как он надеялся, с научной точки зрения подтвердят то, что происходит на практике. Как он выразился, он сформировал теоретическую группу, которую должен был возглавить Тэд Бастин из Кембриджского университета. Андриа по-прежнему был убежден, что то, что я делаю, не будет воспринято серьезно, до тех пор пока я не пройду через серию длительных и трудоемких экспериментов, которые будут ставить известные и авторитетные ученые в самых лучших институтах.

Шипи отправился со мной в Германию. Мы с ним все больше и больше сближались, стали совсем как братья. Его родители согласились, что для него эта поездка будет полезной и

познавательной, а кроме того, немного развлечет его перед призывом в израильскую армию. А мне он был нужен, чтобы помочь в турне, которое организовывал Яша Кац. Я очень хотел взять Айрис, но это, к сожалению, было невозможно. Она проплакала в моих объятьях всю ночь перед отъездом, но мы знали, что скоро снова увидимся, после того, как я, набравшись в Европе опыта, вернусь в Израиль.

Мы с Шипи сели на самолет, улетавший в Германию, и все нас пришли проводить: мои родители, родители Шипи, Ханна, Айрис. Всем было грустно расставаться. Мы попрощались, и самолет взлетел.

Яша встретил нас в аэропорту. Он оказался теплым и сердечным человеком, с очень добрыми и ясными глазами. Он очень многого ждал от нашего приезда в Германию, строил уйму грандиозных планов. Мне он тут же понравился. Начать он хотел с того, чтобы я продемонстрировал корреспондентам разных газет, как эти энергетические силы действуют. После этого, как только они убедятся, что эти силы настоящие и «эффект Геллера» существует, он организует серию таких же лекций-демонстраций, какими *я* занимался в Израиле, Спор на тему фокусник *я* или нет с первых же дней начался в немецкой прессе. Нам было уделено очень много внимания, особенно после того, как мюнхенская «Билд-Цайтунг» решила посвятить нам огромную статью в шести номерах газеты. Это, конечно, была чисто рекламная публикация, но Яша сказал, что она необходима для подготовки зрителей к выступлениям. Яша попросил меня подготовить какие-нибудь новые эксперименты, чтобы заинтересовать прессу. Я ему сказал, что, конечно, попробую, но не уверен на сто процентов, что все получится успешно.

Один корреспондент спросил у меня: «Ури, ты можешь сделать что-нибудь потрясающее, ну, например, остановить фуникулерный вагончик прямо в воздухе?» Недалеко от Мюнхена находилась канатная дорога, и она рекламировалась как одна из самых сильных и мощных в мире. Он именно ее и имел в виду. Я засмеялся, когда он это предложил. Потом, подумав, сказал себе: «Подожди, а может, ты и в самом деле сможешь это сделать?» Если я могу сгибать металл, то, может быть, мне удастся согнуть что-то в механизме и кабельный вагончик остановится. Я понимал, что это была бы лучшая реклама и даже своего рода вызов. Перед тем как попробовать, мы предварительно проконсультировались с юристом, потому что даже в случае полной безопасности могли возникнуть неприятности. Юрист не видел в этом ничего предосудительного.

Яша, Шипи, я и несколько корреспондентов сели в один из

этих вагончиков. Это, конечно, была сумасшедшая затея. Я пытался сосредоточить все свое внимание на вагончике, чтобы он остановился. Мы путешествовали вверх и вниз несколько раз. Но ничего не получалось. Я сдался и объявил, что пора, наверное, закончить эксперимент. Все были очень расстроены и разочарованы. По пути назад мы с одним корреспондентом обсуждали окрестный вид, как вдруг кабельный вагончик остановился. Все недоумевали. Люди, которые управляли вагончиками, не знали, что случилось. Механик, ехавший вместе с нами в этом вагончике, как-то странно на меня посмотрел и сразу схватил телефон, чтобы позвонить в центр управления. Они были в курсе дела, что я попытаюсь остановить вагончики, но все равно были поражены: отчего все остановилось, почему и как? Наконец центр управления сообщил, что главный рубильник самостоятельно отключился без всякой причины. Затем снова его включили, и мы тронулись вниз. Ничего необычного больше не наблюдалось. Вагончик просто остановился из-за того, что сработал переключатель.

Когда мы наконец спустились, нас ждала толпа возбужденных людей. Операторы телевидения пригласили нас пообедать с ними и все это время, не переставая, говорили только об этом. Корреспондентам хотелось чего-нибудь еще. Они спросили меня, мог бы я остановить эскалатор в большом магазине в Мюнхене. Это был вызов, от которого я не мог отказаться, хотя сама идея была довольно глупой и смешной. Я хотел убедиться в том, что происшедший случай не был просто совпадением. Все западногерманские газеты рассказывали про этот кабельный вагончик.

Мы пошли в большой универсальный магазин в Мюнхене и поднимались и спускались между первым и вторым этажами столько раз, что люди, наверное сочли нас сумасшедшими. До сих пор не до конца уверенный в том, что произошло с фуникулером, я не знал, получится ли что-нибудь с эскалатором. Но примерно на двадцатой поездке вверх эскалатор остановился. И конечно, газетчики тут же раструбили об этой истории по всей Германии.

Что касается поездки в Германию, то, кроме всех этих забав, была и одна серьезная сторона дела. Естественно, немецкая печать хотела знать, есть ли какое-то научное обоснование того, что происходит. Была организована неформальная встреча с профессором Фрейбертом Каргером из Института плазменной физики имени Макса Планка. В присутствии корреспондента, который не отходил от меня уже четыре дня, и фоторепортера из газеты «Бильд» профессор Каргер дал мне одно из колец, которые он держал в руке, а сам очень внимательно, не спуская глаз с

кольца, наблюдал за моими действиями. Я слегка прикоснулся к нему и сосредоточился. Кольцо не только согнулось, но и треснуло в двух местах.

Интервью с Каргером, которое появилось в газете на следующий день, гораздо подробнее рассказывает о том, что случилось.

«Бильд». Что случилось на фуникулере, который якобы был заторможен неизвестной силой и приведен к полной остановке?

Профессор Каргер. Известно только то, что это был не электрический эффект, а какое-то механическое изменение, которое до сих пор не нашло объяснения. В присутствии Ури и без чьего-либо прикосновения рубильник самопроизвольно отключился. Как? Мы не знаем.

«Бильд». Наука серьезно относится к подобным инцидентам?

Профессор Каргер. В университетах всего мира сейчас открываются все новые отделения и лаборатории, изучающие этот тип феномена.

В Мюнхене Ури Геллер, применив свой метод воздействия, изменил форму декоративного кольца, принадлежавшего профессору Каргеру. Оно не только погнулось, но и треснуло в двух местах. Тут же после демонстрации корреспондент газеты «Бильд» задал вопрос профессору Каргеру:

— Могло ли кольцо лопнуть в результате применения очень сильного физического давления?

Профессор Каргер. Нет.

«Бильд». Ну а если на него воздействовали лазерным лучом?

Профессор Каргер. Это нонсенс.

«Бильд». У Геллера был хотя бы малейший шанс проделать искусный трюк?

Профессор Каргер. Единственное, что он мог сделать, — это загипнотизировать меня. Но я считаю, что это маловероятно.

В институте имени Макса Планка коллега профессора Картера 27-летний физик-практик Манфред Липа очень внимательно изучил треснутое кольцо.

Липа. Если бы доктор Каргер не рассказал мне, как было дело, я бы предположил, что на кольцо было оказано механическое воздействие каким-то инструментом. Может быть, плоскогубцами или каким-то тяжелым молотком. Хотя при этом в любом случае возле трещины были бы видны следы такого воздействия, которых на кольце нет.

Кроме того, профессор Каргер заверил нас, что он не спускал глаз с кольца и ни на мгновение не выпускал его из рук. Геллер едва прикоснулся к нему. Фотограф газеты «Бильд» Иоахим Войт,

в присутствии которого происходила демонстрация, подтвердил этот факт, заявив: «Если бы Ури смог каким-то образом воспользоваться плоскогубцами или другим инструментом, я бы непременно это заметил». Ури Геллер — феномен? Шарлатан? Или великий артист, который своими великолепными элегантными трюками заставляет всех, даже ученых, затаить дыхание? Увы, до сих пор никто не может раскрыть секрет этого непостижимого человека.

Профессор Каргер подвел итог этого происшествия:

«Силы этого человека являются феноменом, который теоретической физикой не может быть объяснен. Наука уже знает подобные примеры. Скажем, атомная наука. Уже в начале века она была известна как реально существующая. Однако в то время никто не мог объяснить ее с точки зрения физики».

Профессор Каргер хотел начать собственную программу исследований — и чем раньше, тем лучше. Он позвонил в Нью-Йорк Андриа. Выяснилось, что программа, намеченная Эдгаром Митчеллом и другими американскими учеными, уже находилась в завершающей стадии подготовки и профессор Каргер согласился присоединиться к теоретической группе Андриа и перенести собственное исследование на более поздний срок.

Я понимал, как сложно будет создать надежные условия контроля моих экспериментов. Предстоящие научные исследования в Америке я ожидал с очень сложными чувствами. Те возможности, которыми я пользовался во время своих лекций и демонстраций, были лишь началом. Но как можно изучать те фантастические и практически неконтролируемые явления, которые с недавних пор заметно активизировались, — я не знал. Только время могло дать ответ. Оставалось ждать, подстраиваться под ученых и продолжать самостоятельно двигаться вперед.

Глава 15. Эксперименты

В 1972 году в Западной Германии я как бы открыл глаза на совершенно иной мир. Первые же выступления в гостинице «Хилтон» в Мюнхене привлекли к себе огромное внимание. Нас с Шипи без конца приглашали на различные приемы, вечеринки, и у нас появилось множество новых друзей. Среди них были Ло и Эрнест Сакс, владельцы потрясающего дома под Мюнхеном в местечке Грюнвальд, с большим садом, плавательным бассейном и очень редкими старинными вещами. Они так тепло приняли нас, что мы сразу почувствовали себя как дома. Я впервые в жизни столкнулся с настоящим богатством, увидел поистине роскошный образ жизни. Брат Эрнеста, Гюнтер, известный всему миру миллионер, был женат на Бриджит Бордо. И я, с детства большой поклонник Бриджит Бордо, был восхищен всем, что меня здесь окружало, несмотря на то что это имело весьма относительное отношение к актрисе.

Друзья, с которыми я познакомился в Германии, почти все оказались очень теплыми и сердечными людьми и без предубеждения относились к евреям. Ло Сакс была прекрасной хозяйкой, и мы часто у них бывали. Я заметил, что некоторым из этих сказочно богатых людей, которых мы теперь часто встречали, бывало очень скучно. И я понял, что деньги не дают им полного счастья. Им обязательно еще что-то к этому нужно. Раньше я всегда думал, что деньги могут решить все проблемы, дать человеку полную свободу от забот, от переживаний, и вот Германия научила меня тому, что, даже когда у тебя очень много денег, в жизни может быть пусто и грустно.

Несмотря на постоянное внимание, которое мне уделяла пресса, выступления проходили не с таким огромным успехом, на который надеялся Яша. Иногда у нас возникали сложные ситуации. Однажды мне предстояло выступать в знаменитом театре «Европа» в Гамбурге. Мы прилетели из Мюнхена с небольшим опозданием и из аэропорта поехали прямо в театр. Лишь за кулисами мы узнали, что вся программа была составлена из выступлений фокусников. Это были классические трюковые номера со шляпами, темными плащами и масками. Но нам ни слова не сказали о содержании программы в тот момент, когда мы подписывали контракт. Для меня это было равносильно самоубийству. Нет, не то чтобы я против шоу-бизнеса, но выступления фокусников есть выступления фокусников. Мои же демонстрации внешне выглядят очень просто, их ценность в том, что они настоящие. Если я появляюсь на той же сцене, где и

фокусники, меня, естественно, тоже автоматически зачисляют в их разряд. Это могло, во-первых, плохо отразиться на будущих научных экспериментах и, во-вторых, попросту подвергнуть сомнению всю мою репутацию. Мы с Яшей бурно протестовали, но выбора у нас не было. По контракту я обязан был выступать. Конферансье объявил, что мое выступление — это лекция и демонстрация, а вовсе не шоу. Но от этого не стало легче. Телепатия и гнущиеся ключи ни при каких обстоятельствах не могут конкурировать с выступлениями и номерами, в которых разрезают женщин пополам или вынимают зайцев из шляп.

Как ни странно, но сами фокусники — участники шоу-программы понимали, что мне нечего прятать в рукав, и серьезно заинтересовались тем, как работают мои силы. Но для меня сам факт того, что я выступал с ними в одной программе, был губителен. И я это очень хорошо понимал.

Примерно в эти дни я познакомился с Вернером Шмидтом. Это один из самых известных импресарио в Германии, который продюсировал немецкий вариант знаменитых музыкальных шоу «Скрипач на крыше» и «Волосы». Представившись мне после одного из выступлений в театре, он сказал: «Я не знаю, как вам объяснить это, но то, что я увидел сегодня, полностью перевернуло всю мою жизнь. Я давно об этом мечтал».

Я сперва не мог понять, что он имеет в виду. Но на следующий день за обедом он сказал, что пишет мюзикл, в основе которого лежит использование мистических сил. Когда он увидел меня на сцене, то словно воочию представил свой мюзикл. Он не мог в это поверить и теперь мечтает о том, чтобы я участвовал в его мюзикле и как актер, и как певец, и как человек, демонстрирующий самые непостижимые вещи в мире. Я должен признаться, что меня заинтриговала его идея, хотя я и не совсем представлял себе, как он собирается ее осуществить. Я, разумеется, никогда еще не пел перед публикой, но был готов поучиться и попробовать.

Когда я рассказал об этом по телефону Андриа, он моего восторга отнюдь не разделил. Единственное, о чем он все время думал, — это о скорейшем начале научных экспериментов. Он сказал, что ему удалось заинтересовать Станфордский научный институт программой, при помощи которой можно было бы изучать эти силы в очень строгих лабораторных условиях. Андриа возвращался в Европу, чтобы встретиться со мной и окончательно обсудить наши планы.

Шел октябрь 1972 года, и он хотел начать эксперименты в Станфордском институте уже в ноябре. Он предлагал, чтобы я сперва приехал в США познакомиться с теми учеными, которые,

как он думал, смогут поддержать идею серьезной работы в лабораториях. Он надеялся, что они смогут оказать поддержку в том случае, если увидят эти энергетические силы в действии и убедятся в их неподдельности.

Когда Андриа приехал в Германию, они с Вернером быстро нашли общий язык и понравились друг другу. Тем более мы заметили, что, когда Вернер находился где-то поблизости, еще чаще стали происходить какие-то непонятные и непредвиденные вещи. Например, лампа вдруг срывалась с места, слегка приподнималась и падала. А в ресторане сами собой начинали гнуться вилки и ложки, хотя я к ним даже не прикасался. Некоторые предметы вдруг просто исчезали, а потом неизвестно откуда падали на пол.

Яша записывал все эти явления, дни и время, когда они происходили, и из его записей вырисовывалась какая-то интересная картина. Быть может, эти явления и не впечатляют вас, когда вы читаете о них. Но когда они неожиданно происходят, — я, как правило, в этот момент о них не думаю, — то волей-неволей удивишься и задумаешься — в чем же дело?

Наши планы пришлось немного изменить. Было решено, что мы с Шипи приедем в США к Аидриа в конце октября. А Яша и Вернер приедут позже. Яша займется организацией целого рада моих выступлений в университетских центрах, а Вернер продолжит подготовку своего мюзикла там, а не в Германии. Конечно, это была фантастическая идея, немножко нереальная, но увлекательная. Самое главное, что все это не должно помешать серьезной научной работе, которую нам предстояло сделать. Турне, лекции принесут какой-то заработок, и я смогу жить достаточно независимо, пока будут продолжаться эксперименты.

Конечно, идея с мюзиклом была немного авантюрной, но и отказываться от нее нам не хотелось, хотя никто не знал, что из этого получится. Андриа собирался вернуться в США немного раньше нас всех, и он попросил меня съездить предварительно в Англию, чтобы встретиться и познакомиться с учеными и с теми людьми, которые могли оказать финансовую поддержку научной работе.

Шипи полетел в Лондон вместе со мной, и мы выполнили почти все поручения Пухарича. Примечательно, что во время нашего обратного путешествия в Германию произошла одна удивительная вещь. Мы с Шипи сидели на левой стороне салона самолета «Люфтганза». Мой фотоаппарат «Никон» лежал под свободным сиденьем. И вдруг он сам поднялся — мой фотоаппарат — и остановился прямо передо мной. Мы с Шипи были потрясены. Я взял его в руки и подумал, что, может быть,

это сигнал что-то сделать? Я посмотрел в иллюминатор, но ничего не увидел, кроме голубого неба и белых туч. Тем не менее я решил направить камеру в иллюминатор и сделать несколько снимков. Мне трудно объяснить, почему у меня возникла такая потребность, ведь не было никакого смысла снимать чистое небо. Ну разве что только из-за того, что аппарат сам поднялся, — мне показалось, что это что-то означало. Я сделал несколько снимков, и на пленке еще оставалась пара кадров. После этого убрал фотоаппарат и, приписав происшедшее к целой серии странных случаев, практически забыл о лучившемся. Но, что самое главное, удивление в связи с этим еще ждало меня впереди.

Андриа встретил нас в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке и отвез к себе домой в Оссининг, местечко в пригороде. Дом был большой, красивый, вокруг было много зелени и деревьев. Я до сих пор все еще сомневался в необходимости лабораторных изучений, так как был не в состоянии преодолеть свой страх.

Вспоминая сейчас об этом, я понимаю, что у меня просто не было достаточно уверенности в себе, в том, что мне удастся регулярно и одинаково успешно повторять некоторые эксперименты по многу раз, тем более в незнакомом окружении или, что еще значительно хуже, в присутствии зла, открытого, не прячущегося. Я к этому времени уже начал понимать, что присутствие скептиков даже подстегивает меня, но зато совершенно обезоруживает и обессиливает окружающее недоброжелательство и зло.

В течение последних нескольких месяцев было уже несколько десятков совершенно необъяснимых случаев. Я все больше убеждался в том, что они происходили под контролем каких-то компьютерных разумов. В общем-то другой возможности я и не допускал. Меня только удивляло, почему так капризно иногда действуют эти силы. Почему они заставляют вещи исчезать и появляться без какого-либо намека на то, что это означает? Почему эти силы как бы играли с нами? Происшествия эти были какими-то непонятными символами, которые мы в обычной жизни пропускаем, не видим. Но зачем они тогда проявляются у нас — на нашем низком уровне сознания? Почему подавляющее большинство таких проявлений происходили именно среди определенных людей, а не с другими? Вопросы, вопросы…

Даже несмотря на все переживания и волнения, связанные с пребыванием в Америке, эти проблемы не выходили у меня их головы. Я чувствовал, что эти силы мной манипулируют и я не имею над ними никакого контроля.

Мое первое путешествие в Америку в августе 1972 года было коротким. Я встретился с капитаном Эдгаром Митчеллом, очень

симпатичным и уверенным в себе человеком. Мне он понравился. Кроме того, я познакомился с профессором Джеральдом Фейнбергом, профессором физического факультета Колумбийского университета, и с доктором Уилбором Франклином из университета Кент Стейт. Я продемонстрировал им несколько неформальных экспериментов: переводил часы вперед, погнул металлическое кольцо, сосредоточивал все свои усилия на железной игле, которая с треском сломалась. Они оба пришли к выводу, что нужно провести очень серьезные научные исследования.

А главное — капитан Митчелл очень хотел познакомить меня с доктором Вернером фон Брауном — знаменитым ученым, специалистом по ракетным двигателям. Мы встретились в стенах Ферчайлд Индастриз, вице-президентом которого он является. Было заметно, что он не очень-то верит в существование сверхъестественных сил, но настроен очень дружелюбно. Мне ужасно хотелось показать ему все, на что я способен, потому что он был таким мягким, интеллигентным и умным человеком. Ну и, конечно, я не хотел подводить капитана Митчелла.

Я попросил доктора фон Брауна снять с руки тяжелое обручальное кольцо и подержать его в ладони. Я начал сосредоточивать усилия на кольце, положив свою руку рядом с его так, чтобы не дотрагиваться ни до его ладони, ни до кольца. Кольцо медленно сгибалось, меняя форму, и из круглого превратилось в овальное. Доктор фон Браун признался, что был настроен скептически и не хотел верить глазам, когда все это произошло. Позже он сказал корреспонденту: «Геллер согнул мое золотое обручальное кольцо, даже не прикасаясь к нему, оно находилось в ладони моей собственной руки. Как он это проделал — я не имею ни малейшего понятия. Я не могу предложить какого-либо научного объяснения этому. Все, что я знаю, — это то, что сперва мое кольцо было круглым, а теперь оно овальное».

А дальше произошло еще более интересное событие. У него был электронный карманный калькулятор, который не работал. Он считал, что сели батарейки, но его секретарша утверждала, что они в порядке. *Я* предложил попробовать его починить, и он охотно разрешил мне завести калькулятор. Я зажал прибор между ладонями и направил на него все мысленные усилия. Примерно через минуту панель загорелась, но цифры светились неправильно. Я снова взял его, подержал еще минуту, и на этот раз прибор заработал нормально. Эксперимент для доктора фон Брауна был успешно завершен.

Все демонстрации для доктора Фейнберга, доктора фон Брауна и многих других были важны прежде всего для того, чтобы

убедить Станфордский институт в том, что программа исследований, запланированная для меня, стоила свеч.

Тем' временем продолжались мистические голосовые послания как будто бы в замедленной записи, появлявшиеся на магнитофоне. Мне не раз приходилось видеть, как кнопка на магнитофоне сама вдруг нажимается, как будто на нее давит какая-то невидимая рука. А перед этим обычно происходило что-то очень необычное, словно привлекая наше внимание и указывая на то, что магнитофон с чистой пленкой вот-вот включится. Например, пепельница взлетала со стола и падала на пол. Она не скатывалась, она просто прыгала. Или вдруг какая-нибудь маленькая ваза в соседней комнате падала со стола. Самое удивительное, что все эти вещи падали мягко и не разбивались. Но даже падая на мягкие поверхности, они издавали какой-то металлический звон, чтобы обратить на них наше внимание.

Я не знаю, как убедить читателей поверить в такие вещи. Они ведь до сих пор со мной происходят. И я просто описываю все, как было. Я понимаю, что все это звучит очень странно и неправдоподобно, но дело в том, что видел эти вещи не только я, но и люди, меня окружающие. Поэтому либо они действительно происходили, либо мы все сумасшедшие. Однако хочу заметить, что среди очевидцев есть очень известные и авторитетные ученые, чьи оценки, мне кажется, заслуживают доверия.

Голоса на пленках — самое сложное, потому что пленка либо таинственно исчезала в самом магнитофоне, либо вдруг вся размагничивалась, оказываясь стертой, когда мы пытались воспроизвести запись. А это означало, что доказательство уничтожено и мы единственные очевидцы фантастических сеансов связи. Голоса часто давали мне различные инструкции. Они, скажем указывали на то, что дискуссии и неформальные демонстрации моих возможностей ученым — это вполне приемлемо. Но ни в коем случае недопустимо их более глубокое научное изучение.

У меня были весьма неоднозначные чувства по поводу этих инструкций. Я хотел делать как неформальные, так и формальные эксперименты в научных лабораториях. Очень трудно было оставаться рациональным и благоразумным, когда все, что вокруг происходило, было нерациональным и необъяснимым с точки зрения обыкновенного разума.

Мы с Шипи снова вернулись в Европу, где должны были пробыть до ноября 1972 года, если к этому времени все будет обстоять успешно с планами Станфордского института. Почти все время в Европе мы тратили на налаживание связей с людьми, так или иначе связанными с будущей программой исследований.

Среди них была и Мелани Тойофуку, очень милая американка японского происхождения, обладающая прекрасным ярким умом и потрясающими способностями в организационной работе. Она раньше работала в итальянском кино, но в последнее время активно и увлеченно занималась научными экспериментами. Временно присоединилась к нашей группе также Сольвейг Кларк, представительница одной крупной корпорации. Как и Мелани, это была очень милая и симпатичная женщина, умевшая быстро и энергично решать самые сложные проблемы. Обе они очень поддерживали нашу программу научного изучения таинственных сил и присутствовали при многих их уникальных проявлениях.

Шипи, Мелани и я возвратились в Нью-Йорк в первой половине ноября 1972 года. Предстояло очень четко все спланировать, чтобы одновременно сочетать научные исследования с коммерческим турне, лекциями, демонстрациями и, может быть, мюзиклом, который Вернер по-прежнему мечтал поставить. Я снова встретил очень много интересных людей: Боба и Джуди Скатч, глубоко и очень серьезно занимающихся изучением парапсихологических наук, Марию и Байрона Джанис, ставших вскоре моими едва ли не самыми близкими друзьями.

Я уже с первого взгляда понимаю, что с некоторыми людьми у меня завяжется глубокая и длительная дружба. Так случилось с Марией и Байроном, так же было с Мелани и Сольвейг.

Так много странных вещей произошло с тех пор, как мы прилетели в Нью-Йорк, что даже сложно описать все эти явления. Уже на следующий день после нашего приезда в Осси-нинг я заметил, что огромный черный пес Андриа по кличке Веллингтон лежит на полу в кухне и как-то судорожно трясется. Вдруг зазвенел телефон, и Андриа пошел на кухню поднять трубку. По дороге ему нужно было перешагнуть через собаку, но вдруг Веллингтона не стало. Нет, дело вовсе не в том, что он встал и убежал. Просто одну секунду назад он был там, а уже через мгновение его там не было. С ним произошло точно так же, как с другими вещами, которые внезапно появлялись и исчезали, А еще через несколько секунд я увидел, как Веллингтон появился очень далеко на дороге, ведущей к дому. Мы позвали его. Он подбежал, но был как бы не в себе и продолжал неестественно трястись. Мы все были шокированы, никто не мог ничего понять. У Андриа никак не укладывалось в голове, как живой организм может быть так транспортирдаан в пространстве в течение всего нескольких секунд? Ведь для этого нужно было бы разобрать живую ткань атом за атомом, а потом снова собрать, или эти же атомы нужно было ускорить каким-то неизвестным путем. В общем-то все это

относится и к любым другим предметам, которые исчезали и возвращались, но здесь была собака — живое существо, и это, конечно, произвело особое впечатление. Только позже мне удалось понять, что означал этот инцидент с Веллингтоном.

Перед самым нашим отъездом в Сан-Франциско, где вот-вот должны были начаться исследования в Станфордском институте, случилась одна очень неприятная для меня вещь. Мы с Андриа сидели у него в гостиной, когда пепельница и ключ неожиданно появились перед нами на столе. Андриа это воспринял как очередной сигнал к тому, что к нам идет какое-то новое послание от компьютерных голосов. Он достал магнитофон, и мы ждали. Андриа оказался прав. Кнопка воспроизведения снова сработала сама, и в динамике возник знакомый уже голос.

Он очень уверенно и четко сказал, что мне можно встречаться с учеными только неформально. Таким образом, ставилась под вопрос вся очень тщательно разработанная программа в Станфордском институте. Я все больше и больше убеждался в том, что должен прислушиваться к этим голосам. Все наблюдения указывали на то, что они программировали энергетические силы, которые проявлялись через меня. Поэтому меня очень взволновало это послание. Занервничал и Андриа. Нам нужно было быть в Сан-Франциско уже через несколько дней. Андриа возбужденно доказывал мне, что отказ от экспериментов в лаборатории будет воспринят и истолкован как страх перед разоблачением. Я понимал это, но и так чувствовал себя не слишком уверенно, а тут еще это таинственное предупреждение, которое только усилило мои сомнения. Андриа убеждал, что необходимо пройти научные испытания, несмотря на это послание на пленке. А я вдруг почувствовал, что не могу идти против этих инструкций. Мы чуть не поссорились — я вдруг с ужасом обнаружил, что против своей воли кидаю в него сахарницу. В довершение всего весь дом как бы затрясся и огромные часы, которые висели в холле, с грохотом рухнули на пол и разбились. Мелани и Шипи были с нами и все это видели.

В конце концов я согласился поехать в Сан-Франциско для того, чтобы объяснить ученым, почему в данный момент не могу заниматься исследовательской программой. А среди ночи в спальне, на втором этаже, где спали мы с Шипи, нас разбудил голос, неизвестно откуда раздававшийся, который произнес только одну фразу: «Андриа должен обо всем этом написать книгу». Такое заявление было, конечно, гораздо приятнее услышать, чем угрозы. Мы решили, что получили таким образом разрешение рассказывать про таинственные голоса, обсуждать это с другими. И это в какой-то мере означало, что предшествующие

запреты могут быть ослаблены или даже сняты, хотя я все еще не был в этом уверен. Единственное, что я в тот момент чувствовал, — это то, что с новой силой охватили меня страх и волнение по поводу предстоящих встреч с учеными в Станфордском институте. Не хотелось бы мне вызвать на себя гнев Богов.

В таком нервном, взвинченном состоянии мы вылетели в Сан-Франциско. Страх сковал меня, мне казалось: «О, Боже, меня, небось, положат на огромный операционный стол под светом яркой мощной лампы. Ученые будут наклоняться надо мной, осматривать и ощупывать меня. На их лицах, наверное, будут надеты маски. Они неотступно будут следить за каждым моим движением, подключив ко мне десятки приборов». Это было типичное голливудское представление о лаборатории. Не в силах отрешиться от него, я ощущал какой-то дикий страх, хотя был уверен, что еду лишь для того, чтобы отказаться от участия в глубоком научном исследовании.

Наконец Андриа, Шипи и я приземлились в аэропорту Сан-Франциско. Горизонтальный эскалатор вез нас навстречу капитану Митчеллу и собравшимся вместе с ним ученым. Чем ближе мы подъезжали к ним, тем сильнее я нервничал. И еще этот чертов эскалатор так быстро двигался. Не было никакой возможности сбежать, как-то вырваться отсюда. Было такое чувство, что я снова прыгаю с парашютом.

Я мысленно подготовился к встрече, представлял, как буду пожимать им руки, как скажу, что боюсь этих экспериментов, и вдруг — ба-бах — я уже стою рядом с Эдгаром Митчеллом и он приветливо жмет мне руку, Они все были такие простые люди и такие уверенные в себе, красивые. С Митчеллом было трое ученых: Хал Путхофф и Рассел Тарг из Станфордского института, а также доктор Уилбор Франклин из института Кент Стейт.

Капитан Эдгар Митчелл — потрясающий человек, никогда не теряет головы и прекрасно знает, что ему нужно. Он поговорит с тобой спокойно, объяснит все, даст и тебе шанс высказаться, внимательно выслушает и сделает так, как считает нужным. Доктор Франклин — блондин, небольшого роста, в очках, очень веселый человек, которому не терпится поскорее заняться экспериментами. Хал Путхофф и Рассел Тарг тоже очень приятные уравновешенные люди, совсем не такие, какими я их себе представлял. Мне стало намного спокойнее, после того как я с ними познакомился.

Когда мы ехали из аэропорта в Пало Альто — местечко недалеко от Станфорда, то очень много говорили по поводу моих страхов перед лабораторией. Я им рассказал об очень многих

странных вещах, которые происходили в последнее время. Они слушали меня, не перебивая. Я даже сказал что-то насчет пленок, чем вызвал неудовольствие Андриа, который считал, что по поводу этих вещей лучше пока ни с кем не говорить. Они, к моему удивлению, не спорили с тем, что я им говорил. Потом я описал некоторые из неконтролируемых феноменов. Например, ложки, ломающиеся сами по себе, или ключи, которые вдруг появляются из небытия. Высказал даже предположение, что все это как бы сигналы, указывающие, какие нужно принимать решения в тех или иных случаях. А напоследок сказал, что скоро мы увидим, правильно ли расценили эти сигналы, пообещав показать несколько примеров того, что делал во время лекций-демонстраций.

В квартире, которую они для нас сняли в Пало Альто, я предложил им сделать, не показывая мне, пять рисунков и четыре из них угадал. Потом согнул кольцо, которое принес с собой доктор Путхофф, не дотрагиваясь до него. Попытался двигать стрелки часов Рассела Тарга, но у меня ничего не вышло. А кольцо тем временем продолжало скручиваться. Хал Путхофф снял тяжелую массивную цепочку, висевшую у него на запястье. Через минуту он сломался — этот браслет — опять-таки без малейшего прикосновения. А кольцо все продолжало гнуться, пока не приобрело форму восьмерки. Все это как-то успокаивало меня. Но я по-прежнему чувствовал, что эксперименты в лаборатории — это нарушение инструкции.

У меня еще оставалось немного времени на раздумье, потому что следующий день, 12 ноября 1972 года, был воскресеньем. Мы пошли на пляж с Расселом и Халом. Это было очень приятно. Я наконец-то расслабился. Я чувствовал себя подопытной мышкой, которая постепенно привыкала к новому окружению. Вечером мы поужинали в доме Хала, где и познакомились с его семьей, и я еще больше стал чувствовать себя как дома.

На следующий день мы поехали в лабораторию Станфордского института. Атмосфера оказалась совсем не такой, какую я себе представлял. Не было никаких операционных столов, никаких ученых в масках и белых халатах. Все было очень неформально.

Они попросили меня сосредоточить все свое внимание на магнитомер, измеряющий сильные величины магнитного поля, и я не меньше, чем они, удивился, когда стрелка, что называется, зашкалила. Они сказали, что с научной точки зрения это невозможное явление. Но у меня тем не менее оно получалось каждый раз, когда они меня просили повторить. Следовательно, в тот момент, когда я сосредоточиваюсь и усиливаю свое внимание,

возникает некое сильное магнитное поле, которое четко фиксировалось на этом приборе. Я становился все более уверен в своих силах.

После этого они решили подвергнуть испытанию металлическое кольцо, находящееся под водой, и при помощи ультразвукового прибора, имеющего выход на небольшой телевизионный экран, пронаблюдать, что происходит. Это приспособление помогло увидеть, что кольцо и под водой сплющивается, а на телевизионном экране в это время появились какие-то искажения и помехи в тот момент, когда я сосредоточивался. Как впоследствии выяснилось, именно в результате этого эксперимента «сошли с ума» компьютеры BBC в комнате этажом ниже.

Я «разогревался» все сильнее, получая подтверждение, что энергетические силы действуют. У меня было впечатление, что они разыгрались, как маленький ребенок, у которого появилась целая куча новых игрушек. С каждым разом получалось все убедительнее и ярче, и я говорил себе: «Может быть, я все-таки смогу работать в условиях лаборатории?» Я был по-настоящему счастлив, что все так здорово срабатывало. Вспомнился мой первый парашютный прыжок — тогда я тоже очень переживал, а прыгнул — и все прошло отлично.

Ученые завороженно смотрели на стрелку прибора и говорили: «Эй, смотрите, что-то здесь действительно происходит». Они поворачивали какие-то ручки, что-то записывали, рисовали какие-то схемы. Время от времени проверяли меня, мои руки. А я спрашивал: «Неужели я и в самом деле что-то делаю с этой машиной?» Они отвечали: «По крайней мере, приборы так себя еще никогда не вели».

Пока все так хорошо шло, я решил не останавливаться и сразу приступить к экспериментам в лаборатории, продолжая до тех пор, пока силы не остановятся и не исчезнут. Андриа должен был вернуться в Нью-Йорк, а я остался в Станфорде и продолжал работать без него. После многих традиционных экспериментов я согласился принять участие в телепатических сеансах, которые они для меня подготовили.

Во время одного такого эксперимента они посадили меня в полностью изолированную комнату, чем-то похожую на холодильник. Стены в ней были массивные и к тому же цельно-железные. В середине комнаты были две большие металлические двери, их плотно закрыли — сперва одну, потом другую. И настала полная тишина. Было настолько тихо, что я вдруг вспомнил ныряние под водой и свои пещеры на Кипре. Нет, у меня не бывает клаустрофобии. Мне, наоборот, очень нравилась

тишина, потому что в таких условиях я действительно могу сконцентрировать энергию по-настоящему. Внутри комнаты была зажженная лампа и, естественно, блокнот и карандаш. Через переговорное устройство они мне передавали свои распоряжения. Кто-то из них рисовал изображение, которое я, разумеется, не мог видеть. Потом они говорили: «Все, рисунок готов». Я концентрировал все свое внимание на своем внутреннем экране и пытался улавливать информацию о тех рисунках, которую мне посылали.

Для других экспериментов, связанных с телепатией, меня сажали в клетку Фарадея. Это двойной экранированный металлический ящик, который отражает любые радиоволны. Кроме всего прочего, сам ящик находился в наглухо закрытой комнате. В таких условиях я уж никак не мог жульничать, даже если бы очень захотел. Результаты экспериментов оказались намного выше, чем они ожидали. Некоторые из них отображены на иллюстрациях в этой книге. По подсчетам Станфордского института, шансы на получение таких результатов равнялись примерно один к миллиону.

Столько разных событий происходило, что я просто забыл про пленку, снятую через окно самолета «Люфтганза» над территорией Германии. А вспомнив, рассказал об этом случае Халу Путхоффу, он сам проявил пленку в надежной лаборатории. На последних кадрах были совершенно отчетливо видны НЛО. Один из этих снимков также напечатан в этой книге. Мне-то не нужно доказывать, что это не поддельные снимки. Но тем не менее мы этот негатив отнесли к профессиональному фотографу, сотруднику Станфордского института. Он измерил размеры иллюминатора самолета и очень долго что-то высчитывал. Заключение было следующим: «Полностью исключена возможность подделки на этом снимке».

По мере того как институт в Станфорде начинал получать все новые доказательства, подтверждающие экспериментальные результаты, спор вокруг программ исследований начинал расти. Все новые и новые слухи распространялись по поводу компьютерной программы ВВС. Но меня несколько насторожило, что ученые в Станфордском институте вдруг вне программы решили проверить действие моих энергий на видеопленку и изображение, записанное на ней, было либо сильно искажено, либо полностью стерто. Поскольку компьютеры хранят свою память также на магнитной пленке, видимо, здесь действительно существовала какая-то связь. Кроме того, тотчас же, как только поползли первые слухи, Агентство передовых исследовательских проектов — организация, занимающаяся исследованиями для

BBC, начала на меня массированные атаки, настаивая на том, что я шарлатан и обманщик, которому удалось обвести вокруг пальца ученых в Станфордском институте. Они даже прислали Рея Хаймана, профессора психологии Орегонского университета, для того чтобы разобраться во всем. Спустя некоторое время он сделал заявление, в котором говорилось: «Ури Геллер делает то же самое, что могут делать и другие фокусники, просто он настолько умен, что сумел обмануть сразу десяток ученых». Но я к тому времени уже обрел такую уверенность, что мог сказать себе: «Они не верят, ну и пусть!»

Первая серия экспериментов закончилась в середине декабря 1972 года. Мы с Шипи вернулись к Андриа в Оссининг. Там узнали, что Агентство передовых исследовательских проектов усиливает кампанию по дискредитации как исследований Станфордского института, так и моего умения демонстрировать неизвестные силы.

Джон Вильхельм, корреспондент «Лос-Анджелес тайме», приехал к нам 18 января 1973 года. Он сказал, что Джордж Лоуренс получил задание поставить под сомнение репутацию Митчелла, Путхоффа и Тарга. А Леон Жаров, научный редактор журнала «Тайм», уже объявил о своем решении написать статью против меня, и уже никто не смог его переубедить. Позже я узнал, что и сам Вильхельм перешел в стан наших противников.

Тем временем Андриа готовил научное заключение по итогам исследований, проведенных в Станфордском институте, где подробно и обстоятельно описал все, что происходило.

Однажды я обедал с капитаном Митчеллом и Расселом Таргом в кафетерии Станфордского института. Мы заговорили о знаменитой прогулке Митчелла по поверхности Луны и о других интересных приключениях, которые с ним происходили. Он посокрушался, что оставил очень хорошую фотокамеру на Луне. Я ничего не сказал вслух, но с этого момента буквально загорелся идеей попытаться вернуть эту камеру на Землю, используя все тот же процесс исчезновения и появления. Мы уже почти заканчивали есть, когда случилась еще одна удивительная вещь. В тот день я был очень голоден и заказал два сладких блюда. Одно из них — ванильное мороженое. Я взял ложку, положил мороженое себе в рот и почувствовал на зубах что-то металлическое. Я выплюнул и увидел миниатюрный наконечник, словно острие игрушечной стрелы. Меня разозлило, что эта железка попала в пищу, в конце концов, я мог сломать зубы. Рассел Тарг посмотрел на наконечник и передал его Эдгарду Митчеллу, Тот взглянул и сказал: «Боже, это мне что-то очень напоминает». Но так и не вспомнил что.

Я попросил официантку выяснить, откуда это мороженое, и предупредить поставщиков о том, что случилось, потому что люди могут пострадать. Она попросила меня отдать эту стрелу ей, но я сказал: «Нет, мне бы хотелось оставить ее себе на память».

Через некоторое время мы уже сидели в лаборатории, разговаривали и вдруг увидели, как что-то упало на ковер. Мы подняли — это была остальная часть стрелы. Вместе эти две частички составляли декоративную заколку, которую, как выяснилось, много лет назад потерял капитан Митчелл, Он узнал эту здколку и был потрясен. И вдруг она сейчас вернулась, сломанная пополам. Но откуда вернулась? Я, конечно, не знал. Но опять подумал: «Может быть, и камера когда-нибудь вернется с Луны?» Это был бы один из самых невероятных сюрпризов, случись такое на самом деле. Это фантазия? Конечно. Но после всего, что происходило, я теперь с трудом могу сказать, что фантазия, а что реальность.

Еще два случая, почти такие же странные, мне запомнились. Один произошел в августе 1972 года, еще во время моей первой поездки в Соединенные Штаты. Андриа пригласил капитана Митчелла и других ученых на прием по случаю окончания разработки плана экспериментов. Ну и кто-то спросил меня, смогу ли я что-нибудь сделать со стручком боба. *Я* не хотел даже пробовать, потому что предпочитаю не иметь дела с живой материей, и поэтому сказал, что не смогу ничего сделать. Но меня продолжали просить. Тогда я зажал семя в кулаке и начал на нем сосредоточиваться. Когда я раскрыл ладонь, то see увидели, что стручок пророс и стал почти на дюйм длиннее, чем раньше. Это произвело на всех огромное впечатление. Меня стали спрашивать, могу ли я вернуть его в первоначальное состояние. *Я* снова зажал его в кулак, закрыл глаза и начал усиленно направлять на бобовое зернышко всю свою энергию. И когда раскрыл ладонь, то оно опять приобрело прежние размер и форму. Ученые были в восторге, но меня это здорово испугало, и с тех пор я больше этим не занимаюсь из-за того, что здесь насильственному влиянию подвергается живой организм.

Уже было очевидно, что научные эксперименты, проведенные в Станфорде, подтвердят существование неизвестных энергетических сил. Андриа ликовал и убеждал меня, что это настоящий прорыв в науке. Хал Путхофф и Рассел Тарг приступили к подготовке большой научной работы — статьи, предназначенной для публикации в журнале «Нэйче».

Однако «Тайм» тоже не терял времени даром, пытаясь овладеть результатами экспериментов, которые институт

Станфорда не хотел выдавать раньше времени. Журнал давил на Андриа, на меня, вынуждая нас выдать им результаты. Но мы, разумеется, не могли пойти на это. Не получив информации ни от нас, ни от ученых института, редакция журнала «Тайм» не на шутку разозлилась. Леон Жаров даже пригрозил институту Станфорда, что если редакция не получит полкой информации об открытиях и показаниях приборов, то они опубликуют статью, в которой поставят под сомнение как меня, так и репутацию всего исследовательского института. Началась настоящая война между журналом «Тайм» и Станфордом. Чарльз Андерсон, президент Станфордского института, активно вступился за своих людей, и мне это очень понравилось. Он не отступился от своих принципов даже тогда, когда вокруг ходили слухи, будто бы ученые состоят со мной в тайном заговоре. Мне кажется, Андерсон проявил поистине героическую смелость в этой очень непростой ситуации. Казалось, что «Тайм» не пощадит никого, кто хоть косвенно был связан с экспериментами. Нам оставалось только сидеть и ждать все новых и новых ударов.

Глава 16. Высшие силы

Результаты экспериментов привели ученых к очень важным заключениям, которые они решили обнародовать на специальном симпозиуме, организованном факультетом Колумбийского университета в марте 1973 года. Станфордский институт готовил подробный отчет к этому симпозиуму. Предполагалось, что в основу сообщения будут положены показания приборов, зафиксировавших весьма удачные результаты экспериментов, показанных в клетке Фарадея, где шансы на успех просчитывались как один к миллиону, и заключение об опытах, демонстрирующих мою способность менять вес одного грамма вещества, оказывая на него свое энергетическое воздействие, — все это также подтверждалось измерениями самых точных приборов лаборатории.

В отчете были и такие слова: «На этой стадии экспериментов Ури Геллеру удалось с успехом продемонстрировать возможность своих паранормальных сил… Мы стали свидетелями проявления определенного феномена, который пока не имеет научного обоснования. Однако не вызывает никаких сомнений необходимость дальнейших изучений. Наша работа находится только в начальной стадии».

Для консервативно настроенных ученых это были весьма настораживающие заявления. Мне казалось, что и журнал «Нэйче» с большой осторожностью отнесется к опубликованию результатов, даже несмотря на презентацию в Колумбийском университете. Но что касается меня, то и в случае, если они вообще ничего не опубликуют, меня вполне устраивала реакция института Станфорда. Теперь я не сомневался, что нужно продолжать работу, и в глубине души был, конечно же, счастлив от того, что у меня все получается даже при строжайшем контроле в присутствии ученых.

Я победил — ученые убедились, что мои энергетические силы существуют. В лаборатории не было химикатов, не было никакого лазерного луча, а получалось много больше, чем просто сгибающиеся ключи, телепатия и ремонт старых часов. Теперь я был убежден, что этот феномен лишь символ, лишь маленький ключ к постижению высших разумов.

Ни Рассел Тарг, ни Хал Путхофф не знали, что думать по поводу фотографий НЛО, которые я сделал на самолете «Люфтганза». Не было у них и каких-то конкретных гипотез по поводу голосов на пленках. Им пока хватило того материала, который был собран в результате повторных экспериментов в

лаборатории. Хотя даже если бы они и захотели изучить эти странные голоса, то не смогли бы этого сделать, потому что пленки либо бесследно исчезали, либо каким-то образом стирались.

Я до сих пор с трудом верил в эти голоса, но их, кроме меня, слышали Шипи, Мелани, Сольвейг, Байрон и Мария, Анд-риа — словом, довольно много людей. И готов голову дать на отсечение, что ни один из них не лгун. Мы не воображали себе эти голоса, не выдумывали и не шутили друг над другом. Но почти все мы видели, как пленки исчезали буквально из-под носа после того, как мы их прослушивали, или вдруг оказывались уже стертыми, размагниченными через несколько минут после того, как мы слышали на, них какое-то послание. Ну какой ученый или даже простой человек поверит в это? Я бы, например, ни за что не поверил, если бы мне просто об этом рассказали. Я хотел бы иметь перед собой доказательства. А что стоит одно название корабля — «Спектра» — совсем как в дешевом голливудском научно-фантастическом фильме.

И тем не менее мы четко слышали голоса на пленке! которые произносили свои послания всему миру, звучавшие и в самом деле как научная фантастика. Вот, например, фрагмент одной из пленок, записанной по памяти Андриа в 1973 году:

«Запоминайте — процесс следующий. Давайте примем за основу, что мы здесь и что мы хотим сделать определенные вещи. Мы будем их делать с вашей помощью. Но вам, как и нам, придется за это бороться. Представим, что все необходимые здоровые бмологаческие условия окружают процесс рождения ребенка. На это уйдет около 9 месяцев. Даже великие люди не рождаются в секунду. Все они были рождены в муках, которые испытывает любая мать, рожденная, в свою очередь, так же. Но дело вот в чем: предположим, что сегодня вечером я сяду здесь — что вполне возможно, — я сяду здесь и расскажу тебе, что произойдет в будущем — все до самой последней детали. Ну, например, я скажу тебе, сколько раз ты чихнешь, сколько раз сядешь и встанешь. Это все возможно. Но это неправильный путь, он ни к чему не приведет. То, что ты постепенно делаешь, — это как раз правильно. В борьбе, в постоянных поисках, в ожидании определенного момента для реализации…

Мы должны это рассматривать как длительный контракт между нами. Нам ваше сотрудничество очень нужно. Если мы сможем развить эту технологию, мы сделаем большие шаги, укажем формулу и метод. Но мы понимаем, сколько усилий и терпения на все это уходит. Поэтому наши планы точно рассчитаны. И мы считаем, что вам нужно в это вложить по-

настоящему много усилий. Мы будем сотрудничать и дальше, но ваше встречное желание должно быть превыше всего».

Или иногда голос говорил больше какие-то теоретические вещи. Как, например, в тот раз, в 1973 году:

«Силы и на частичном, и на космическом уровне находятся в круговоротном движении. И они получают энергию от центра системы. Есть специальные лучи… где оболочка космических лучей превращается в силу. Компьютерные существа в космосе питаются этой энергией. Энергия ротации может быть использована за пределами Галактики. Но она не существует в форме использования на частичном уровне. Компьютерные существа находятся под контролем управляющего или того, что человек на Земле называет Богом или Богами. В будущем эта генеральная идея будет выражена на автоматическом языке».

Очень сложно читателю поверить в то, что все это мы слышали на магнитофоне, который сам себя запускал. Да, в это трудно поверить. Но это частичка истории, которою нельзя игнорировать. Голоса, я уверен, тоже являются ключом к источнику энергий, проходящих через меня.

Андриа писал все это намного подробнее, чем я, в своей книге под названием «Ури». На многих пленках я находил для себя подтверждения существования Бога, хотя я верю в него независимо от того, существуют эти пленки или нет. Были записи, на которых одни голоса описывают всю грандиозность и бесконечность Вселенной, другие убеждают в важности свободной души человека, третьи рассказывают о бывших открытиях Земли космическими кораблями и предсказывают нам еще один большой космический корабль. Нет, это будет всего-навсего контакт, а не оккупация Земли, Или, например, голоса признавались, что давно уже наблюдают за Землей, потому что вся Вселенная взаимосвязана. И даже самое маленькое событие, которое происходит у нас, может повлиять на все остальное. И якобы они пытаются предостеречь Землю от самоуничтожения.

Я не знаю, что стоит за этими голосами — какие-то существа или космические компьютеры. Мне кажется, это воплощенные в неизвестную форму разумы. Они настолько самостоятельны, что я принимаю все, что они говорят, потому что не раз находил подтверждение их слов, выраженное вполне материально и осязаемо. Все эти проявления, и прежде всего мои собственные ощущения, подталкивали меня идти дальше, проводить научные эксперименты и продолжать демонстрации, чтобы энергетические силы становились известны людям, чтобы им можно было показать хотя бы маленькие символы, вроде согнутого ключа. Мне кажется, что символы необходимы для того, чтобы легче

было представить то, что мы находимся на грани больших открытий новых энергий, высших разумов, контактов с другими обитателями Вселенной. И кто знает, быть может, это знание поможет нам воссоединиться, вместо того чтобы разрывать друг друга на части. Все это не так уж и не' логично. Мне кажется, что каждый астроном сегодня теоретически готов согласиться с тем, что во Вселенной — миллионы других планет с большой вероятностью существования на них разумной жизни.

Журнал «Тайм» по-прежнему атаковал нас, требуя информации о проведенных исследованиях. Приближался симпозиум в Колумбийском университете, и мы с Андриа решили, что нам нечего больше скрывать. Словом, мы согласились на интервью, хотя эта идея нам не слишком нравилась, потому что инициатором встречи был Леон Жаров, в чьем негативном отношении ко мне сомневаться не приходилось.

Мы оказались правы. Атмосфера в журнале «Тайм» была неприятная, злая. Никто и не пытался скрыть от нас свою враждебность. Журнал пригласил, кроме нас, несколько известных фокусников, и один их них ехидно напоминал, что и я выступал на одной сцене с ним в Германии. Словом, ситуация была совсем неподходящая для какого-то эксперимента или демонстрации, но те не менее я попробовал, и довольно удачно — согнулись ключ и вилка, которые мне принесли сами журналисты. Андриа, едва выйдя из редакции, сказал, что он почувствовал себя как на товарищеском суде Линча. У меня сильно испортилось настроение, я представил себе, что они теперь напишут.

Вскоре в номере от 12 марта 1973 года появилась и сама статья под названием «Фокусник и „мозговой центр“. Почти в эти же дни Станфордский институт обнародовал свои результаты на симпозиуме в Колумбийском университете. Получилось довольно странное совпадение.

Статья в журнале „Тайм“ была злой, многие факты в ней были искажены или подтасованы. Не дождавшись выводов ученых Станфорда, авторы статьи пытались изобразить ситуацию так, что я будто бы при помощи хитрых трюков сумел ввести в заблуждение целый научный институт. В общем-то это был знакомый прием. Для того чтобы уничтожить меня, им приходилось доказывать, что я умнее, чем целая группа известных ученых. Даже не просто умнее, а на десять голов выше всех. Итак, одновременно появились крайне негативная статья в „Тайме“ и итоговое заключение Стандфордского института, подтверждавшее истинность экспериментов, проведенных под строгим научным контролем. А чуть позже уже журнал „Нью-

суик“ откликнулся на симпозиум довольно осторожной, но в целом правдоподобной статьей, в которой было сказано, что „эффект Геллера“ нуждается в серьезном изучении.

Теперь оставалось надеяться, что журнал „Нэйче“ примет к публикации научную статью Тарга и Путхоффа. И надежда эта крепла день ото дня. Реакция на все происходящие события была очень неоднозначной. Статья в „Тайме“ сделала мое имя широко известным, и, возможно, благодаря этому я вскоре стал получать приглашения принять участие в самых популярных телепрограммах США.

Программа Джека Пара была первой из них. Это было мое первое заметное появление на телеэкранах США, И прошло оно триумфально. Все демонстрации были успешными, понравились зрителям, и это, конечно, помогло нам в организации серии выступлений в американских университетах. Этим вплотную занялись Яша и Вернер.

Следующее приглашение меня особенно обрадовало, так как последовало оно от знаменитого Джонни Карсона — властителя дум очень многих американских зрителей. Я очень хотел, чтобы все получилось как можно лучше, и поэтому был непривычно напряжен и взволнован. И, как назло, ничего у меня толком не выходило, хотя ложка и согнулась в руках Рикардо Монтальбана. Я и без того чувствовал себя очень неловко, а тут еще меня все время торопили и торопили. Короче говоря, мало чего я сумел показать в этой программе. Настроение было поганое. Я, наверное, никогда не забуду это ощущение: миллионы людей на тебя смотрят, надо делать вид, что тебе весело, улыбаться, а у самого на душе кошки скребут.

Самое смешное, что после передачи уже за кулисами вдруг что-то действительно началось — медаль исчезла, потом вдруг снова появилась. Разные предметы начали летать по комнате. Те, кто видел, просто обалдели.

А вот на программе Мерва Гриффина, где я был дважды, все происходило просто прекрасно. Ложки без осечки ломались пополам, удавались телепатические эффекты. И в программе Майкла Уоллеса „60 минут“ результаты были отличные, невзирая на его скептицизм. Словом, передача Карсона была единственной неудачей, наверное, потому что мне очень хотелось, чтобы все прошло на „ура“.

Жил я все это время у Андриа, и, честно сказать, мне там было здорово не по себе, хотя слов нет — место прекрасное. Просто я всегда стремился быть активным и ужасно страдал, когда приходилось сидеть в помещении, никуда не выходя. Как под замком. А я жаждал общения, хотел больше встречаться с

людьми. Мне очень нравилась вечно заряженная атмосфера Нью-Йорка и вообще хотелось жить в городе.

Яша с Вернером открыли небольшое бюро в своей квартире, и мы с Шипи вскоре переехали туда.

Андриа в то время писал книжку по поводу всего, что с нами происходило. У нас с ним бывали ссоры, разногласия, подчас очень серьезные. Но *я* всегда любил Андриа. И до сих пор люблю. Он как отец мне. Но приходит время, когда сын вырастает и уходит от отца. Так и случилось с нами. Мы пришли к выводу, что при любых обстоятельствах, которые нас объединяли, я не принадлежу ему, а он — мне. Я хотел теперь работать на себя и думать за себя, хотел вырасти и идти вперед самостоятельно. Все это я выложил Андриа, и он согласился. Мне действительно необходимо было испытать, на что же я способен.

Когда я переехал в Нью-Йорк и стал жить вместе с Яшей и Вернером, то почувствовал полную независимость и даже какое-то облегчение. Я начинал понимать, что, несмотря ни на что, всегда найдутся люди, которые будут выступать против идеи этих сил. И чтобы я им ни говорил, ничего не изменит их мышление. Так будет продолжаться до тех пор, пока ученые не смогут подтвердить реальное существование этих сил и вывести законы их проявления. Но я учился, познавал. Вдруг я понял, что даже самые критичные негативные статьи помогали мне, потому что благодаря им мне уделялось внимание и многие люди могли следить за тем, что происходит, делая свои выводы.

Тем временем у меня началась следующая серия экспериментов в институте Станфорда, а параллельно проходили турне и лекции в лучших американских университетах. Я посетил Йель, Станфорд, Беркли, Кент Стейт, Брулинг Грин, Норе Каролина и другие университетские центры. Зрители — в большинстве своем студенты — реагировали живо, весело, с интересом. Для них главным было яркое, динамичное действие.

Когда я был в Голливуде во время телешоу Джонни Карсо-на, Мария Джанис встретила там своих старых друзей Джимми и Глорию Стюарт и спросила их, не хотят ли они со мной познакомиться. И вот как-то раз я вместе с Марией и Байроном был приглашен к Стюартам в гости на вечерний коктейль. Джимми попросил меня согнуть его ключ, что я и сделал. А потом он повел нас в летний садик, разбитый прямо за домом. Внезапно мы услышали какой-то грохот, шум падения чего-то тяжелого на землю. Мария побежала в ту сторону, откуда послышался звук, и вернулась с каменной статуэткой гиппопотама размером в 5 дюймов. Стюарт сразу же определил, что эта фигурка стояла на полке в их библиотеке. А его две собаки, буквально взбесившись,

прыгали и обнюхивали эту статуэтку, продолжая волноваться и скулить даже тогда, когда фигурку положили в ящик на дальнем конце садика. Они все крутились возле этого ящика до тех пор, пока мы все не вернулись домой.

У меня вообще создалось такое впечатление, что какие-то феноменальные явления очень часто происходили в присутствии Марии и Байрона. Они с большим пониманием относились к возможностям жизни в других мирах, на других планетах. Красивые абстрактные рисунки Марии, которые демонстрируются в галереях многих стран, отражают бесконечность Галактики и звезд. С самых первых дней нашего знакомства я почувствовал, что она — ее душа, ум и даже тело — живет в каком-то ином, высшем измерении. Музыка Байрона на меня воздействовала таким же образом. Когда он исполняет на рояле Шопена или Рахманинова, создается впечатление, что он ведет музыку намного дальше, чем это доступно клавишам и даже чем предполагал сам композитор.

Такие же странные вещи постоянно происходили с людьми, которые все это время работали вместе со мной. Шипи, Мела-ни, Сольвейг, Яша, Вернер, мой юрист Лари Лайтер и Трина Уотгер, которые к нам присоединились чуть позже, — ни один из них не интересовался только деловой стороной нашего дела, все они были заинтригованы и захвачены мистикой этих сил.

И почти каждый день кто-нибудь их них становился участником каких-то странных событий, происходивших с течением времени все чаще и чаще. Все они понимали, что имеют дело с явлением, гораздо более широким и всеобщим, чем их конкретная жизнь. Особенно Шипи, который был со мной везде и всегда. Что бы ни случилось, я его никогда не забуду. Быть может, если бы не Шипи, я до сих пор служил бы в экспортной компании. Он был именно тем толчком, тем человеком, который первый сказал мне: „Иди и показывай людям все, что умеешь“.

Да и остальная группа работала так же много, как Шипи, потому что, я думаю, они верили в то, что новые энергии и новые силы — это намного важнее, чем демонстрации на телевизионном экране или во время лекций и чем то, что будет открыто в научных лабораториях.

Что-то необычное происходило почти каждый день в нашем офисе. Попробуйте представить себе свое удивление, если в конце рабочей недели стакан вдруг подпрыгнет со стола в вашем кабинете и ни с того ни с сего свет выключается сам по себе, а потом вдруг маленькая кофейная ложечка возьмет и развалится на две части, когда ты сидишь спокойно за своим столом и размешиваешь в чашке сахар. А часы вдруг в одну секунду

прыгнут сразу на несколько часов вперед. И какой-нибудь предмет поднимется с вашего стола, исчезнет, а потом вновь возникнет, словно из воздуха, и покатится по дальнему концу комнаты. Представьте себе, что бесценные ноты Шопена — оригинал — вдруг исчезнут прямо из под вашего носа, как это случилось с Байроном, а потом, к великому счастью, найдутся где-нибудь в старых газетах. Или зажигалка вдруг исчезнет в одной комнате, а появится в другой, хотя все двери между ними закрыты. Это происходит постоянно, день за днем у нас на глазах. Мы давно перестали вести счет всем этим явлениям, мы просто привыкли в ним.

Я пытался анализировать, почему меня всегда что-то подталкивало к общению с людьми. Для меня чем больше людей, тем лучше, причем не важно, на телевидении я или в зале лекций, поддерживаю с ними связь через пластинку, кино или через книжку. Я надеюсь, мой внутренний голос подскажет мне, когда пора остановиться. А пока я чувствую, что должен людям показать и объяснить все, что знаю и умею.

Помимо моего ближайшего окружения, есть, конечно, и другие люди, с которыми я очень близок, иногда настолько, что мы чувствуем себя как бы частичками друг друга. Мы все, конечно, разные. У нас разные религии, разное прошлое, но все мы верим в единого Бога. Мне не нужно постоянно демонстрировать друзьям какие-то чудеса, чтобы убедить их в том, что силы существуют. Но когда я бываю с ними, чаще всего и случаются самые невероятные вещи.

Ну, например, я был в гостях у Луиса Шенкмана, доктора медицины из госпиталя Бельвю, — окна его дома смотрят прямо на Гудзон. Накануне я купил новый фотоаппарат „Поляроид“ и решил его испытать. Я вышел на балкон — ничего примечательного вокруг не было видно, но прекрасен был сам вид Нью-Йорка, его величественных небоскребов. Мне захотелось запечатлеть этот уголок города, и я нажал на кнопку. Через минуту отпечаток проявился — на нем очень четко были видны НЛО, зависшие в небе. Объяснить такие уникальные совпадения практически невозможно.

Шел 1973 год, и буквально день ото дня увеличивалось число научно подтвержденных экспериментов. Во время одной из демонстраций мне удалось так воздействовать на золотое кольцо, что оно треснуло, и Андриа послал его на экспертизу к профессору Уильяму Тимеру из Станфордского университета. Кольцо было подвергнуто тщательному анализу на факультете металлургии. Под мощным микроскопом было рассмотрено место надлома — аналогичных случаев в практике лаборатории этого

факультета не было зарегистрировано. Ведущие специалисты в этой области пытались различными способами добиться подобных результатов, но безуспешно. Ни одна известная науке причина не объясняла, почему кольцо не выдержало. Я ведь не оказывал на него никакого физического воздействия, только слегка дотронулся пальцами.

Элдон Берд, физик из лаборатории военно-морских сил США, предложил нам один из самых интересных тестов. Их лаборатория занималась новым металлическим сплавом, который назывался нитинол и имел уникальное качество: скрученный и согнутый руками кусок нитиноловой проволоки в горячей воде снова приобретает первоначальную форму, да так быстро, что создается впечатление, что он выпрыгивает из воды.

Я согнул кусочек, просто слегка погладив его. Он продолжал гнуться и после того, как я убрал от него руку, до тех пор пока не согнулся до прямого угла. Берд уже был удивлен, потому что этот металл обычно сгибается в форме арки. Но самый большой шок ждал его впереди. Он положил согнутый кусочек нитинола в горячую воду. И этот кусочек молниеносно скрутился в тугую спираль, вместо того чтобы принять первоначальную форму. Тест был повторен еще несколько раз, и результаты были полностью идентичны первому опыту. Ученые до сих пор изучают, что произошло и почему.

Продолжались и эксперименты с фотографиями. Я проводил их вместе с ведущими фотографами, и каждый раз, когда я фотографировал себя через закрытый объектив, на пленке был хотя бы один отпечаток с моим изображением.

На кинопленку удалось заснять момент, когда кончик вилки отламывается от моего легкого прикосновения. Факультет физики университета Кент Стейт опубликовал научную работу Уилбора Франклина и Эдгара Митчелла по результатам исследований и экспериментов над металлическими объектами, сделанными под наблюдением при помощи электронного микроскопа. Ученые сошлись на мысли о сложной и необъяснимой пока связи „эффекта Геллера“ с физикой и телепатией. Словом, события развивались стремительно. Газеты и журналы наперебой обсуждали проблемы, связанные с моей работой. К публикациям в „Тайме“ и „Ныосуике“ прибавились статьи в журналах „Бизнесуик“, „Сайнс“, „Пари матч“, „Штерн“, „Дер Шпигель“, Физике тудей», «Хьюмен бихейвиор», «Нью-Йорк тайме мэгэзин» и другие.

Для меня это все было очень важно, потому что благодаря такому вниманию прессы некоторые ученые задумывались над тем, как построить дальнейшее исследование феномена. От

многих крупных ученых последовали интересные предложения о продолжении экспериментов. Меня это радовало. Но больше всего меня радовало то, что я наконец-то избавился от чувства страха перед наукой и ее методами контроля.

К осени 1973 года я уже твердо знал, что энергии будут доказаны наукой. Хотя, конечно, пройдет еще немало времени, прежде чем она окончательно примет их. Ученым нужно было быть осторожными, и они не могли сразу и безоговорочно поверить в «эффект Геллера» и поэтому пока принимали его маленькими порциями. Так, скажем, в первой научной работе Станфордского исследовательского института было уделено внимание лишь телепатической стороне явления, несмотря на то что в процессе лабораторных опытов проявлялись самые разные эффекты воздействия на металлы.

Наша планета, мне кажется, стоит сейчас на пороге открытия совершенно новой силы. И сила эта, я надеюсь, будут служить людям в их добрых делах. Быть может, *я* немного наивен, рассчитывая на то, что она предназначена лишь для позитивного воздействия и ею невозможно воспользоваться в интересах зла, но тех не менее твердо придерживаюсь этого убеждения. И моя собственная практика пока подтверждает это. Вот теперь, пожалуй, пришло время рассказать читателям о событиях 9 ноября 1973 года, пожалуй самых драматичных и загадочных в моей жизни с того дня, когда я совсем еще малышом гулял в арабском садике…

Глава 17. Самое невероятное, но правда

Как бы я ни пытался рассказывать эту историю, она все равно имеет какой-то оттенок научной фантастики. И я ничего не могу с этим поделать. Поверьте, мне самому трудно свыкнуться с мыслью, что все это случилось на самом деле. Я очень долго думал, есть ли вообще смысл включать этот эпизод в книгу. Но как бы то ни было, что случилось — случилось. Время и место, о которых пойдет речь в этой истории, настоящие. Беда лишь в физической невозможности того, что произошло. Законы физики в том виде, в котором мы их знаем, отказываются объяснять эти события с точки зрения простого времени и пространства. В конце концов я решил, что, пока есть очевидцы этой истории, которые знают всю правду и могут ее подтвердить, нужно постараться изложить все подробно, в мельчайших деталях, стараясь не упустить из виду ничего существенного.

Итак, в пятницу 9 ноября 1973 года, примерно в 16 часов, я вышел из квартиры, которую снимал на Ист-сайде в Манхэтте-не, чтобы купить бинокль моему другу доктору Луису Шенкману. Я довольно быстро нашел бинокль, который мне понравился, купил его и пошел к Марии и Байрону Джанис, жившим со мной по соседству. У Марии своя мастерская в подвале дома, и там они с Шипи занимались подготовкой ее картин к выставке. Я пришел в мастерскую около половины пятого. Мы втроем немного поболтали, и после этого я с Марией отправился наверх поприветствовать Байрона. Шипи оставался в подвале, он продолжал вставлять картины в рамки. Байрон, Мария и я часто затевали долгие, обстоятельные беседы, вот и сейчас незаметно углубились в какую-то интересную дискуссию, но я вовремя вспомнил, что у меня назначено свидание с девушкой из Израиля, которую я должен был встретить в гостинице «Билтмор» в 18.30. До назначенного времени оставался всего час, а мне еще нужно было зайти в магазин «Блумингдейл», чтобы купить подарок. Потом быстренько забежать домой, принять душ и переодеться перед свиданием.

Я не помнил наверняка, когда закрывается магазин «Блумингдейл», и, попрощавшись с Байроном и Марией, отправился в сторону магазина, который находился на углу 59-й улицы и Лексингтон-авеню, буквально в нескольких кварталах от моей квартиры.

В «Блумингдейле» оказалось слишком много народу, и поэтому я пошел в магазин «Хаммахер-Шлеммер», тоже располагавшийся поблизости. Было это где-то между 17.30 и 18

часами, но точное время я не могу сейчас определить.

Восстанавливая ход событий, я потом попросил всех, кто имеет отношение к этой истории, попытаться вспомнить, что случилось с ними в эти полчаса. Мария сказала, что а вышел от них примерно в 17.00, а они с Байроном продолжали разговаривать. Через некоторое время Мария собиралась позвонить Андриа насчет какой-то книжки, которую она у него *брала* почитать. Сольвейг Кларк, как выяснилось, вышла с работы из здания «Дженерал моторе» тоже в половине шестого — она спешила на вокзал Гранд сентрал, чтобы не опоздать на поезд до Оссининга, куда он должен был прибывать по расписанию в 19.04. Она ехала, чтобы помочь Андриа в работе над книгой «Ури», которую он писал в то время. Другими словами, в тот момент, когда я направился в «Блумингдейл», Сольвейг была в пути на вокзал. Шипи, закончив с окантовкой картин Марии, поехал к Яше и Вернеру. Они были у себя в бюро и ждали нас с Шипи. Шипи не помнит точно, во сколько он вышел из мастерской, но предполагает, что это было в начале седьмого.

Я разглядывал витрины «Хаммахер-Шлеммера», а потом, взглянув на часы, увидел, что скоро уже шесть. Мне нужно было успеть вернуться домой, переодеться и мчаться в «Билтмор». Мне не хотелось опаздывать, и я легкой трусцой, как я это вообще часто делаю вместо физкультуры, побежал с сторону дома, который находился примерно в квартале от этого места. Часы показывали 18.05.

Андриа в это время был в Оссининге, на расстоянии около 30 миль — или приблизительно часа езды от Манхэттена на поезде или на машине. В часы пик иногда на дорогу уходило и больше времени. Как мы установили позже, он лежал в постели, смотрел вечерние новости по телевизору и собирался ехать на станцию, чтобы встретить Сольвейг, поезд которой прибывал в 19.04.

Итак, в 18.05 я побежал в сторону дома. Андриа смотрел телевизор в Оссининге, находясь на расстоянии часа пути от Нью-Йорка. Сольвейг садилась в поезд на Оссининг, где она должна была объявиться через час. Яша и Вернер ждали нас с Шипи в той части квартиры, которая служила им офисом. Мария и Байрон оставались у себя дома, после того как Шипи, закончив работу в мастерской, ушел.

Я очень четко помню тот момент, когда я подходил к козырьку соседнего с нашим домом здания. Вдруг мне показалось, что я бегу не вперед, а как бы назад. Может быть, так оно и было. А потом я почувствовал, что меня неудержимо тянет куда-то вверх. Я перестал ощущать вес своего тела. Закрыв от неожиданности глаза, я почти тут же снова открыл их и

обнаружил, что нахожусь *в* воздухе, стремительно приближаюсь к окнам какой-то веранды, одно из которых было затянуто сеткой от комаров. Пытаясь избежать столкновения с этой сеткой, я развернулся плечом вперед и прикрыл лицо руками. Пробив сетку насквозь, я пролетел в комнату и грохнулся на круглый столик из толстого стекла. Сперва я ударился об него руками и, проскользнув дальше, упал вниз, задев деревянное основание столика. Он перевернулся, а я приземлился на пол веранды. Я не терял сознания, но был, естественно, потрясен всем этим. У меня здорово болела нога, я даже боялся двигаться, потому что думал, что переломал кости. Но больше всего меня поразило то, что я узнал и веранду, и этот стол, ведь я их так хорошо знал. Сомнений не было — я находился на веранде Андриа в Оссининге. Только что я был в Манхэтте-не, а через несколько коротких мгновений неизвестно каким образом очутился на веранде. Я ничего не чувствовал, кроме боли от удара и бесконечного недоумения. Я закричал, что было сил, звал Андриа, но поначалу мне никто не ответил. Помню, что мне было холодно и очень хотелось пить. Я все еще боялся двигаться.

Андриа позже дополнил мой рассказ. Он успел просмотреть, наверное, половину выпуска новостей и где-то в 18.15 услышал непонятный шум и резкий удар, как будто бы что-то обрушилось на дом. Он тут же выскочил из постели. Его спальня находится на втором этаже с той стороны, где и веранда, и он из окна попытался оглядеть весь дом, Вечер был ветреный, и он решил, что, по всей видимости, ветер вырвал какое-то дерево и оно, падая, зацепило дом. Он бегал из комнаты в комнату по всем трем этажам, но ничего не мог найти. Потом подошел к входной двери, ведущей на веранду, и, хотя ничего не видел в темноте, явно услышал мой крик. Он включил свет и открыл дверь на веранду. Каково же было его изумление, когда он увидел меня, лежащего в куче обломков стола и битого стекла. Посмотрев на окна, он увидел, какая огромная дыра в сетке. Он вспоминает, что почему-то особенно его удивило то, что я держу в руках какую-то коробку, в которой оказался бинокль, купленный мной в тот день в Нью-Йорке.

К этому времени я уже кое-как начал соображать. Андриа быстро меня осмотрел: никаких серьезных ранений, по счастью, не было. И боли я нигде не чувствовал. Только в ноге. Я даже сам встал и немного прошелся, хотя меня малость пошатывало. Тем не менее страха я никакого не чувствовал. Просто ничего не мог понять.

Мария Джанис, как вы помните, была в своей квартире в Нью-Йорке и где-то в 18.15 позвонила Андриа. Телефонный звонок

раздался в Оссининге в тот момент, когда я ходил по веранде и пытался понять, что же произошло. Андриа поднял трубку. Но говорить не мог, потому что находился в шоке. Он сказал что-то типа того, что у него тут рядом сидит один приятель, который хочет с ней поговорить. Он передал телефон мне, и я сказал: «Я здесь». Теперь уже Мария была в шоке. Она видела меня в Нью-Йорке меньше часа назад, когда я выходил из ее квартиры в 17.30. Я ей сказал, что и сам не понимаю, как очутился в Оссининге. Андриа, немного оправившись от потрясения, снова взял трубку и описал зрелище на веранде, когда он нашел меня там. Я все еще чувствовал какую-то слабость в теле, но нашел в себе силы позвонить Яше и Вернеру. Они потом сказали, что голос мой непривычно дрожал. Часы в этот момент показывали 18.20. Шипи еще не успел прийти из мастерской Марии. Я сказал Яше, что хочу, чтобы они хорошенько запомнили, что и когда случилось, а я немного приду в себя и перезвоню им. Шипи объявился дома сразу же после моего звонка. Он нашел Яшу и Вернера в каком-то очень испуганном состоянии. Когда они сказали ему, что я только что звонил из Оссининга, он заявил им, что это абсолютно невозможно, потому что он совсем недавно видел, как я выходил из квартиры Марии и Байрона. Спустя какое-то время Шипи сказал: «Когда чудеса только начинаются, здорово пугаешься, а потом привыкаешь».

Конечно, мы с Андриа, придя в себя, тоже так подумали. Да и все остальные тоже. Но это был, безусловно, самый драматический феномен их всех, которые когда-либо со мной случались. Было совершенно очевидно, что никакой транспорт не мог меня доставить с Манхэттена к дому Андриа в Оссининге за те пять минут между 18.10 и 18.15.

Андриа предположил, что, может быть, мы сумеем найти ответ, если попробуем включить магнитофон. И действительно, стоило ему запустить кассету, как знакомый механический голос тут же появился. Он дал нам понять, что это силы перенесли меня из Нью-Йорка в Оссининг. После этого голос обратился к нам с разъяснением планов на будущее для меня и Андриа. Послание было довольно коротким. В нем шла речь о тех сложностях в отношениях, которые возникли между нами, и о том, что мне теперь предстоит действовать в основном в одиночку. Закончилось все довольно абстрактными высказываниями на тему о том. что свободная душа и волеизъявление человека всегда должны доминировать.

Все это время Сольвейг Кларк провела в поезде, который двигался в направлении Оссининга. Вот что она впоследствии написала по этому поводу:

«Я обещала Андриа Пухаричу, что приеду на несколько дней', чтобы помочь ему в работе над книгой. Мы договорились, что я буду добираться в Оссининг на поезде, который прибывает туда в 19.04. Он пообещал встретить меня на станции. Поезд пришел вовремя, но Андриа нигде ни было. Я ждала десять минут, думая, что он вот-вот появится. Но когда осталась одна-одинешенька на всей станции, то пошла к ближайшему телефону и набрала номер Андриа. Каково было мое удивление, когда я услышала голос Ури. Дело в том, что я с ним говорила в тот день, но он мне ничего не сказал о том, что собирается к Андриа. Я сразу почувствовала, что что-то случилось. Мне показалось, что там у них был включен магнитофон. Ури только сказал: „Мы приедем через 15 минут“ — и повесил трубку. Я ждала, готовясь к чему угодно. Они приехали на станцию в „Фольксвагене“ Андриа. Его „Мерседес“ был в это время в ремонте. Я села на заднее сиденье. Как я уже упомянула, Ури вовсе не планировал ехать в Оссининг в ту пятницу. У него было назначено свидание с девушкой.

Когда мы добрались до дома Андриа и он включил свет на веранде, я все увидела. Картина была ужасной. Огромная дыра в сетке от насекомых, натянутой очень высоко. Перевернутый и сломанный столик, повсюду осколки разбитого стекла. Ури к этому времени уже успокоился, преодолел испуг и был только заметно озадачен. Если бы это случилось с кем-нибудь другим, я уверена, что этот человек едва ли сумел бы сохранять самообладание, а то могло бы и сердце не выдержать. Я горжусь Ури, силой его ума и воли, удивляюсь его прекрасной спортивной форме — словом всем, что позволило ему держаться в уравновешенном состоянии. Его еще как-то хватило на шутки и юмор. Создавалось впечатление, что все в порядке, все так и должно было быть».

Я привел здесь слова Сольвейг, потому что у нее очень светлый ум и она очень наблюдательна. Кроме того, ее появление в Оссининге было весьма кстати. Дело в том, что — не знаю почему — я в жизни никогда не был таким голодным, как в тот вечер. Она быстро приготовила нам омлет и салат, пока мы пытались сообразить, что же все-таки случилось. На всякий случай Андриа взял фонарь и пошел посмотреть, нет ли каких-нибудь следов на траве возле веранды. Следов не было. Мы оба все осмотрели, проверили сетку. Никаких сомнений не было — она была прорвана чем-то тяжелым, влетевшим в окно со стороны улицы. Причем дыра располагалась очень высоко, где-то на расстоянии шести или семи футов над землей. Вокруг абсолютно ничего не было. Я постоянно спрашивал себя: как же так? Почему я ничего не чувствовал, никакого ощущения полета. Словно я

вообще не был в Нью-Йорке, а просто сразу же возник в воздухе, возле этой злосчастной сетки. Все произошло так быстро: полет через сетку, падение на стол, разбитое стекло. Я вспоминал, как ударил левую ногу, упал на пол, как обнаружил себя с ужасом в 36 милях от Манхэттена. Что происходило с моим телом? Был ли я действительно разорван на молекулы или, быть может, прошел через какое-то неизвестное измерение. Что со мной случилось? Я не знал. Пленки также не вдавались в подробности. И каким образом через все это вместе со мной прошел бинокль? Чем больше я думаю об этом, тем больше вижу, какие мы все маленькие, сколько всего еще не знаем, сколько нам предстоит познать. Если радиоприемник подключить к слишком мощному источнику тока, он перегорит. Точно так же обстоит дело и с нашими мозгами. Если мы вдруг сразу узнаем слишком много, то можем сойти с ума. Поэтому я, может быть, даже не хочу знать об этом все. Пусть лучше все идет своим чередом. *Я* не хочу брать на себя перегрузку. Хотя люблю работать на всю катушку, что называется.

Мы поужинали тем, что для нас приготовила Сольвейг. Я почувствовал себя значительно лучше и попросил Андриа, чтобы он, если может, отвез меня обратно на Манхэттен. «После того что случилось, я тебя куда угодно отвезу», — сказал он.

Было довольно холодно, а я был очень легко одет. Мы втроем сели в «Фольксваген» и отправились на Манхэттен. По дороге мы с Андриа снова заговорили о том, что услышали на пленке. Кассету мы взяли с собой и решили еще раз попробовать включить ее. К нашему удивлению, запись в этот раз не была стерта и Сольвейг удалось услышать этот странный голос. Она потом сказала, что это произвело на нее огромное впечатление. Сольвейг хорошо владеет несколькими языками и всегда с интересом подмечает различные оттенки и акценты речи. Про голос, который она услышала на пленке, Сольвейг сказала, что ничего особенного в лингвистическом смысле из себя он не представлял, пожалуй, кроме того, что говорил он по-английски очень правильно, как по-написанному, а от обычного человеческого голоса отличался лишь тем, что в нем как бы не было жизни: ни юмора, ни индивидуальных особенностей, ни смысловых ударений. Все произносилось очень плавно и монотонно. Он не показался ей страшным, а скорее волевым, командным.

Наша обратная дорога в Нью-Йорк заняла чуть меньше часа. Только в машине я наконец полностью осознал, что добрался до Оссинйнга, не пользуясь никаким из известных че: ловечеству видов транспорта. Эта мысль вдруг ужаснула меня, причем на сей

раз шок был весьма сильным. Долгая утомительная дорога, бесконечный поток машин, огни большого города — все эти обычные приметы нашего возвращения напоминали мне совершенно иной путь, который я проделал только что в Оссининг. Потом я вспомнил о других вещах, которые произошли в последнее время. Подумал о собаке Андриа, о тех предметах, которые то исчезали, то снова появлялись в домах людей и лабораториях известных ученых. Все это указывало на существование совершенно иного измерения времени и пространства, перед которым бессильна пока наука и которое мы, люди, чаще всего называем просто чудом. *Я* чувствовал, что мне суждено сыграть какую-то особую роль в их сближении — науки и чуда. Чем больше я думал об этом, тем увереннее и спокойнее становился. Мне выпала большая удача и честь стать одним из проводников этих огромных энергий, нуждающихся только в том, чтобы их узнали, открыли и исследовали.

Ощущение это приходило ко мне не только в виде символов, таких, скажем, как сгибание металла или исчезновение предметов. Оно приходило ко мне и через поэтические строки, которые словно лились через меня. Я никогда не сочинял стихи специально — они возникали во мне как бы сами по себе, дополняя то, что мне не удавалось выразить в процессе демонстрации. Быть может, и в них заложен какой-то тайный, неразгаданный пока мной смысл.

Обо всем этом я размышлял, сидя в «Фольксвагене» той холодной ночью, когда мы возвращались в Нью-Йорк. Возвращение из путешествия, которое заняло у меня, быть может, какую-то сотую долю секунды несколько часов назад. Я понимаю, что все это, может быть, выглядит так же дико и немыслимо, как научная фантастика. И тем не менее так оно и было 9 ноября 1973 года где-то после шести часов вечера. И если это произошло тогда, то неизбежно повторится и когда-нибудь в будущем. Чем бы все это ни объяснялось: таинственным «Спектра», каким-то НЛО или магнитофонным голосом — я убежден, что их существование не иллюзия, не плод больного воображения, не шутка природы, а сущая реальность.

Разумеется, не Бог в нашем традиционном представлении, а скорее какая-то великая, разумная, межкосмическая энергия, которая служит нам и служит Богу в одно и то же время.

Когда я пытался для себя это объяснить, ко мне пришли слова, которые совсем не обязательно называть поэзией, но которые я постарался запомнить и записать. Они как вспышки света, озарения, которые проливают свет чуть дальше, чем узкие возможности нашего видения. Вот послушайте:

Я знаю правду.
Она в глубине души.
Правда мистического знания,
Ради которого все прекрасное пока сокрыто от нас.
Знание того, что в тебе достаточно силы,
Смелости и величия
Увидеть и постичь самый грандиозный,
Самый важный закон жизни.
Который переменит все известное на Земле
И даже дальше.

Я убежден, что тайны Вселенной будут открыты, прорвутся к людям и все эти феноменальные энергии станут ключом к восстановлению гармонии и порядка. И вовсе не в каком-то отдаленном будущем, а совсем скоро.

Эпилог. БОГ

Очень многие люди убеждали меня в том, что, как только журнал «Нэйче» опубликует результаты исследований Станфордского института, спор вокруг меня стихнет и у ученых появится удвоенное желание как следует изучить этот феномен. Поэтому я, естественно, был очень взволнован, когда узнал, что журнал «Нэйче» наконец-то дал согласие опубликовать большую статью в октябрьском выпуске 1974 года. В прессе поднялась новая волна интереса ко мне и моим опытам, как и прежде неоднозначная в оценках, но на сей раз единодушная в том, что науке предстоит всерьез заняться тем, что она долгие годы отвергала и игнорировала.

Даже «Нью-Йорк тайме», которая, как правило, не уделяет много внимания подобным вещам, опубликовала большую редакционную статью, где, в частности, отмечалось; «Научный мир теперь в курсе того, что есть явления, достойные внимания и основательного изучения, такие, например, как телепатия. Своей публикацией респектабельное издание „Нэйче“ призвало ученых или присоединиться к исследованиям, или аргументированно отвергнуть их необходимость. Иными словами, дать удовлетворительные объяснения миллионам простых людей, которые готовы поверить в то, что человеческий разум обладает намного большими возможностями, чем известными испокон веков пятью чувствами. Редакторы „Нэйче“ предприняли очень важный шаг в целях стимуляции научного познания, совершенно открыто поставив вопрос, готова ли сама наука к тому, чтобы заниматься такими вопросами».

«Нэйче» опубликовала и свою редакционную статью, в которой говорилось, что работа Станфордского института призвана взбудоражить весь научный мир. Так и произошло.

Журнал «Нью саэнтист», получивший доступ к бумагам Станфордского института еще до их официальной публикации, опубликовал статью в тот же месяц, что и «Нэйче». «Нью саэнтист» был настроен весьма критично, что ж, любой журнал имеет на это право. Но в помещенной там статье страница за страницей критиковалась научная работа Станфордского института способами, весьма далекими от науки. Выводы ученых подвергались сомнению устами фокусников и гипнотизеров. Другими словами, автор «Нью саэнтист» сам нарушил все правила, которые так ревностно защищал, рассуждая о том, что необходимо двигать науку вперед чистыми руками. Самое трогательное и лестное для меня было то, что журналист пытался

все время доказать, будто Рассел Тарг и Хал Путхофф в подметки не годятся Ури Геллеру, который их облапошил. Если учесть, что оба они ведущие специалисты в области лазерной физики, то можно было бы гордиться таким сравнением. Хотя, разумеется, в нем не было и капли правды.

Однако самое дикое обвинение журнала «Нью саэнтист» состояло в предположении, будто бы у меня есть миниатюрное радиопередающее устройство, вмонтированное в зубы. Что оно было сконструировано по чертежам Андриа Пухарича и помогало мне во всех телепатических сеансах. Журнал не пожалел места на своих страницах, чтобы подробно расписать эту лживую историю, и поэтому мне кажется важным сказать, что нью-йоркский дантист Джон К. Линд внимательно изучил меня в декабре 1974 года в своей клинике. В его отчете говорилось: «Со всей ответственностью подтверждаю, что после клинического изучения рта, зубов и челюстей совершенно очевидно, что у Ури Геллера в полости рта нет никаких посторонних вживлений: транзисторов, металлических объектов и тому подобного».

«Тайм» продолжал попытки дискредитировать результаты экспериментов Станфордского института в своей публикации от 4 ноября 1974 года, где комментировалась статья в «Нью саэнтист».

Но самое главное то, что та часть экспериментов Станфордского института, описание которых появилось в публикациях «Нэйче», была лишь вершиной айсберга, которая не открывала даже такой всесторонне изученный нами феномен, как сгибание металла. Эксперименты, проведенные в Лондонском университете, к тому времени, когда вышла статья в «Нэйче», были еще не окончены. И особенно важным в них, как я уже говорил раньше, было то, что они впервые давали подтверждение результатам, полученным другими людьми, на которых я воздействовал посредством телевидения.

Джон Хастед написал мне письмо, в котором сообщил, что исчезновение объектов из одного места и появление в другом — это феномен, за которым он наблюдал несколько раз. Он высказал предположение, что, возможно, в момент перемещения в пространстве объект как бы переставал существовать в привычном смысле этого слова, а затем снова материализовался в конечной точке своего путешествия. Основной вопрос заключался в следующем: какова была форма существования объекта между двумя фазами — старта и финиша? Сам Джон Хастед считал, что разгадка этого феномена лежит где-то в области электромагнитных излучений и неизвестного пока науке воздействия на металлы, при котором он как бы размягчается и меняет форму. Спустя некоторое время я был у него в гостях и он

с гордостью сообщил, что силой внушения заставлял большие настенные часы в его доме бить в нужное ему время.

Джон Хастед сообщил мне, что журнал «Нэйче» планирует в начале 1975 года опубликовать научную статью, которую они с Дэвидом Бомом подготовили по результатам наших совместных экспериментов. Примерно в это же время и ряд других ведущих научных изданий готовит к выходу в свет работы, посвященные «эффекту Геллера». Особенно важным было то, что впервые предполагалось осветить прямое физическое воздействие этих сил на металлы. Таким образом, могла бы сложиться более полная картина тех проявлений, которые и составляли «феномен Геллера».

А в феврале 1975 года должна была состояться международная конференция ведущих ученых-физиков в Тэрритауне, на которой предполагалось проанализировать эффект этих только что открытых сил и их возможное влияние на развитие науки. Все это были обнадеживающие сигналы растущего интереса к этим проблемам.

Я же по-прежнему сталкивался со все более и более необъяснимыми вещами. Вот что, например, мне написал Роберт Стигвуд: «Мне нужно было лететь в Нью-Йорк по срочным делам, а, как назло, накануне отъезда я очень сильно обжег руку и на пальце образовался большой болезненный волдырь. Во время полета, примерно час спустя после того, как я сел в самолет в Лондоне, я открыл газету „Дейли мейл“ и стал читать подборку материалов, посвященных тебе». Потом Роберт пишет, что, прочитав газету, он очень осторожно сложил страницу, на которой была помещена моя фотография, и положил ее в карман пиджака, где на протяжении всего оставшегося полета держал руку, случайно прислонив больной палец к фотографии. В какой-то момент он заснул и вообще забыл про обожженный палец, вспомнив про него уже только в нью-йоркском аэропорту. «Я посмотрел на свой палец и с удивлением обнаружил, что волдырь исчез. Я не мог найти никакого логического объяснения тому, что произошло».

Еще один уникальный случай произошел в квартире матери моего друга в Италии. Я навестил ее в январе 1975 года, и мы довольно долго разговаривали обо всех загадочных проявлениях феномена. Вдруг во время разговора, как бы в знак подтверждения, маленькая пепельница приподнялась со стола и упала на пол. Но это было только начало. Через несколько минут мы услышали легкий удар и что-то будто бы разбилось в соседней комнате. Звук, как выяснилось, доносился из запертого застекленного шкафа, в котором хозяйка хранила фарфор и

посуду. Заглянув внутрь, мы увидели, что на одной из полок лежит крошечная голубая статуэтка. Рассмотрев ее повнимательнее, мы поняли, что это миниатюрная египетская статуэтка, сделанная из какого-то хрупкого керамического материала, настолько маленькая, что спокойно помещалась в моей ладони. Пожилая женщина была поражена, потому что, как я уже сказал, шкаф был закрыт на замок и этого предмета там никогда раньше не было. Она вообще его первый раз в жизни видела.

Когда она открыла шкаф и вынула фигурку, та вдруг треснула и распалась на две части. От неожиданности она выронила статуэтку из рук. Мне чудом удалось прямо на лету поймать эти две половинки. Внутри фигурка была сделана из какого-то крошащегося материала, похожего на гипс. Изображала она египетского фараона и выглядела как очень дорогой сувенир, типа тех, что продаются в Гонконге или на Тайване. Даже запах у нее был необычный. Моя хозяйка была очень напугана всем, что произошло. Она упросила меня, чтобы я забрал фигурку, что я, разумеется, и сделал. Осторожно обернув в тряпицу, я положил ее в свой чемодан, который оставлял в гостинице. Занимаясь всем этим, я вдруг вспомнил старые истории, которые когда-то читал про фараона Тутанхамона, и проклятие, нависшее над учеными, разрывшими его гробницу. Вскоре я, естественно, забыл об этом и не думал о странной статуэтке до тех пор, пока не приехал в Нью-Йорк.

Там я показал фигурку Сольвейг Кларк и вкратце рассказал ей всю историю. На нее она произвела большое впечатление, и ей почему-то показалось, что статуэтка эта не просто маленький сувенир. Она попросила у меня разрешения отнести ее в музей «Метрополитен» в Нью-Йорке и отдать на экспертизу специалистам по Древнему Египту. Я согласился, хотя ничего особенного от этого не ожидал. Она пошла сначала в «Метрополитен», а затем и в Бруклинский музей, где лучшие эксперты по культуре Древнего Египта не только со всей достоверностью подтвердили, что эта фигурка была сделана в период между XIII и VIII веками до нашей эры, но и утверждали, что до сих пор не было найдено подобных реликвий в таком прекрасном состоянии. Итак, опять загадка: каким образом могла эта редкая древняя вещица попасть в запертый стеклянный шкаф, принадлежащий женщине в Италии, которая никогда в жизни его не видела? Словом, загадки продолжаются и пока не находят разумного объяснения. Но все, что происходит со мной, я стараюсь строго и четко документировать и подтверждать показаниями очевидцев для того, чтобы самые неисправимые

скептики не могли опровергнуть их достоверность. Когда все будет суммировано, может быть, мы и получим ответы на какие-то свои вопросы. А пока я знаю только то, что эти вещи регулярно напоминают мне о существовании высших разумов, как бы осуществляют связь с ними, хотя в это трудно поверить. Моя теория заключается в том, что энергии, проходящие через меня, исходят от какого-то высшего космического разума. Здесь я не говорю о Боге, я имею в виду какие-то мощные силы, которые существуют под Богом, хотя все это, конечно, звучит весьма туманно и расплывчато. И, честно говоря, я сам не всегда понимаю, как все эти вещи происходят со мной или через меня. Мне кажется, что очень важно всему миру узнать про эти разумы, потому что они существуют и еще не раз проявят себя, даже если на это уйдет очень много времени. Есть, конечно, и другой подход — скрывать все непонятное, стараться держать в большом секрете. Но этот путь не по мне. Я хочу все выложить на стол, потому что убежден в том, что эти силы будут работать только на благо человечества, а не во вред ему.

Я написал эту книгу для людей, которые хотят быть в курсе событий, и поделился с ними теми потрясающими явлениями, которые я пережил и которые продолжаю переживать. Самое главное — это попытаться понять, почему и зачем эти вещи происходят. Ну почему, скажем, кусочек металла вдруг теряет вес под воздействием этих сил? Откуда на чистых пленках возникали эти низкие, монотонные голоса? Как мне удавалось заснять НЛО в чистом небе? Я даже не хочу пользоваться этим обозначением, потому что многие вообще никогда не принимали всерьез это понятие. А тех, кто верит во все это, считают сумасшедшими. И хотя я не знаю точно, что такое НЛО, я абсолютно убежден в том, что они существуют. Кто знает, может и в самом деле есть где-то тот клоун, о котором я в шутку писал раньше, и он просто играет со всеми нами, развлекается, не торопясь раскрыть нам все секреты своего странного поведения. Почему?

Я продолжаю думать, что на то есть своя причина, она должна быть. Должно быть объяснение и разгоревшемуся вокруг этого не на жизнь, а на смерть спору, и тому категорическому неприятию феномена со стороны его наиболее рьяных критиков. Всем этим сложным и тонким явлениям должна быть причина, и я верю, что она будет когда-нибудь выявлена.

Я чувствую, что мои мысли все чаще возвращаются в тот арабский садик в Тель-Авиве, к тому, что произошло со мной много лет назад, когда я был еще очень маленьким.

И некоторые глобальные проблемы нашей Вселенной и нашей цивилизации все чаще не дают мне покоя.

Я не сомневаюсь в существовании Бога и в его могуществе.

Я чувствую, что под Божьей волей существуют бесконечные разумы, которые неизмеримо величественнее, чем наши.

Я уверен в том, что здесь, на Земле, есть люди, обладающие потрясающей силой, которые просто о ней не догадываются. И еще я считаю, что у каждого из нас есть шанс получить какое-то удивительное послание. То, что произошло и происходит со мной, может произойти и с вами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Многие люди помогали мне в работе над этой книгой.

Вот их имена: Чарльз Андерсон, Марк и Диана Андерсон, Боб Банкер, Роберт и Стефания Баррат, Эдвард Бастин, Майкл Бентайн, Дэвид Бом, Джим Болен, Брайс Бонд, Дин Браун, Сара Бурсак, Элдон Берд, Змира Чен, Сольвейг Кларк и ее семья, Барт Кокс, Джеймс и Бренда Креншоу, Айрис Давидеско, Дэвид Димблэби, Арнольд Долин, Майк Дуглас, Сэр Вал Дункан, Альберт Дюкрок, Петер и Анита Эдлер, Моше Фаркаш, Вольфганг Фогес, Уилбур Франклин, Джон Дж. Фуллер, Маргарет Геллер, Тибор и Ева Геллер, Ингрид Гольдберг, Вики Голден, Фелице Гордон, Мерв Гриффин, Джон Хастед, Рон и Нэнси Хоук, Петер Хельшер, Рани Хирш, Джим и Дизайе Мазель Хуртак, Брайан Инглис, Байрон и Мария Джанис, Джокер, Джоселин и Джоселито Джачинто, Яша Кац, Бетти Кенворси, Кэси Кирб, Эфраим Кишон, Рэа Найт, Эд Костер, Джесси и Пэт Ласки, Бенджамин и Анита Леви, Ларри и Глория Лайтер, Майкл Магзис, Рон и Кармен Меркхам, Джин Мэйо, Брюс Мэррин, Кэвин Маккормик, Эдгар и Анита Митчелл, Ричард Мур, Дел Ньюмен, Максин Найтингейл, Гленн и Ева Олдс, Брендан О'Риган, Чарльз Панати, Гидеон и Леа Пелег, Хэгэй и Рут Пинскер, Хосе Лопес Портильо и его семья, Андриа Пухарич, Харольд и Адриэн Путхофф, Дотсон Рэйдер, Дэвид и Сью Ричардсон, Пири Роснер, Амнон и Рони Рубинштейн, Ло Сакс, Луис и Эдна Шенкман, Майкл и Рала Шенкман, Дон Шух, Вернер Шмидт, Иоав Шахам, Шипи Штранг, Ари, Хава и Ханна Штранг, Соши и Иаков Штранг, Боб и Джуди Скатч, Фрейм Смит, Рэй и Мэри Катрин Станфорд, Роберт Стигвуд, Джордж Свенсон, Рассел и Джоан Тарг, Джон Тейлор, Телос и Венус, Джон и Сью Тишман, Мелани Тойофуку, Тцуки, Чарльз Ван Дорен, Трина и Фрида Ваттер и их семья, Лайэл Уотсон, Арнольд Вейсбергер, Поль и Мадин Вилер, Боб Вильямсон, Кандэйс, Долли и Келли Вильямсон, Присцилла Вильямсон, Джоан Вуд, Хун Ихи Джоа, Ила Зибелл и вообще все мои друзья по всему свету.

Всем клеветникам и недоброжелателям я также дарю свою любовь.

Ури Геллер,
1976, апрель

notes

Примечания

1

Бар мицва — религиозный обряд.